

ЗА ОШИБКИ
НАДО
ПЛАТИТЬ...

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«БУМАЖНАЯ ПРИНЦЕССА»
И «СЛОМЛЕННЫЙ ПРИНЦ»

ЭРИН УАТТ

РАЗРУШЕННЫЙ ДВОРЕЦ

18+

Annotation

Рид и Элла наконец-то вместе. После всего, что им пришлось пройти, кажется, ничто не может помешать их счастью. Но судьба снова бросает героям вызов...

Когда любовь Рида Ройала решать проблемы кулаками приводит его на край пропасти, Элла Харпер готова до конца биться за любимого. Но хватит ли у девушки сил пойти против всего мира? И главное – достаточно ли сильна ее вера в Рида и его любовь?

Роковые поступки, непоправимые случайности, опасные интриги и неподдельные чувства – особняк Ройалов, как всегда, держит в напряжении своих обитателей. Наступят ли когда-нибудь мир и покой в этом роскошном дворце?..

- [Эрин Уатт](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Эрин Уатт

Разрушенный дворец

Глава 1

Рид

– Где вы находились вчера вечером, между восьмью и одиннадцатью часами?

– Как долго вы спали с девушкой вашего отца?

– Зачем вы убили ее, Рид? Она вывела вас из себя? Угрожала, что расскажет об этой интрижке вашему отцу?

Я посмотрел не один сериал про копов и знаю, что, сидя в комнате для допросов, лучше помалкивать. А еще можно сказать четыре магических слова: «Я требую своего адвоката».

Именно поэтому за последний час я не вымолвил ни слова.

Если бы я был несовершеннолетним, этим придуркам и в голову не пришло бы допрашивать меня в отсутствие родителей или поверенного. Но мне восемнадцать, и, по-видимому, они считают, что все по-честному. Или надеются, что я окажусь полным идиотом и отвечу на все их провокационные вопросы без адвоката.

Детективов Казинса и Шмидта, похоже, совсем не пугает моя фамилия. Хоть что-то новенькое. Всю жизнь все потакали мне, потому что я Ройал. Проблемы в школе? Папа подписывал чек – и мои грехи забыты. Девчонки? Выстраиваются в очередь, чтобы прыгнуть ко мне в постель, а потом хвастаются своим друзьям, что переспали с Ройалом.

Но все они мне безразличны. Сейчас меня интересует только одна-единственная девчонка – Элла Харпер. И я совершенно уничтожен тем, что ей пришлось наблюдать, как меня вытаскивают из дома в наручниках.

Брук Дэвидсон мертва.

До сих пор не могу в это поверить. Когда я уходил из пентхауса, подружка моего отца, эта жадная до денег платиновая блондинка, была живее всех живых.

Но детективам я об этом ничего не говорю. Я же не идиот. Они исказят смысл любого сказанного мною слова.

Раздраженный моим молчанием Казинс ударяет ладонями по металлическому столу между нами.

– Отвечай, маленький засранец!

Мои руки под столом начинают сжиматься в кулаки. Я заставляю

пальцы расслабиться. Здесь лучше держать свои эмоции под контролем.

Его напарница, тихая женщина по имени Тереза Шмидт, бросает на Казинса предостерегающий взгляд.

– Рид, – начинает она мягким голосом, – мы не сможем помочь тебе, если ты не пойдешь нам навстречу. А ведь мы хотим тебе помочь.

Я выгибаю бровь. Нет, серьезно? Они затеяли игру в «хороший коп – плохой коп»? Наверное, мы смотрели одни и те же сериалы.

– Ребята, – безразличным тоном отвечаю я, – у вас со слухом все в порядке? А то я начинаю сомневаться.

Усмехнувшись, скрещиваю руки на груди.

– Я уже попросил адвоката, а значит, вы должны подождать с вопросами до тех пор, пока он не появится.

– Мы можем задавать тебе вопросы, – говорит Шмидт, – а ты можешь на них отвечать. В этом нет ничего противозаконного. А еще ты можешь добровольно поделиться с нами тем, что тебе известно. Например, начнем с объяснения, откуда на твоей футболке кровь.

Я сдерживаю желание схватиться рукой за бок.

– Спасибо за предложение, но я подожду Хальстона Гриера.

В маленькой комнате повисает тишина.

По лицу Казинса заходили желваки. Шмидт лишь вздыхает. Потом оба детектива отодвигаются на стульях и, не сказав ни слова, выходят.

Ройал – 1.

Полиция – 0.

Они сдались, но и вызывать адвоката тоже не торопятся. Поэтому на протяжении следующего часа я сижу в полном одиночестве и размышляю о том, как, черт подери, докатился до такой жизни. Я никогда не был святым и даже не притворялся им. На моем счету не одна драка. При необходимости я могу быть жестоким.

Но я не из тех парней, кого уводят в наручниках из собственного дома, кому приходится смотреть в испуганные глаза своей девушки, пока его усаживают на заднее сиденье полицейской машины.

Когда дверь снова открывается, я начинаю ощущать клаустрофобию и поэтому веду себя грубо, хотя не должен.

– Что-то ты не особо торопился, – рассерженно говорю я адвокату отца.

Несмотря на поздний час, адвокат, седовласый мужчина лет пятидесяти с небольшим, одет в костюм. Он уныло улыбается мне.

– О, смотрю, кое у кого отличное настроение.

– Где папа? – заглядывая через плечо Гриера, требовательно

спрашиваю я.

– В комнате ожидания. Ему сюда нельзя.

– Почему?

Гриер закрывает дверь, подходит к столу, ставит на него свой дипломат и открывает золотистые защелки.

– Потому что в отношении родителей, дающих свидетельские показания против своих детей, нет никаких ограничений. Свидетельский иммунитет распространяется лишь на супругов.

Впервые за все время с момента моего ареста меня начинает подташнивать. Давать свидетельские показания? Но ведь суда не будет, не так ли? Как далеко собираются зайти копы с этим расследованием?

– Рид, соберись.

У меня сводит живот. Проклятье. Меньше всего мне хочется выглядеть беспомощным перед этим мужчиной. Я никогда не показываю свои слабости, никогда. Единственный человек, рядом с которым я могу расслабиться, – это Элла. Эта девчонка обладает способностью пробиваться через все мои барьеры и *видеть* меня, настоящего меня, а не холодного, бездушного засранца, которого видят все остальные.

Гриер достает блокнот и золотую авторучку, а затем усаживается на стуле напротив.

– Я разберусь со всем этим, – обещает он. – Но сначала должен понять, с чем имею дело. Судя по тому, что мне удалось выжать из сотрудников полиции, ведущих расследование, у них есть видео- запись, на которой видно, как прошлым вечером, без пятнадцати девять, тыходишь в пентхаус О’Халлоранов. И на той же видеозаписи зафиксировано, как тыходишь приблизительно двадцать минут спустя.

Я быстро оглядываю комнату в поисках камер или другого записывающего оборудования. Здесь нет зеркала, значит, вряд ли кто-то наблюдает за нами из невидимой соседней комнаты. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Все, о чем мы разговариваем здесь, останется между нами, – заметив мою настороженность, уверяет меня Гриер. – Им нельзя нас записывать. Адвокатская тайна и все такое.

Я медленно выдыхаю.

– Да, я был в пентхаусе. Но я ее не убивал!

Гриер кивает.

– Хорошо. – Он что-то записывает в своем блокноте. – Давай вернемся к событиям, предшествовавшим всему этому. Я хочу, чтобы ты начал с самого начала. Расскажи мне о вас с Брук Дэвидсон. Важна любая деталь. Я

должен знать все.

Я сдерживаю стон. Прекрасно. *Это* будет весело.

Глава 2

Элла

Комнаты мальчишек располагаются в южном крыле, а комната их отца – в другой стороне особняка Ройалов, поэтому, поднявшись на последнюю ступеньку, я поворачиваю направо и несусь по натертому паркету к комнате Истона. На мой тихий стук он не отвечает. Готова поклясться, парень будет спать даже в ураган. Я стучусь громче. Когда мне по-прежнему никто не отвечает, я толкаю дверь и вижу Истона, распластавшегося на кровати лицом вниз.

Я подхожу к нему и трясусь его за плечо. Он стонет.

Я снова трясусь его, меня охватывает паника. Почему он все еще спит? Почему его не разбудила суматоха, которая только что творилась внизу?

– Истон! – кричу я. – Просыпайся!

– Что случилось? – слегка приоткрыв один глаз, бурчит он. – Дерьмо! Я опаздываю на тренировку?

Он перекачивается на спину, потянув за собой простыни, и моему взгляду открывается куда больше голого тела, чем мне нужно видеть. Я нахожу на полу его скомканные спортивные штаны и кидаю их на кровать. Штаны приземляются ему на голову.

– Вставай, – умоляю я.

– Зачем?

– Потому что наступил конец света!

Истон сонно моргает.

– Что?

– Мы в полной жопе! – кричу я, а потом заставляю себя глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться. Но это не помогает, и я рявкаю: – Просто приходи в комнату Рида, хорошо?

Наверное, он слышит неконтролируемую панику в моем голосе, потому что сразу же встает с кровати. Прежде чем я успеваю выйти за дверь, перед моими глазами опять мелькает голое тело Истона.

Но, вместо того чтобы пойти в комнату Рида, я бегу через просторный коридор в свою спальню. Этот дом до неприличия большой и красивый, но внутри него царит полнейший хаос, как и в моей голове.

Наверное, я уже и правда стала членом семьи Ройал.

На самом деле – нет, конечно. И оставшийся там, на первом этаже, мужчина – живое тому доказательство: Стив О’Халлоран, мой отец, совершенно непохожий на мертвеца, которым его считали.

Меня переполняют самые разные эмоции, от которых подкашиваются колени и вот-вот начнется истерика. Мне ужасно неловко из-за того, что пришлось оставить его внизу. Я даже не представилась, а просто развернулась на пятках и помчалась наверх. Слава богу, Каллум Ройал не сделал того же. Но сейчас его больше всего заботила судьба Рида, поэтому он лишь выпалил: «Сейчас мне не до тебя, Стив, подожди меня здесь», понесся к своей машине и отправился в полицейский участок.

Несмотря на чувство вины, я гоню прочь мысли о Стиве. Сейчас я не могу думать о нем. Нужно сосредоточиться лишь на Риде.

Оказавшись в своей комнате, я первым делом вытаскиваю из-под огромной кровати свой рюкзак. Я всегда держу его под рукой. Расстегнув молнию, с облегчением вижу, что кожаный кошелек, в котором хранятся все наличные, полученные от Каллума за каждый месяц, проведенный в его семье, на месте.

Когда я только переехала сюда, Каллум пообещал платить мне десять тысяч долларов в месяц до тех пор, пока я не сбегу. Сначала я ненавидела особняк Ройалов, но вскоре полюбила его всем сердцем. И сейчас даже представить себе не могу, что могла бы жить в каком-нибудь другом месте, – я останусь здесь даже бесплатно. Но жизнь в нищете учит бережливости, поэтому я не стала говорить об этом Каллumu.

Сегодня я всей душой благодарна ему за эту «мотивацию». Денег в моем рюкзаке хватит на то, чтобы продержаться несколько месяцев, а может, и больше.

Закинув рюкзак на плечо, я быстро подхожу к комнате Рида, и одновременно со мной в коридор выходит Истон. Его темные волосы торчат в разные стороны, но штаны – на нем, слава богу.

– Что происходит? – спрашивает он, входя вслед за мной в спальню старшего брата.

Я рывком открываю дверь стенного шкафа, взгляд лихорадочно бежит по огромному пространству внутри. В самом конце, на нижней полке, я нахожу то, что ищу.

– Элла, – настойчиво зовет Истон.

Я не отвечаю ему. Он с хмурым видом наблюдает, как я тащу по кремовому ковру темно-синий чемодан.

– Элла, черт тебя дери! Ты можешь поговорить со мной?

Его хмурый вид сменяется удивлением, и он большими глазами

смотрит, как я начинаю закидывать вещи в чемодан. Несколько футболок, любимая зеленая толстовка Рида, джинсы, пара маек. Что же еще может ему понадобиться?.. Э-э-э, трусы, носки, ремень...

– Зачем ты упаковываешь вещи Рида?

Сейчас Истон чуть ли не кричит на меня, и этот резкий тон заставляет обратить на него внимание.

Поношенная серая футболка падает из моих рук на ковер. Но сердцебиение учащается, когда я опять понимаю всю серьезность ситуации.

– Рида арестовали за убийство Брук, – быстро начинаю говорить я. – Твой отец в полицейском участке вместе с ним.

Истон в недоумении.

– Что за черт! – восклицает он, а потом: – Копы приехали, когда мы были на ужине?

– Нет, уже после того, как мы вернулись из Вашингтона.

На ужин в Вашингтон поехали все, кроме Рида. Так уж живут Ройалы. У них настолько много денег, что в распоряжении Каллума есть несколько частных самолетов. Возможно, их не было бы, не владей он компанией по их производству, но все равно у меня это в голове не укладывается. Вечером мы сели на самолет в Северной Каролине, чтобы полететь в Вашингтон – просто *поужинать*. Да уж, у богатых свои причуды. Но Рид остался дома, потому что у него болел бок.

Несколько дней назад его пырнули ножом, и он сослался на то, что от болеутоляющих чувствует себя слишком сонным, чтобы ехать с нами.

Но не чтобы поехать к Брук...

Боже, что же он все-таки *сделал* тем вечером?

– Это случилось десять минут назад, – слабым голосом добавляю я. – Разве ты не слышал, как твой отец кричал на детектива?

– Я ничего не слышал. Я... э-э-э... – Истон стыдливо отводит глаза. – Вечером у Уэйда я выпил бутылку водки. Потом приехал домой и сразу же вырубился.

У меня нет сил отчитывать его за пьянство. У Истона серьезные проблемы с пагубными привычками, но сейчас куда важнее проблемы Рида, которого обвиняют в *убийстве*.

Я сжимаю пальцы в кулак. Если бы Рид сейчас был здесь, я бы ударила его – за то, что он соврал мне, и за то, что его увезли в полицию.

Наконец Истон нарушает оглушающую тишину.

– Думаешь, это он *сделал*?

– Нет. – Но как бы уверенно ни звучал мой голос, внутри меня все

дрожит.

Вернувшись с ужина, я заметила, что у Рида разошлись швы, а на животе была кровь. Но Истону я про эти подозрительные детали говорить не собираюсь. Я доверяю ему, но он, по-моему, еще не протрезвел. В первую очередь мне нужно защитить Рида, а кто знает, что по пьяни или под кайфом может ляпнуть Истон.

Проглотив ком в горле, я фокусируюсь только на этой задаче – защитить Рида. Быстро сунув в чемодан еще кое-что из одежды, я застегиваю молнию.

– Ты так и не ответила мне, зачем собираешь вещи, – недовольно говорит Истон.

– На случай, если нам придется бежать.

– Нам?

– Мне и Риду. – Вскочив на ноги, я бросаюсь к комоду и принимаюсь рыться в ящике с носками. – Я хочу быть наготове, на всякий случай, понял?

В чем-чем, а в этом – быть готовой сбежать в любой момент – мне равных нет. Правда, не знаю, дойдет ли до этого. Может, сейчас в дом войдут Рид и Каллум и объявят: «Все улажено! Все обвинения сняты!». А может, Рида не отпустят под залог, или под поручительство, или как, черт побери, это называется и он вообще не вернется домой.

Но если ничего из этого не произойдет, я хочу быть готовой покинуть город молниеносно. Мой рюкзак всегда набит всем необходимым, но Рид, в отличие от меня, не любит планировать. Он импульсивный, часто делает что-то, не подумав...

И может убить?

Я отгоняю от себя эту дикую мысль. Нет, Рид не мог сделать то, в чем его обвиняют.

– Эй, ребята, чего вы тут так орете? – доносится из дверей сонный голос. – Вас слышно даже в другом конце коридора.

В комнату входят шестнадцатилетние близнецы Ройал. У обоих на талии завязаны простыни. В этом доме никто не знает про существование пижам?

– Рид прикончил Брук, – говорит Истон братьям.

– Истон! – с возмущением вскрикиваю я.

– Что? Мне нельзя было говорить близнецам, что одного из наших братьев арестовали по обвинению в убийстве?

Сойер и Себастиан со свистом выдыхают.

– Вы не шутите? – спрашивает Сойер.

– Копы только что забрали его, – шепчу я.

У Истона такой вид, как будто его вот-вот стошнит.

– Думаю, они не стали бы этого делать, не будь у них каких-нибудь доказательств против него. Может, это из-за... – Он делает круговое движение пальцем у своего живота.

Близнецы ошарашенно моргают.

– Что? Из-за ребенка? – спрашивает Себ. – Какое Риду дело до отродья Брук?

Черт. Я и забыла, что близнецы совсем не в курсе. Они знают только, что Брук была беременна – мы все присутствовали, когда она объявила об этом, – но они в полном неведении о другом ее заявлении.

– Брук угрожала Риду рассказать всем, что отец ребенка – он, – признаюсь я.

Две пары одинаковых голубых глаз в изумлении смотрят на меня.

– Но это не так, – твердым голосом продолжаю я. – Он переспал с ней всего пару раз, и это было шесть месяцев назад. У нее срок был меньше.

– Да по фигу, – Себ пожимает плечами. – Значит, Рид обрюхатил папину невесту, а потом пришел ее, чтобы по дому не бегала его уменьшенная копия?

– Нет! – кричу я.

– Тогда он все-таки папин? – медленно проговаривая слова, спрашивает Соьер.

– Не уверена, – нерешительно помолчав, отвечаю я.

– Почему?

– Потому что...

Уф, в этом доме слишком много секретов! Но я больше не хочу ничего скрывать. Из-за них нам всем только хуже.

– Он сделал вазэктомию.

Себ прищуривается.

– Папа сам тебе сказал?

Я киваю.

– Сказал, что сделал операцию после вашего рождения, потому что ваша мама хотела еще детей, но ей запретили рожать по каким-то медицинским показаниям.

Близнецы снова переглядываются, ведя молчаливый диалог.

Истон потирает подбородок.

– Мама всегда хотела девочку. Она много раз об этом говорила, считала, что девочка сделает нас мягче. – Он кривит губы. – Хотя, как по мне, девчонки ни в каком месте не делают меня мягким.

От раздражения у меня ком подступает к горлу. Конечно, Истону нужно обязательно сморозить какую-нибудь пошлость, иначе это будет не он.

Сойер прикрывает улыбку ладонью, но Себ смеется в открытую.

– Ладно, предположим, и Рид, и папа оба говорят правду – тогда кто же отец?

– Может, его и нет? – предлагает версию Истон.

– Но он должен быть, – отвечаю я.

Ни Рид, ни Каллум никогда не сомневались в том, что Брук беременна, значит, это было правдой.

– Необязательно, – возражает Истон. – Она могла врать. А после того, как папа женился бы на ней, притвориться, что у нее случился выкидыш.

– Нездорово, но возможно, – кивает Себ, явно поддерживая брата.

– Почему ты считаешь, что Рид ее не убивал? – спрашивает меня Истон, и в его голубых глазах вспыхивает озадаченность.

– А ты веришь, что он на это способен? – огрызаюсь я.

Он пожимает плечами и смотрит на близнецов, но не на меня.

– Если она угрожала нашей семье, он мог это сделать. Или они начали ссориться, и произошел несчастный случай. Объяснений куча.

Противное чувство в животе усиливается. Картина, которую Истон нарисовал таким обыденным тоном, вдруг начинает казаться возможной. У Рида порвались швы. На нем была кровь. Так что если он...

– Нет, – выдавливаю я из себя, – он этого не делал. И я не хочу, чтобы кто-то из вас думал иначе. Он невиновен. Точка.

– Тогда почему ты готовишься сбежать из города?

Тихий вопрос Истона повисает в комнате. Я проглатываю страдальческий стон и обеими руками тру глаза. Он прав. Какая-то часть меня уже решила, что Рид может оказаться виновным. Не поэтому ли я собрала его чемодан и свой рюкзак?

Молчание затягивается, но вдруг его нарушает ясный звук шагов, доносящийся с первого этажа. У Ройалов нет прислуги, и мальчишки тут же напрягаются, услышав внизу признаки жизни.

– Это была входная дверь? – спрашивает Себ.

– Они вернулись? – спрашивает Сойер.

Я закусываю губу.

– Нет, это не входная дверь. Это...

Мне снова трудно говорить. Боже, я совсем забыла про Стива! Проклятье, как я могла?!

– Кто это? – переспрашивает Истон.

– Стив, – признаюсь я.

Братья дружно смотрят на меня, округлив глаза.

– Это Стив там внизу. Он появился на пороге в ту же секунду, как увезли Рида.

– Стив, – недоверчиво повторяет за мной Истон. – Дядя Стив?

Себастиан издает какой-то хриплый звук.

– Покойный дядя Стив?

Я стискиваю зубы.

– Он не умер. Немного похож на Тома Хэнкса в фильме «Изгой», только без волейбольного мяча.

– Охренеть!

Когда Истон поворачивается к двери, я хватаю его за запястье и пытаюсь потянуть назад. Сил для этого у меня уже не осталось, но мое прикосновение заставляет его остановиться.

Он наклоняет голову и секунду пристально смотрит на меня.

– Разве ты не хочешь спуститься вниз и поговорить с ним? Это твой *papa*, Элла.

Паника обрушивается на меня новой волной.

– Нет, он просто мужик, от которого забеременела моя мама. Сейчас я не в силах разобраться с ним. Я... – Я снова сглатываю ком в горле. – Мне кажется, он не понял, что я его дочь.

– Ты не сказала ему?! – восклицает Сойер.

Я медленно качаю головой.

– Может, кто-то из вас спустится туда и... не знаю... отведет его в гостевую комнату, что ли?

– Давай я, – тут же отвечает Себ.

– Я пойду с тобой, – подхватывает его брат. – Хочу увидеть его своими глазами.

Мальчишки несутся к двери, и я быстро окликаю их.

– Ребята, только не говорите ему про меня. Seriously, я еще не готова. Давайте подождем, пока Каллум вернется.

Близнецы снова обмениваются взглядами, что, похоже, заменяет им разговоры.

– Не вопрос, – отвечает Себ, и они уходят, а потом сбегают вниз по лестнице, чтобы встретиться со своим воскресшим из мертвых крестным отцом.

Истон подходит ко мне. Его взгляд опускается на чемодан, лежащий у шкафа, потом поднимается на меня. Одним быстрым движением он хватается за мою руку и сплетает наши пальцы.

– Ты не станешь сбегать, сестричка. Ты же сама понимаешь, что это дурацкая идея.

Я смотрю на наши переплетенные пальцы.

– Я всегда сбегаяю, Ист.

– Нет, ты борешься.

– Я могу бороться за других: за маму, Рида или за тебя – но с собственными проблемами я не очень умею справляться. – Я еще сильнее закусываю нижнюю губу. – Откуда здесь взялся Стив? Разве он не умер? И как они могли арестовать Рида? – Мой голос начинает дрожать. – А что если из-за этого он и правда попадет в тюрьму?

– Не попадет. – Пальцы Истона сильнее сжимают мои. – Рид вернется, Элла. Папа обо всем позаботится.

– А если он не сможет?

– Сможет.

Но что если все-таки нет?

Глава 3

Элла

После бессонной ночи я захожу в гостиную, окна которой выходят на двор перед домом. В одном из проемов между бесконечной чередой окон, образующих фасад, втиснута мягкая скамейка. Я плюхаюсь на подушки и впиваюсь взглядом в круглую подъездную дорожку. Телефон лежит на коленях, но он молчит всю ночь и все утро. Ни единого звонка, ни одного сообщения. Ничего.

Мое разбушевавшееся воображение подкидывает всевозможные картины того, что могло случиться. Он в камере. Он в комнате для допросов. Его запястья и лодыжки скованы наручниками. Он не отвечал на вопросы, и полицейский избил его. Придется ли ему сидеть в тюрьме до суда? Я понятия не имею, как работает весь этот процесс: арест, обвинение, суд.

Зато я прекрасно понимаю, что чем дольше нет Рида и Каллума, тем хуже мне становится.

– Доброе утро.

От звука незнакомого мужского голоса я чуть не падаю со скамейки. На секунду мелькает мысль, что в дом кто-то залез или вернулись детективы, чтобы провести обыск. Но, повернувшись к двери, я вижу Стива О’Халлорана.

Со сбритой бородой, в слаксах и рубашке поло он уже не напоминает бездомного и больше похож на отца какого-нибудь ученика Астор-Парка, частной школы, где мы с Ройалами учимся.

– Элла, верно? – На его лице проступает неуверенная улыбка.

Я отрывисто киваю и, положив телефон экраном вниз, отворачиваюсь обратно к окну. Совершенно не представляю, как мне себя с ним вести.

Вчера вечером я спряталась в спальне, предоставив заботу о Стиве Истону и близнецам. Не знаю, что они ему про меня рассказали, но очевидно, что он не понимает, кто я, и не помнит про письмо, которое получил от моей мамы, перед тем как отправиться в путешествие и полетать на дельтаплане, где, как предполагали, он и погиб.

Истон зашел ко мне, перед тем как пойти спать, и сообщил, что Стив в зеленой комнате для гостей. Я понятия не имела, что у них есть зеленая

комната для гостей, и уж тем более не знала, где она находится.

От мучительного чувства беспокойства мне хочется убежать и спрятаться. Вообще-то, я и так *пряталась*. Но он все равно нашел меня, и встреча с собственным отцом пугает меня в миллион раз больше, чем стычка с сотней грубых девчонок в школе.

– Хорошо, Элла, я слегка растерян.

Я вздрагиваю, потому что его голос звучит совсем рядом. Глянув через плечо, вижу, что он стоит всего в паре шагов от меня.

Я упираюсь пятками в подушку на скамейке, заставляя себя не двигаться. Он обычный человек: две ноги, две руки, – который, получив от умирающей женщины письмо о том, что у него есть дочь, вместо того чтобы отыскать эту женщину и ребенка, отправляется в путешествие. Вот такой человек.

– Ты слышала меня? – Сейчас он кажется еще более растерянным, как будто никак не может понять, то ли я специально его игнорирую, то ли у меня просто проблемы со слухом.

Я бросаю отчаянный взгляд на окно. Где Истон? И почему Рид все еще не дома? А что если он никогда не вернется домой?

Резкий прилив паники сжимает горло, отчего почти невозможно дышать.

– Я слышала вас, – наконец выдаю я.

Стив подходит еще ближе. Я ощущаю запах мыла или шампуня, которым он пользовался сегодня утром.

– Не знаю точно, чего я ждал, когда вчера вечером вылезал из такси, но... – Его тон становится насмешливым. – Черт побери, точно не этого. Из рассказов Иста я понял, что Рида арестовали?

Я снова киваю. И почему-то мне не нравится, что он так назвал Истона. Неправильно, что какой-то чужак произносит его уменьшительное имя.

Он не чужак. Он знает их с рождения.

Я задумываюсь: наверное, если в доме Ройалов и есть чужак, то это я, а никак не Стив О'Халлоран. По-моему, Каллум даже говорил мне, что Стив – крестный отец всех братьев.

– Однако никто не подумал объяснить мне, кто *ты*. Меня, конечно, долго не было, но особняк Ройалов уже давно стал холостяцкой берлогой.

По спине пробегает холодок. Нет. Боже, нет. Я не хочу говорить об этом сейчас. Но светло-голубые глаза Стива изучают мое лицо. Он ждет ответа, и я понимаю, что должна хоть *что-то* ему сказать.

– Каллум – мой опекун.

– Каллум – твой опекун? – с удивлением повторяет Стив.

– Да.

– А кто твои родители? Друзья Каллума? Я их знаю? – интересуется он, но как будто спрашивает сам себя.

Меня охватывает паника, но, к счастью, мне не приходится отвечать ему, потому что вдруг я замечаю на подъездной дорожке черный лимузин.

Они вернулись!

Я слетаю со скамейки и через две секунды оказываюсь в главной гостиной. Измотанный Каллум и изнуренный Рид входят в дом, но, увидев меня, тут же останавливаются как вкопанные.

Рид поворачивается, поднимая на меня взгляд ярко-голубых глаз, смотрит мне в лицо, и наши взгляды встречаются.

Мое сердце замирает, но тут же пускается в галоп. Не говоря ни слова, я бросаюсь к нему.

Рид ловит меня: одна сильная рука запутывается в моих волосах, а вторая обнимает меня за талию. Я повисаю на нем, прижимаясь грудью к его груди, бедрами к его бедрам, как будто смогу защитить одними своими объятиями.

– Ты как? – шепчу я ему в грудь.

– Я в порядке. – Его голос звучит низко, хрипло.

Слезы жгут глаза.

– Мне было страшно.

– Я знаю. – Его дыхание щекочет мне ухо. – Все будет хорошо. Я обещаю. Давай поднимемся наверх, и я все тебе объясню.

– Нет, – коротко говорит Каллум, услышав слова Рида. – Ты ничего не будешь никому говорить, конечно, если не хочешь сделать Эллу свидетелем.

Свидетелем? О боже. Полиция допрашивает *свидетелей*, а Рид пытается убедить меня, что все *хорошо*?

За нашими спинами раздаются шаги. Рид отпускает меня, и его глаза расширяются, когда в прихожую входит высокий светловолосый мужчина.

– Дядя Стив, – вырывается у него.

– Рид. – Стив кивает в знак приветствия.

Каллум разворачивается к моему отцу.

– Стив, господи, я и забыл про тебя! Подумал, что ты мне приснился. – Он переводит взгляд со Стива на меня. – Вы уже познакомились?

Я энергично киваю и делаю большие глаза, пытаюсь предупредить Каллума, что сейчас не хочу всей этой суматохи, вызванной встречей отца с дочкой. Каллум хмурится, но Стив отвлекает на себя его внимание, когда

говорит:

– Мы только начали знакомство, когда вы приехали. И нет, это был не сон. Я выжил.

Какое-то мгновение двое мужчин просто смотрят друг на друга. Потом оба делают шаг вперед, встречаются и по-мужски обнимаются, приветливо похлопывая друг друга по спинам.

– Черт, как же хорошо вернуться домой! – говорит Стив своему старому другу.

– Как ты здесь оказался? – в смятении спрашивает Каллум. – Где ты, черт побери, пропадал все эти девять месяцев?

А потом голосом, в котором слышатся и гнев, и радость, добавляет:

– Я потратил на твои поиски и спасение пять миллионов долларов!

– Это долгая история, – отвечает Стив. – Давай где-нибудь сядем, и я расскажу тебе.

Топот ног по лестнице заставляет его замолчать. На площадке второго этажа появляются три младших Ройала, их взгляды мигом находят Рида.

– Говорил же вам, он вернется! – восклицает Истон и спускается вниз, перескакивая через две ступеньки.

Его волосы после сна торчат в разные стороны, и на нем только боксеры, но это не мешает ему притянуть к себе Рида и быстро обнять его.

– Ты как, бро?

– Хорошо, – ворчливо отвечает Рид.

К ним подходят Сойер и Себастиан, и они смотрят на своего отца.

– Что было в полицейском участке? – спрашивает Сойер.

– Что нам теперь делать? – тут же подает голос Себ.

Каллум вздыхает.

– Мне пришлось вытащить из кровати одного друга, знакомого судью, он приехал утром и установил сумму залога для Рида. Завтра утром мне нужно будет отвезти в суд паспорт Рида. А пока мы ждем. Тебе, Стив, придется какое-то время пожить здесь, – сообщает Каллум моему отцу. – Твой дом стал местом преступления.

– А что случилось? Кто-то наконец прикончил мою дражайшую женушку? – сухим тоном спрашивает Стив.

От удивления я вскидываю голову. Жена Стива, Дина, – ужасно злобная женщина, но я поверить не могу, что он может шутить о ее убийстве.

Каллуму это тоже не нравится, потому что он отвечает довольно резко:

– Вряд ли сейчас уместно шутить, Стив. Но нет, это Брук умерла. И Рида ошибочно обвиняют в ее смерти.

Пальцы Рида стискивают мои.

– Брук? – Стив удивленно поднимает брови. – Что случилось?

– Черепно-мозговая травма, – с прохладой отвечает Рид. – И нет, я этого не делал.

Каллум сердито смотрит на сына.

– Что? – рычит Рид. – Это факт, а я не боюсь фактов. Вчера мне позвонила Брук, и я поехал к ней. Вы все уехали, я чувствовал себя нормально, вот и поехал. Мы поругались. Я ушел. Когда я уходил, она была расстроена, но жива. Вот и вся история.

«А что с твоими швами? – хочется закричать мне. – А как же кровь, которую я видела на тебе, когда вернулась с ужина?»

Но слова застревают в горле, и я заливаюсь приступом кашля. Все смотрят на меня, пока Истон не начинает говорить.

– Ладно, если история такова, я «за».

Лицо Рида мрачнеет.

– Это не история, это правда.

Истон кивает.

– Повторюсь, я только «за», бро. – Его взгляд останавливается на вновь прибывшем. – Как бы то ни было, я бы лучше послушал историю дяди Стива. Восстать из мертвых – это круто!

– Да, вчера он не сказал нам ни слова, – глядя на отца, ворчит Себастиан. – Хотел дожидаться тебя.

Каллум снова вздыхает.

– Давайте пойдем на кухню. Мне бы не помешала чашечка кофе. От пошла в полицейском участке у меня изжога.

Мы дружно следуем за главой семейства Ройал в огромную современную кухню, в которую я влюбилась сразу же, как только переехала сюда. Каллум направляется к кофеварке, а мы подходим к столу и садимся, как будто это обычное воскресенье, а не воскресенье после ареста Рида по обвинению в убийстве и появления у наших дверей воскресшего из мертвых человека.

Это что-то невероятное. Произошедшее никак не укладывается у меня в голове.

Рид садится рядом и кладет руку мне на ногу, чтобы успокоить то ли меня, то ли себя, а может, нас обоих.

Истон, едва опустившись на стул, сразу берет быка за рога.

– Ну что, ты все-таки собираешься рассказать нам, почему не умер? – спрашивает он у моего отца.

Стив слабо улыбается.

– Я никак не могу понять, рад ты этому или, наоборот, огорчился.

«Ни то, ни другое» – чуть было не вырывается у меня. Но мне удается прикусить язык в последнюю секунду, хотя это правда. Возвращение Стива как ничто другое сбивает меня с толку и немного пугает.

– Мы рады, – в унисон говорят близнецы.

– Ясное дело, – соглашается с ними Истон.

– Как ты выжил? – Это уже Рид.

Его голос звучит резко, рукой он продолжает ласково гладить мою ногу, как будто знает, что я уже на грани.

Стив откидывается на спинку стула.

– Не знаю, что вам рассказала Дина, если вообще что-то рассказала, о нашем маленьком путешествии.

– Ты отправился летать на дельтаплане, и обе подвески сломались, – подходя к столу, говорит Каллум. Он ставит чашку кофе перед Стивом, а потом садится и отпивает из своей чашки. – Дине удалось раскрыть запасной парашют. Ты упал в океан. Я четыре недели искал твое тело.

На лице Стива появляется кривая усмешка.

– И потратил на это всего лишь пять миллионов. Сэкономил на мне, старик?

Каллуму это не кажется смешным. Его лицо каменеет, как поверхность скалы.

– Почему ты сразу же не вернулся домой после того, как тебя нашли? Прошло девять месяцев, ради всего святого!

Стив дрожащей рукой проводит по подбородку.

– Потому что меня нашли всего лишь несколько дней назад.

– Что? – Каллум выглядит обескураженным. – Так где, черт тебя побери, ты был все эти месяцы?

– Из-за болезни или из-за голода, но я плохо все помню. Меня вынесло на берег Тави – крошечного островка примерно в трехстах с лишним километрах восточнее Тонги. Мой организм был серьезно обезвожен, и в течение нескольких недель я то приходил в сознание, то снова впадал в беспамятство. Обо мне заботились местные жители, и я бы вернулся раньше, но покинуть остров можно только на рыболовном судне, которое приходит дважды в год, чтобы обмениваться товарами с островитянами.

«Твой отец говорит» – звучит голос в голове. Я изучаю его лицо, стараясь найти общие черты, но единственное, что нас объединяет, – это цвет глаз. В остальном я полностью похожа на маму: лицом, фигурой, волосами. Голубоглазая версия молодой Мэгги Харпер, но, видимо, она не произвела особого впечатления на Стива, потому что непохоже, чтобы он

узнал меня.

– Говорят, что островитяне собирают яйца каких-то особенных чаек, которые в Азии считаются деликатесом. Рыболовецкая лодка доставила меня в Тонгу, где мне пришлось добиваться возвращения в Сидней. – Стив делает глоток кофе, а потом без преувеличения заявляет: – Это чудо, что мне удалось выжить.

– Когда ты попал в Сидней? – спрашивает Себастиан.

Мой отец задумчиво надувает губы.

– Не помню. Может, дня три назад.

Каллум раздраженно спрашивает:

– И тебе не пришло в голову позвонить и сообщить нам, что ты жив?

– Сначала мне нужно было кое с чем разобраться, – натянутым голосом отвечает Стив. – Я знал, что, если позвоню, ты прыгнешь на первый же самолет, чтобы полететь за мной, а мне не хотелось отвлекаться от поисков ответов на свои вопросы.

– Ответов? – еще более резким, чем прежде, голосом переспрашивает Рид.

– Я отправился искать человека, который организовал тот полет на дельтапланах. И еще мне нужно было отыскать свои вещи: паспорт, кошелек, одежду.

– Ты нашел организатора? – Истона тоже захватила эта история, как и всех нас.

– Нет, он куда-то пропал много месяцев назад. Оказавшись в тупике, я пошел в американское посольство, и они отправили меня домой. Из аэропорта я поехал сразу сюда.

– Хорошо, что ты не поехал домой, – мрачно говорит Каллум. – А то тебя тоже могли бы арестовать.

– Где моя жена? – с подозрением спрашивает Стив. – Дина и Брук всегда были не разлей вода.

– Дина все еще в Париже.

– И что они там делали?

– Ходили с Брук по магазинам, – Каллум на мгновение умолкает, – готовились к свадьбе.

Стив фыркает.

– Что за идиот решил в это вляпаться?

– Этот, – Каллум показывает на себя.

– Шутишь!

– Она была беременна. Я думал, ребенок мой.

– Но ты сделал ва... – Стив замолкает на полуслове и быстро

оглядывается, чтобы проверить, не заметил ли кто его оговорку.

– Вазэктомия, – заканчивает за него Истон.

Каллум бросает на меня быстрый взгляд и смотрит на сына.

– Ты знаешь?

– Я рассказала им. – Я поднимаю подбородок. – В этом доме слишком много дурацких секретов.

– Согласен, – заявляет Стив.

Он поворачивается, и взгляд знакомых голубых глаз впивается в меня.

– Каллум, – продолжая глядеть на меня, говорит он. – Теперь, когда я ответил на все ваши вопросы, может, и ты ответишь на мой? Кто эта очаровательная девушка?

Рука Рида сжимает мое бедро. У меня такое ощущение, что в животе лежит цементный блок, но рано или поздно он должен узнать правду. Так почему бы не сейчас?

– Вы не узнаете меня? – со слабой улыбкой спрашиваю я. – Я ваша дочь.

Глава 4

Элла

Стив О'Халлоран непохож на человека, которого можно легко удивить, но сейчас он замер на месте, а на его лице выражается неподдельный шок.

– Моя... – Не договорив, он поворачивается к Каллumu: за помощью, поддержкой? Не знаю.

Но для человека, который как ни в чем не бывало спрашивает, не «прикончил» ли кто его жену, он кажется совершенно неподготовленным к менее драматичной новости о том, что сидит за одним столом с собственным ребенком.

– Дочь, – мягким голосом заканчивает за него Каллум.

Стив несколько раз моргает.

– Ты помнишь письмо, которое получил перед тем, как вы с Диной отправились в путешествие? – спрашивает Каллум.

Стив медленно качает головой.

– Письмо... от кого?

– От матери Эллы.

– Мэгги, – добавляю я охрипшим голосом. Мне всегда больно думать о маме. – Вы познакомились с ней восемнадцать лет назад, когда получили увольнение на берег. И вы двое... э-э-э...

– Переспали, трахнулись, станцевали мамбу в кровати, – подсказывает Истон.

– Мама Эллы забеременела, – вмешивается Каллум, пока его сын не успел сказать еще миллион скабрзностей, которые уже готовы сорваться у него с языка. – Она пыталась отыскать тебя еще тогда, но безуспешно. Когда у нее обнаружили рак, она отправила письмо на базу, где ты служил, надеясь, что им удастся найти тебя. И им это удалось. Ты получил это письмо девять месяцев назад, перед самым отъездом.

Стив снова моргает, затем переводит взгляд на меня и смотрит... (с любопытством, удовлетворением?).

Я начинаю ерзать на стуле, и Рид гладит мою ногу, чтобы успокоить. Он знает, как я не люблю быть в центре внимания, а прямо сейчас все в комнате глядят только на меня.

– Ты дочь Мэгги, – говорит Стив, и в его голосе слышится удивление

вперемешку с интересом. – Она умерла?

Я киваю, потому что не могу говорить из-за огромного кома, вставшего поперек горла.

– Ты... моя дочь. – Он произносит эти слова медленно, как будто пробует на вкус.

– Угу, – удастся мне выжать из себя.

– Ух ты. Что ж, хорошо. – Стив проводит рукой по своим отросшим волосам. – Я...

На его губах появляется кривая улыбка.

– Думаю, нам о многом нужно поговорить, да?

Из-за паники внутри у меня все сжимается. Я не готова к этому. Я не знаю, что говорить этому человеку, как себя с ним вести. Пусть Ройалы знают Стива много лет, но для меня он остается незнакомцем.

– Наверное, – рассматривая руки, бормочу я.

Сжавшись надо мной, Каллум произносит:

– Это может подождать до тех пор, пока ты не устроишься.

Стив переводит взгляд на старого друга.

– Я так понимаю, ты разрешаешь мне пожить у вас, пока полиция не освободит пентхаус?

– Конечно.

Мне становится все тревожнее. А он не может пожить в гостинице, например? Особняк у Ройалов огромный, да, но от мысли о том, что я буду жить под одной крышей со своим считавшимся погибшим отцом, мне становится не по себе.

Но почему? Почему я не могу броситься ему на шею и благодарить Бога, что он жив? Почему я не рада тому, что смогу узнать его?

Потому что он чужой.

Это единственный ответ, который сейчас имеет хоть какой-то смысл. Я не знаю Стива О'Халлорана, и у меня не очень получается сходить с новыми людьми. Все мое детство – это череда переездов с места на место, и я старалась ни с кем не сближаться, зная, что мама в любой момент снова соберет наши вещи и мне придется прощаться.

Приехав в Бэйвью, я тоже не собиралась ни к кому привязываться. В итоге у меня есть лучшая подруга, парень, типа «братья», которых я обожаю, и Каллум, человек, который, несмотря на все его заморочки, стал мне кем-то вроде отца.

Не знаю, как в эту картину сможет вписаться Стив. И пока я еще не готова думать об этом.

– Значит, у нас с Эллой будет время узнать друг друга на ее

территории, – говорит Стив, и до меня доходит, что он улыбается мне.

У меня получается выдавить ответную улыбку.

– Чудненько.

Чудненько?

Рид шутливо щиплет меня за ногу, и когда я поворачиваюсь к нему, то вижу, что он едва сдерживает смех. Да, похоже, Стив тут не единственный, кто пребывает в состоянии шока.

К счастью, Каллум и Стив начинают говорить об «Атлантик Эвиэйшн», своей компании. Я замечаю, что Стиву не особо интересны все подробности, а лишь какой-то проект, который они упоминают в общих чертах. Однажды Каллум сказал мне, что у них много государственных заказов. Вскоре оба мужчины извиняются и скрываются в кабинете Каллума, чтобы обсудить последний квартальный отчет компании.

Оставшись с мальчишками, я изучаю их лица, стараясь понять, так ли их огорошило происходящее, как и меня.

– Странно, правда? – быстро начинаю говорить я, пока все продолжают хранить молчание. – В том смысле, что он только что воскрес из мертвых?

Истон пожимает плечами.

– Говорил же тебе, что дядя Стив крут.

Сойер усмехается.

Я обеспокоенно смотрю на Рида.

– Теперь мне придется переехать к ним с Диной?

Все мигом становятся серьезными.

– Ни за что, – тут же отвечает Рид, тихо, но твердо. – Мой папа – твой опекун.

– Но Стив – мой отец. Если он захочет, чтобы я жила с ним, мне придется переехать.

– Ни за что.

– Это исключено, – соглашается Истон, и даже близнецы выразительно кивают.

Тепло разливается по телу. Мне до сих пор не верится, что, когда я только приехала сюда, мы ненавидели друг друга. Рид хотел уничтожить меня. Его братья либо издевались надо мной, либо просто игнорировали. Я каждый день мечтала сбежать.

А теперь я не могу представить свою жизнь без Ройалов.

Но живот опять скручивает узлом, стоит мне вспомнить, где Рид провел ночь. Существует вероятность, что его больше *не будет* в моей жизни, если полицейские докажут, что именно он убил Брук.

– Пойдем наверх, – говорю я дрожащим голосом. – Я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всем, что случилось в участке.

Рид кивает и молча поднимается со стула. Когда Истон тоже встает, Рид поднимает руку.

– Вам я расскажу все попозже. Позвольте мне сначала поговорить с Эллой.

Наверное, Истон видит панику в моих глазах, потому что впервые за все время, сколько я его знаю, поступает так, как ему говорят.

Пока мы поднимаемся на второй этаж по черной лестнице, я переплетаю свои пальцы с пальцами Рида. Когда мы заходим в мою комнату, он тут же запирает дверь и рывком притягивает меня к себе.

Я не успеваю моргнуть, как его губы накрывают мои. Это горячий, отчаянный поцелуй с языком. Я думала, что слишком измотана, чтобы ощутить хоть что-то кроме усталости, но все мое тело с готовностью отзывается, когда умелые губы Рида дарят мне наслаждение.

Я издаю стон протеста, когда Рид прерывает поцелуй, отчего он усмехается.

– Я думал, мы собирались поговорить, – напоминает он мне.

– Ты первый начал целоваться, – ворчу я. – Как я должна помнить про разговор, если твой язык у меня во рту?

Рид тянет меня на кровать. Спустя секунду мы лежим лицом друг к другу, наши ноги переплетены.

– Тебе было страшно? – шепчу я.

Выражение его красивого лица смягчается.

– Не особо.

– Тебя арестовали по подозрению в убийстве, – с надрывом говорю я. – Мне было бы страшно.

– Я никого не убивал, Элла. – Он протягивает руку и гладит мою щеку кончиками пальцев. – Клянусь тебе, когда я ушел из пентхауса, Брук была жива.

– Я верю тебе.

Это правда. Рид не убийца. У него есть недостатки, и много, но он никогда и ни за что не отнял бы жизнь у другого человека.

– Но почему ты не сказал мне, что ездил туда? – обиженным голосом спрашиваю я. – Что Брук тебе сказала? И кровь у тебя на боку...

– Швы разошлись. Об этом я не врал. Наверное, это случилось по дороге домой, потому что, пока я был там, крови не было. А тебе я ничего не сказал, потому что перед вашим возвращением принял болеутоляющее, а потом мы начали ласкать друг друга... – Он вздыхает. – Я отвлекся. И,

если честно, это не казалось мне важным. Я собирался сказать тебе утром.

Искренность, звучащая в его голосе, отражается и на лице.

Я прижимаюсь щекой к его ладони.

– Она хотела денег?

– Угу, – просто отвечает он. – Она испугалась, что папа назначил тест на отцовство. Хотела заключить сделку: если я перепишу на нее свой трастовый фонд, она возьмет деньги и исчезнет, и мы никогда больше ее не увидим.

– И ты отказался?

– Конечно, я отказался! Я не собирался платить этой женщине ни цента. Анализ ДНК подтвердил бы, что ни я, ни папа не имеем отношения к этому ребенку. Подумаешь, нам лишь пришлось бы подождать еще несколько дней. – Его голубые глаза темнеют. – Но я и представить себе не мог, что она убьется!

– Так ты считаешь, это несчастный случай? – Я хватаюсь за соломинку, но, честное слово, совершенно не понимаю, как так могло случиться. Брук ужасная – была ужасной – но никто из нас не желал ее смерти; чтобы она ушла из нашей жизни – да, но не чтобы умерла.

По крайней мере, я точно этого не хотела.

– Понятия не имею, – отвечает Рид. – Не удивлюсь, если у Брук окажутся враги, о которых мы ничего не знали. Она могла вывести кого-то из себя настолько, что этот кто-то решил разmozжить ей башку.

Я морщусь.

– Прости, – быстро шепчет он.

Я сажусь и потираю уставшие глаза.

– Какие доказательства есть у копов?

– Видео с камер наблюдения, где я вхожу и выхожу из здания, – признается Рид. – И кое-что еще.

– Что?

– Не знаю. Они пока ничего нам не говорят. Папин адвокат утверждает, это нормально: они лишь пытаются повесить дело на меня.

Меня опять начинает подташнивать.

– Пока им не в чем тебя обвинить. Они *не могут*. – Волнение сдавливает мою грудь так сильно, что тяжело дышать. – Тебе нельзя в тюрьму, Рид.

– Я не попаду туда.

– Откуда ты заешь?! – Я спрыгиваю с кровати. – Давай просто уедем. Прямо сейчас. Ты и я. Я уже собрала твои вещи.

Рид подскакивает, шокированный моими словами.

– Элла...

– Я серьезно, – не даю договорить ему я. – У меня есть поддельное удостоверение личности и десять тысяч наличными. У тебя ведь тоже есть поддельные документы?

– Элла...

– Мы смогли бы начать новую жизнь, в другом месте, – в отчаянии продолжаю я. – Я устроюсь официанткой, а ты мог бы работать на стройке.

– И что потом? – Его голос звучит нежно, и с такой же нежностью он притягивает меня к себе, встав с кровати. – Прятаться до конца наших дней? Все время оглядываться через плечо, боясь, что копы найдут нас и увезут меня?

Я закусываю губу, до боли.

– Я Ройал, детка. Я не убегаю – я борюсь. – В его глазах появляется твердая решимость. – Я никого не убивал и не собираюсь садиться в тюрьму за то, чего не делал. Обещаю тебе.

И почему всем так нужно давать обещания? Разве никто не знает, что клятвы всегда нарушаются?

Рид сжимает мое плечо.

– Эти обвинения шиты белыми нитками. Папины юристы не позволяют...

Но пронзительный вопль заставляет его умолкнуть на полуслове.

Мы оба разворачиваемся к двери, но кричали не на втором этаже, а на первом.

Я вылетаю из комнаты, Рид – за мной, и мы подбегаем к лестнице одновременно с Истоном.

– Черт, что это было? – спрашивает Истон.

Это была Дина О’Халлоран, понимаю я, когда выглядываю поверх лестничных перил. Жена Стива стоит прямо под нами, посреди огромной гостиной, с лицом блее простыни и поднятой вверх рукой и изумленно смотрит на своего живого мужа.

– Что здесь происходит? – в ужасе кричит она. – Как ты оказался здесь?!

До нас доносится спокойный голос моего отца.

– И тебе привет, Дина. Как чудесно снова увидеть тебя.

– Ты... ты... – заикается она. – Ты умер! Ты мертв!

Раздается звук шагов, и рядом со Стивом появляется Каллум.

– Дина, – натянутым голосом говорит он, – я собирался тебе позвонить.

– Тогда почему не позвонил? – покачиваясь на своих

десятисантиметровых каблуках, рычит Дина. – Тебе не пришло в голову сразу же позвонить и сообщить мне, что *мой муж жив*?

Мне очень не нравилась Дина, но сейчас я даже немного жалела ее. Она в полном шоке и растерянности и имеет на это право: вошла в дом и увидела привидение.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Стив жену, и меня вдруг раздражает его бесстрастный тон.

Дина, конечно, та еще стерва, но он мог хотя бы обнять ее, разве нет? Она же его *жена*.

– Я пришла к Каллуму. – Дина не перестает моргать, как будто до сих пор не поняла, что Стив действительно стоит напротив нее и это не галлюцинации. – Полиция... оставила сообщение в моем телефоне. Они сказали, что мой пентхаус... – она тут же поправляется, – наш пентхаус – это место преступления.

Как бы мне хотелось видеть выражение лица Стива, но он стоит к нам спиной. Я могу лишь попытаться угадать, наблюдая за Диной; и то, что она видит сейчас на его лице, явно вызывает у нее сильное беспокойство.

– Они сказали мне, что Брук мертва.

– Похоже, что так, – подтверждает ее слова Каллум.

– Но как? – взывает Дина дрожащим голосом. – Что произошло?

– Мы пока не знаем...

– Чушь собачья! Детектив сказал, что они уже задержали подозреваемого для допроса.

Мы с Ридом медленно отходим от балюстрады, но слишком поздно: Дина уже заметила нас. Колючий взгляд серых глаз пронзает нас насквозь, и она издает яростный крик.

– Это он, да? Это Рид убил ее?!

Каллум делает шаг вперед, загораживая мне обзор. Его плечи похожи на две гранитные глыбы, твердые и неподвижные.

– Рид не имеет к этому никакого отношения.

– Она носила его ребенка! Он имеет к этому *самое прямое* отношение!

Я вздрагиваю.

– Пойдем, – взяв меня за руку, шепчет Рид. – Нам необязательно все это выслушивать.

Но придется. Только *это* мы и будем слушать, когда новость о смерти Брук станет достоянием общественности. Скоро все будут знать об интрижке Рида и Брук, что она была беременна, что тем вечером он ездил в пентхаус, что его допрашивали и обвиняют в убийстве.

Как только обо всем станет известно, сразу же слетятся стервятники,

соберется толпа с вилами, и возглавлять ее будет Дина О'Халлоран.

Я шумно вздыхаю, надеясь успокоиться, но это не срабатывает. Руки дрожат. Сердце бьется слишком быстро, каждый удар вибрирует от страха, который пронзает меня до самых костей.

– Я не могу потерять тебя, – шепчу я.

– Этого никогда не будет.

Рид оттаскивает меня от лестницы и заключает в объятия. Истон исчезает в своей комнате, а я прижимаюсь лицом к мускулистой груди Рида.

– Все будет хорошо, – глядя пальцами мои волосы, хрипло говорит он.

Я чувствую, как бьется под моей щекой его сердце: намного спокойнее, чем мое, ровно и четко. Он не боится.

И если Рид, парень, которого только что арестовали, не боится, то я должна брать с него пример. Мне нужно быть такой же сильной и уверенной и заставить себя поверить, что, может быть, впервые за всю мою дурацкую жизнь все действительно *будет* хорошо.

Глава 5

Рид

– По-моему, бро, слухи уже расползлись, – едва слышно бормочет Истон.

Я засовываю свои шмотки в шкафчик и только потом оглядываю помещение. Обычно во время утренней практики раздевалка гудит от разговоров и шуток, но сегодня непривычно тихо. Кое-кто отводит глаза, не желая встречаться со мной взглядом. В итоге я останавливаюсь на Уэйде, который подмигивает мне и показывает два больших пальца. Не знаю, что именно это означает, но его поддержка очень важна для меня. Я коротко киваю в ответ.

Стоящий рядом с ним Лиам Хантер, наш левый полузащитник, пристально смотрит на меня. Я киваю ему тоже, только чтобы позлить. Может, он бросится на меня, и мы сможем выплеснуть нашу агрессию и разрядить царящее напряжение. Я поднимаю руки, жестом показывая ему подойти ближе, но тут же в ушах звенит предостережение адвоката.

– Никаких драк. Смотри, чтобы тебя не оставили после уроков. Веди себя хорошо. – Мы стояли у полицейского участка, папа – рядом с Гриером, сердито глядя на меня, – и адвокат перечислял свои наставления. – Один неверный шаг – и прокурор тут же уцепится за него. На тебе уже висит обвинение в нападении за то, что в прошлом году ты избил того парнишку.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы не вступить за себя. Гриеру прекрасно известно, почему я превратил лицо того пацана в кровавое месиво, но на женщину я бы никогда не поднял руку.

Хотя Брук Дэвидсон вполне заслуживала того, что с ней произошло, я не убивал ее; но совершенно точно не жалею, что она умерла.

– Тебе здесь не место, – раздается у меня из-за спины чей-то низкий злой голос.

Я достаю из сумки спортивный пластырь и только потом поворачиваюсь лицом к Рональду Ричмонду.

– Неужели? – непринужденно спрашиваю я и сажусь на мягкое сиденье металлической лавки перед шкафчиком.

– Тренер выкинул из команды Брайана Маусса только потому, что он случайно ударил свою девушку.

Я закатываю глаза.

– Ты имеешь в виду, когда ее лицо случайно упало на его кулак и потом она три недели проходила с фингалом, так что фотографии с бала выпускников пришлось фотошопить? Ты про эту случайность?

Стоящий рядом со мной Истон усмехается. Я заканчиваю обматывать руки и бросаю пластырь брату.

Ронни хмурится.

– Наверное, ты тоже случайно пришел подзаборную подружку твоего папочки.

– Что ж, тогда тебе лучше не сравнивать меня с Брайаном, который любит распускать руки, потому что я никого не убивал. – Я улыбаюсь ему своей самой дружелюбной улыбкой.

Ронни выпячивает хилый подбородок.

– Делакорт говорит другое.

– Дэниела здесь нет, чтобы болтать всякую фигню.

Мой папа позаботился о том, чтобы этого гада-насильника отправили в исправительную военную школу.

– Я имел в виду не Дэниела, – презрительно ухмыляется мой товарищ по команде. – Вчера к моему отцу заходил судья Делакорт, и он сказал, что на тебя завели дело, там все яснее ясного. На видео видно, как ты зашел в дом и как вышел. Надеюсь, Ройал, тебя поймут.

Истон порывается встать. Я хватаю его за запястье и усаживаю на место. Игроки команды, собравшиеся вокруг, кажутся взволнованными, кто-то перешептывается между собой.

– Судья Делакорт – продажная скотина, – холодно отвечаю я.

Он пытался подкупить папу, чтобы Дэниел избежал наказания. У него ничего не получилось, и, думаю, теперь он хочет отомстить отцу через меня.

– Может, тебе и правда здесь не место. – Тишину раздевалки разрезает тихий голос Лиама Хантера.

Все в изумлении поворачиваются в его сторону. Хантер молчун, зато отличный игрок на поле. Он не тусуется в нашей компании, хотя многие, я точно знаю, его не раз приглашали. Он держится сам по себе и общается только с Уэйдом, хотя, если уж на то пошло, с Уэйдом все общаются.

Я выгибаю бровь, вопросительно глядя на друга, на что тот пожимает плечами: тоже не имеет никакого понятия, что на уме у Хантера.

– Хантер, у тебя какие-то проблемы? Скажи мне в лицо.

Когда Истон опять встает на ноги, я не останавливаю его, но сам остаюсь сидеть на скамье. Как бы мне ни нравилось решать все споры при

помощи кулаков, предупреждение адвоката камнем лежит на моих плечах.

– Мы хотим выиграть чемпионат штата, – говорит Хантер. – А это значит, нам нельзя отвлекаться. Но ты будешь нас отвлекать. Даже если ты этого не делал, все равно будет много нежелательного внимания.

Даже если я этого не делал? Разбить лицо чувака, который пытался оклеветать мою маму, и реально убить кого-то – это абсолютно разные вещи, но, похоже, вся команда этой разницы не видит.

– Спасибо за поддержку, – с сарказмом говорит Ист.

Уэйд тоже решает вмешаться.

– Рид вспыльчивый. Не обижайся, братан, – говорит он уже мне.

– Все в порядке. – Нет смысла притворяться, что мне не нравится физическое насилие. Но тот факт, что я дал кое-кому по морде, не делает меня убийцей. – Но я этого не делал, и скоро весь шум уляжется.

– Но пока до этого дойдет, здесь будет настоящий цирк. – Ронни решает встать на сторону Хантера: глупый ход. – Нам постоянно будут задавать вопросы, отвлекая от футбола. Для половины из нас этот год последний, когда мы выходим на поле в стартовом составе. Мы что, хотим вылететь?

Несколько моих товарищей по команде кивают в знак согласия. Для многих из них окончить школу, имея победу в футбольном чемпионате, – серьезное преимущество.

Но я даже представить себе не мог, что они повесят меня за яйца только потому, что хотят выиграть чертов матч.

Я медленно разгибаю пальцы. «Никакого насилия, – напоминаю сам себе. – Никакого насилия».

Почувствовав, что мое терпение на пределе, Уэйд поднимается со скамьи.

– Ронни, наши игры освещает около дюжины репортеров, и большинство их так облизывает нас, что после последнего свистка мне даже не хочется секса. К тому же Рид – один из наших лучших защитников. Без него мне придется заработать пять, а может, шесть тачдаунов, а я что-то не очень хочу перенапрягаться. – Он поворачивается к Хантеру. – Я услышал тебя, но Рид не станет нам помехой, ведь так, мужик?

Я коротко качаю головой.

– Нет, я здесь, чтобы играть в футбол, и только.

– Надеюсь, – говорит громила.

И тут до меня доходит, чего на самом деле опасается Хантер. В Асторе он учится на государственную стипендию, и ему нужна рекомендация в колледж. Он переживает, что связанная со мной драма отпугнет

представителей колледжей.

– Скауты все равно будут приходить на игры, чтобы посмотреть на тебя, Хантер, – уверяю я его.

Он, кажется, сомневается, но Уэйд решает поддержать меня.

– Конечно! Они так и облизываются, глядя на тебя. К тому же чем больше у нас побед, тем лучше, верно?

Видимо, Уэйд удастся убедить Хантера, потому что он больше не пытается возражать.

– Видите? – довольным голосом спрашивает Уэйд. – Все отлично. Так что давайте выложимся по полной на этой тренировке, а потом выясним, кто с кем идет на Зимний бал в следующем месяце.

Один из наших принимающих усмехается.

– Серьезно, Карлайл? Мы вдруг стали девчонками?

Это поднимает всем настроение.

– Дерьмо собачье, – рявкает Ронни. – Его, черт подери, не должно быть здесь.

Наверное, не всем.

Я сдерживаю вздох.

Под недовольным взглядом Ронни Ист хлопает себя по груди.

– Ну-ка, Ричмонд, давай попробуем несколько приемов «Оклахома». Может, если тебе хоть раз удастся уложить меня на лопатки, ты станешь меньше волноваться о прессе.

Ронни вспыхивает. При отработке приема «Оклахома» один из игроков атакует другого, а остальные члены команды стоят вокруг них. Ист почти никогда не проигрывает, и уж тем более Ронни.

– Да пошел ты, Истон. В этом вся ваша проблема, Ройалы: вы считаете, что все можно решить насилием.

Мой брат делает шаг вперед.

– Это футбол. Здесь должно быть насилие.

– Все с вами ясно. Значит, для вас убить женщину, которая вам не нравится, – это норма? – Он кривит рот в противной улыбке. – Наверное, поэтому ваша мама и покончила с собой. Устала жить с такими психопатами.

Последнее терпение лопається, и мои глаза застилает красная пелена. Этот кусок дерьма может говорить обо мне все что ему вздумается, но впутывать в это мою маму?

О нет, черт подери!

В мгновение ока я подлетаю к нему, мой кулак врезается ему в челюсть, и мы оба падаем на пол. Вокруг нас раздаются крики. Чьи-то руки

хватают меня за шиворот, за футболку, но никому не удастся оттащить меня от Ронни.

Я слышу тошнотворный треск, и меня охватывает животное удовлетворение, когда из ноздрей Ронни начинает хлестать кровь. Я сломал ему нос, и мне сто раз плевать на это. Еще один удар, на сей раз в подбородок, – и меня вдруг дергают назад.

– Ройал, мать твою! Где твоя голова?!

И в ту же секунду гнев, бурлящий внутри меня, сменяется беспокойством. Это тренер оттащил меня от Ронни, и теперь он стоит передо мной с покрасневшимся лицом и полыхающим от ярости взглядом.

– Пойдем со мной, – схватив в кулак подол моей тренировочной футболки, рычит он.

В раздевалке становится тихо, как в церкви. Ронни, пошатываясь, поднимается на ноги и вытирает свой кровоточащий нос. Остальные парни глядят на меня с опаской. Пока тренер тащит меня к двери, я замечаю тревогу на лице Истона, огорчение на лице Уэйда и разочарование на лице Хантера.

Мне становится стыдно. Проклятье. Я пытался доказать этим парням, что Ройалы не решают все проблемы кулаками, а в итоге первым полез в драку.

Черт.

Глава 6

Элла

Слухи об аресте Рида распространяются как пожар в прерии. Я стою за кассой в пекарне и слышу обрывки перешептываний, ощущая на себе тяжесть брошенных украдкой взглядов. То и дело звучит фамилия Ройал. Одна стильно одетая пожилая дама, которая приходит каждый понедельник, чтобы заказать себе черничную булочку и чашечку чая «эрл грей», спрашивает меня прямо в лоб:

– Ты живешь в семье Ройал?

– Да.

Я провожу по аппарату ее платиновой картой и затем протягиваю кредитку обратно.

Она поджигает покрашенные розовой помадой губы.

– Не самая лучшая среда для юной леди.

– Лучшего дома у меня не было. – Мои щеки горят: наполовину от смущения, наполовину от негодования.

Несмотря на все свои недостатки, которых у Ройалов много, мое утверждение правдиво на все сто. Первые семнадцать лет жизни я жила со своей ветреной мамой в трущобах, протянув руку к небесам, и никогда не знала наверняка, будет ли нам что поесть днем и будет ли у нас крыша над головой ночью.

– Ты кажешься милой девушкой. – Дама шмыгает носом, всем своим видом показывая, что осталась при своем мнении.

Я знаю, о чем она думает. Может, я и милая девушка, но живу с не имеющими ни совести, ни морали Ройалами, фотография одного из которых напечатана на первой полосе «Бэйвью Ньюз» как возможного подозреваемого в смерти Брук Дэвидсон. Немногие знали, кем была Брук, разве что иногда она составляла компанию Каллуму Ройалу. Но зато Ройалов знают все. Их семья – крупнейший работодатель в Бэйвью, если не во всем штате.

– Спасибо. Я принесу ваш заказ, когда он будет готов.

Я одариваю даму вежливой улыбкой и поворачиваюсь к следующему покупателю, молодой деловой женщине, и она явно разрывается между тем, чтобы послушать сплетни, и тем, чтобы успеть на встречу, для которой

так разоделась.

Когда я протягиваю руку за ее кредиткой, она вдруг решает, что ей нельзя опоздать. Вот и правильно, леди.

Очередь двигается дальше, а вместе с ней – и комментарии, одни из которых сказаны шепотом, другие – намеренно громко, чтобы было слышно на все маленькое кафе. Я абстрагируюсь от всех этих разговоров, как и мой босс Люси, хотя ее безразличие объясняется скорее занятостью, чем умышленным равнодушием.

– Странное утро, не находишь? – спрашивает Люси, когда я вешаю свой фартук на крюк в подсобке. Она по локоть в тесте.

– С чего вы это взяли?

Я притворяюсь, что не понимаю, о чем она, и беру с противней с остужающейся выпечкой маффин и пончик для Рида. Если бы я была на его месте, то не смогла бы съесть ни крошки, но у этого парня просто стальные нервы. Обвинение в убийстве, похоже, ничуть его не тревожит.

Люси пожимает плечами.

– Атмосфера была какая-то не такая. Все вели себя тихо.

– Сегодня же понедельник, – отвечаю я, и, похоже, мой ответ удовлетворяет ее.

Упаковав сдобу, я закидываю рюкзак на плечо и за несколько минут дохожу до Астор-Парка. Трудно поверить, что я начала учиться здесь всего несколько месяцев назад. За противостоянием школьным тиранам и влюбленностью время летит незаметно.

Когда я подхожу к школе, на главном крыльце меня ждет только Истон. Я хмурюсь, потому что Рид обычно всегда с ним, но моего парня не видно. Судя по тому, что Истон один, детишки из Астор-Парка уже в курсе последних новостей. В любой другой день этого красавчика окружала бы толпа девчонок.

– Ну, сестренка, что ты мне принесла?

Истон подбегает ко мне и вырывает из руки белую коробку пекарни.

– Пончики, маффины. – Я снова оглядываюсь по сторонам. – Где Рид?

Истон рассматривает содержимое коробки, и мне трудно увидеть выражение его лица. Но зато я замечаю, как слегка напряглись его плечи.

– Разговаривает с тренером, – вот и весь ответ Иста.

– А, ну ладно. Типа летучки или это что-то другое?

– Что-то другое.

Я прищуриваюсь.

– Ты что-то недоговариваешь, да?

Но, прежде чем он успевает ответить, к нам подходит Вэл.

– Привет, подружка!

Она закидывает руку мне на плечо. Значит, либо еще не читала газет, либо ей плевать. Я надеюсь на последний вариант.

– Привет, Вэл.

Здороваясь с ней, я замечаю выражение облегчения на лице Истона. Он определенно хочет что-то скрыть от меня.

Взгляд Вэл останавливается на коробке в руке Истона.

– Скажи, что принесла что-нибудь и для меня, – умоляет она.

– Маффин с шоколадной крошкой. – Я криво усмехаюсь, когда Вэл хватается маффин и откусывает большой кусок. – Плохое утро?

– Ты даже не представляешь! Будильник Джордан сработал в пять утра, но она благополучно спала под пять повторов Rise Кэти Перри. Официально заявляю: я ненавижу Кэти Перри и Джордан.

– Ты только поэтому ненавидишь Джордан?

В летописях о подлых и злых девчонках Джордан Каррингтон могла бы считаться их главным покровителем. Есть очень много других причин ненавидеть ее, и дело не только в музыкальных предпочтениях.

Вэл смеется.

– Кроме всего прочего. Да и плевать на нее, зато ты богиня. И настоящая «железная леди», потому что твое утро, должно быть, было в миллион раз хуже моего.

Я хмурюсь.

– Что ты имеешь в виду?

Она поднимает одну бровь, отчего личико маленькой феи Вэл становится еще больше похоже на образ сказочного существа.

– Рид на тренировке избил Рональда Ричмонда. Все только об этом и говорят, хотя прошел всего час.

От изумления я открываю рот, потом разворачиваюсь к Истону и сердито смотрю на него.

– Рид с кем-то подрался? Почему ты ничего мне не сказал?

Истон улыбается с набитым ртом, и мне приходится ждать, пока он прожует и ответит.

– Потому что не случилось ничего страшного. Ричмонд не смог удержать язык за зубами, и Рид ему помог. Его даже не накажут за это. Тренер только сделал ему предупреждение...

Но я уже марширую к главному входу школы. Поверить не могу, что Рид ввязался в драку, а Истон ничего мне не сказал!

– погоди, – кричит мне вслед Вэл.

Я останавливаюсь, чтобы она догнала меня, а потом снова ускоряю

шаг. Может, мне удастся перехватить Рида до того, как начнется первый урок. Я знаю, что он умеет за себя постоять, но мне хочется собственными глазами увидеть, что с ним все в порядке.

– Я видела утренние газеты, – тихим голосом говорит Вэл, стараясь не отставать от моего бешеного темпа. – Дядя с тетей говорили об этом. Во дворце Ройалов дела плохи, да?

– Хуже некуда, – признаюсь я.

Звонок на первый урок застает нас на полпути в крыло выпускного класса. Черт. Я останавливаюсь, раздумывая, продолжить ли поиски Рида или вернуться, чтобы успеть на свой урок. Вэл делает выбор за меня, коснувшись моей руки.

– Если он уже в классе, учитель не разрешит тебе войти и поговорить с ним.

Она права. Опустив плечи, я поворачиваю в противоположную сторону, и Вэл снова шагает со мной в ногу.

– Элла.

Я продолжаю идти.

– Элла. Да стой же! Подожди. – Она опять хватает меня за руку и с беспокойством изучает мое лицо. – Он никого не убивал.

Я даже описать не могу, сколько облегчения приносят мне ее слова. Мои собственные сомнения в невиновности Рида грызли меня с самого его ареста. Я ненавижу себя уже за то, что допустила подобные мысли, но каждый раз, закрывая глаза, я вспоминаю разошедшиеся швы, кровь и то, что он ездил в пентхаус, не сказав мне.

– Конечно, не убивал, – выжимаю я из себя.

Ее взгляд как будто проникает в самое сердце.

– Тогда почему ты выглядишь такой взволнованной?

– Я не взволнована. – Надеюсь, мой уверенный тон убедит ее. Наверное, так и есть, потому что подруга принимает более расслабленный вид. – Просто сейчас вокруг такой хаос, Вэл. Рида арестовали, приехал Стив...

– Что?! – восклицает она.

Через секунду до меня доходит, что я еще не успела рассказать ей о своем отце. Мне не хотелось сообщать об этом эсэмэской, а из-за суматохи, творившейся вчера в доме, позвонить подруге просто не было возможности.

– Ага, Стив вернулся. Сюрприз! Оказывается, он выжил.

У Вэл немного растерянный вид.

– Ты шутишь, да?

– Нет. – Но мне не удастся объяснить все в деталях, потому что звенит второй звонок. Это значит, у нас есть всего минута, чтобы добраться до класса. – Я расскажу тебе за ланчем, хорошо?

Она медленно кивает все с тем же изумленным выражением лица. В следующем коридоре мы расходимся в разные стороны, и я иду на свой первый урок.

Усевшись за парту, я почти сразу понимаю, что утренние газеты видела не только Вэл. Когда учитель поворачивается к классу спиной, один из придурков тянется аж через два стола, чтобы громким шепотом оповестить меня:

– Можешь пожить в моем доме, Элла, если боишься, что тебя убьют в твоей собственной кровати.

Я не обращаю на него внимания.

– А может, таких, как ты, это только заводит?

В свой первый же день в Астор-Парке я сразу поняла, что почти все ученики этой школы не стоят моего времени и усилий. Здесь очень красиво: роскошные зеленые лужайки, высокие кирпичные здания. Кажется, это место – само совершенство, но, увы, мне еще никогда не приходилось встречать столь несчастных и неуверенных в себе детей, как те, что учатся в Асторе.

Я разворачиваюсь на стуле, наклоняюсь над партой Битси Гамильтон и смотрю прямо в мутные зеленые глаза придурка.

– Как тебя зовут?

Он моргает.

– Что?

– Твое имя, – нетерпеливо повторяю я. – Как тебя зовут?

Битси поднимает ладошку, чтобы спрятать усмешку.

На лице парня появляется презрительная улыбка.

– Аспен, – натянуто отвечает он.

– Аспен? Seriously?

Что за тупое имя!

В этот раз Битси даже не пытается спрятать свой смех.

– Ага, Аспен, серьезно, – выдавливая она между хохотом.

– О боже! Ну ладно, значит, так, *Аспен*. За свою короткую жизнь я повидала столько дерьма, что ты даже представить себе не можешь, поэтому все идиотские оскорбления, до которых у тебя хватит ума додуматься, только сделают тебя жалким. Мне плевать на то, что ты обо мне думаешь. А вообще, если не умеришь пыл и не перестанешь даже думать о том, чтобы посмотреть в мою сторону, я сделаю своей

единственной целью в буквальном смысле свести тебя с ума до конца семестра. Буду запихивать в твой шкафчик морепродукты недельной давности. Уничтожу твою домашку. Расскажу каждой девчонке, что у тебя гонорея. Сделаю в фотошопе твою фотку в женских трусах и развешу ее огромные цветные копии по всей школе. – Я холодно улыбаюсь ему. – Ты хочешь этого?

Лицо Аспена становится таким же белым, как снег в городе, в честь которого его назвали.

– Я просто пошутил, – мямлит он.

– У тебя отстойные шутки. Надеюсь, папочка уже подготовил для тебя рабочее место, потому что представить не могу, как ты сможешь поступить в колледж с таким маленьким количеством извилин в мозгу.

На этом я разворачиваюсь лицом к доске.

* * *

Во время ланча наш столик чуть не ломится от подносов. Я рассказываю Вэл о внезапном появлении Стива, но мы не успеваем обсудить, как сильно меня потрясло произошедшее, потому что, вместо того чтобы сесть за стол футбольной команды, Рид, Истон и Уэйд садятся за наш.

Это первый знак того, что что-то не так. Ну да, Рида подозревают в убийстве, так что сейчас все в принципе *не так*, но он сел не со своими товарищами по команде, и, по-моему, дела обстоят куда хуже, чем я думала.

– У тебя правда не будет проблем из-за этой драки в школе? – шепчу я, когда он опускается на стул рядом со мной.

Рид качает головой.

– Получил предупреждение. – И тут же на его лице появляется замученное выражение. – Но ты же знаешь, папе и адвокату все расскажут. Им это не понравится.

Мне это тоже не нравится, но я растягиваю губы в ободряющей улыбке, потому что понимаю, сколько стресса сейчас на него обрушилось. Просто...

Я люблю Рида, очень сильно люблю, но вспыльчивый характер – его самый худший враг. Если он не сможет держать себя в руках, ситуация только ухудшится.

Вэл напротив меня возит по тарелке капустный салат. Она то и дело бросает взгляд на Уэйда, а потом снова опускает в тарелку. Уэйд занят тем

же самым – украдкой бросает взгляды на Вэл и почти не притрагивается к своему бургеру.

Они явно изо всех сил пытаются не смотреть друг на друга, и почему-то это поднимает мне настроение. Хорошо, хотя бы не я одна страдаю.

Но тут же во мне просыпается чувство вины, потому что если Вэл так старательно избегает Уэйда, а он слишком сконфужен, чтобы встречаться с ней взглядом, значит, случилось что-то нехорошее. Я мысленно записываю напоминание себе: спросить об этом у Вэл, когда мы останемся наедине.

– Ну, – спрашивает Уэйд, когда тишина за столиком становится невыносимой, – кто хочет пойти на Зимний бал?

Все молчат.

– Серьезно? Никто? – Тогда он обращается к Вэл. – А ты, Каррингтон? У тебя уже есть кавалер?

Она смотрит на него с непроницаемым выражением лица.

– Я никуда не собираюсь.

За столиком опять становится тихо. Вэл вяло ковыряет салат, как и я свою курицу.

– Не голодна? – хриплым голосом спрашивает Рид.

– Нет аппетита, – признаюсь я.

– Переживаешь? – шепчет он.

– Есть немного.

Скорее, много, но я не собираюсь говорить ему правду и цепляю на лицо очередную улыбку.

Но Рид, наверное, видит меня насквозь, потому что наклоняется, чтобы поцеловать, и я позволяю себе отвлечься на этот приятный поцелуй, но в глубине души понимаю, что это лишь временное средство.

Отстранившись, я так ему и говорю:

– Ты не сможешь заставить меня перестать волноваться поцелуями.

Рука Рида поднимается вдоль моего тела и останавливается под грудью. Он начинает поглаживать меня там большим пальцем, отчего по телу пробегает волна мурашек. Я смотрю в его голубые глаза, полные порочных обещаний, и решаю, что, возможно, он и *сможет* заставить меня перестать волноваться только лишь поцелуями.

Я убираю с его лица пару шелковистых прядей, мечтая, чтобы сейчас мы были одни и он смог воплотить свои обещания в реальность. Рид притягивает меня к себе, чтобы снова поцеловать. В этот раз я приоткрываю рот, позволяя его языку скользнуть внутрь.

– Давайте, не когда я ем, – стонет Истон. – Вы испортите мне аппетит.

– По-моему, это маловероятно, – говорит Вэл.

Я улыбаюсь в губы Рида, а потом сажусь ровно.

– Ну все, я завелся. Никто не хочет прогуляться со мной до туалетов? – бодрым голосом спрашивает Уэйд.

Вэл категорично поджимает губы.

– Все будет хорошо, – говорит мне Рид. – Только вряд ли с желудком Истона. Он проглотил столько углеводов, что ему, вероятно, понадобится медицинское вмешательство.

И Рид показывает на гору пасты в тарелке брата.

– Я много ем, когда нервничаю, – отвечает последний.

Я пытаюсь последовать примеру Рида и поднять остальным настроение.

– А как ты объяснишь съеденный на прошлой неделе целый пакет печенек?

– Просто я был голоден. К тому же это были печеньки. Кому нужен предлог, чтобы полакомиться сладостями?

– По-моему, в этом есть сексуальный подтекст, – вмешивается Уэйд. – И правильный ответ: никому не нужен предлог, чтобы полакомиться сладостями.

– А вот тебе нужно разрешение, – натянуто говорит Вэл и впервые за все время, что мы сидим за столом, в открытую смотрит на Уэйда. – Если твой рот весь перепачкан чьими-то чужими сладостями, то другие кондитерские больше не захотят предлагать тебе свои.

Затем она поднимается из-за стола и марширует прочь.

– Эй! – кричит Уэйд ей вслед. – Я съел чужие сладости только один-единственный раз и только потому, что кондитерская, где я хотел их получить, была закрыта!

Он вскакивает со своего места и бросается за Вэл, а нам – мне, Риду и Истону – лишь остается удивленно смотреть на их удаляющиеся фигуры.

– У меня такое ощущение, что они говорили совсем не о сладостях, – замечает Истон.

Что правда, то правда. Мне не хочется видеть Вэл расстроенной, но я невольно завидую ее проблемам.

С заморочками в отношениях куда легче справляться, когда тебе не надо переживать о том, что твоего парня могут отправить в тюрьму.

Глава 7

Рид

Как только я вхожу в дом, в гостиную выглядывает отец и указывает на меня пальцем.

– В мой кабинет. Сейчас же.

Мы с Эллой обмениваемся тревожными взглядами. Не нужно быть гением, чтобы понять, что новость о моей драке с Ричмондом дошла и до отца. А я-то надеялся рассказать все сам.

– Мне пойти с тобой? – скорчив гримасу, спрашивает Элла.

Я почти сразу же качаю головой.

– Нет. Поднимайся наверх, поделай уроки или займись еще чем-нибудь. Здесь вряд ли будет весело. – Она медлит, и я легонько подталкиваю ее. – Давай же, я скоро приду.

Дождавшись, пока она исчезнет на втором этаже, я уныло вздыхаю – этот вздох рвался из моей груди уже давно. Сегодня в школе выдался препаршивый день, и не только потому, что я разбил нос своему товарищу по команде. Меня достали все эти шепотки и взгляды. Обычно я плевать хотел на то, что думают обо мне одноклассники, но сегодняшняя напряженная атмосфера была почти удушающей.

Все хотят знать, не я ли убил Брук. Многие уверены в этом, даже кое-кто из моей команды. Черт, иногда я думаю, что Элла тоже так считает. Она не говорила этого вслух, но во время ланча я поймал ее взгляд, когда она смотрела на меня, думая, что я не замечаю. У нее было такое выражение лица – не могу точно описать. Не то чтобы явное сомнение, а, наверное, опасение. И чуть-чуть грусти.

Я сказал себе, что она просто напугана всем происходящим, но часть меня в раздумьях: не сомневается ли *она*? Вдруг она смотрит на меня так, потому что пытается понять, не встречается ли с убийцей, ну или типа того.

– Рид.

Папин резкий голос заставляет меня сдвинуться с места. Я прохожу по коридору в его кабинет и, когда вижу за большим столом Гриера, совсем падаю духом. Папа сидит в стоящем рядом кресле.

– Что случилось? – тут же интересуюсь я.

– Ты еще спрашиваешь? – Папино лицо мрачнее тучи, и выглядит он

весьма грозно. – Недавно мне позвонил директор и рассказал о твоей маленькой вспышке гнева в раздевалке.

Я возражаю.

– Это не было вспышкой гнева. Ричмонд нес всякую фигню про маму.

Но впервые за все время упоминание мамы не заставляет отца смягчиться.

– Мне плевать, даже если он оскорблял самого Иисуса Христа, – тебе нельзя драться в школе, Рид! Хватит уже, тем более когда тебя обвиняют в убийстве второй степени^[1].

Во мне борются ярость и чувство стыда. Раскрасневшийся папа сжимает кулаки, но сквозь раздражение в его глазах я замечаю кое-что похуже: разочарование.

Трудно вспомнить, когда мне было не плевать, разочарован ли мною отец. Но сейчас мне, похоже, не все равно.

– Присядь, Рид, – приказывает Гриер, удерживая свою неизменную золотую ручку над блокнотом. – Нам нужно кое-что перепроверить.

Я неохотно подхожу к одному из стульев с мягким сиденьем и сажусь. Папа чопорно опускается на второй стул.

– Мы обсудим драку через минуту, – говорит Гриер. – А пока что ты должен рассказать мне, почему под ногтями Брук нашли твою ДНК.

Я чуть не подпрыгиваю от шока.

– Что?

– Сегодня я разговаривал с помощником окружного прокурора и с детективами, ведущими расследование. Они не хотели разглашать нам подробности до окончания анализа ДНК. Но результаты стали известны, и с нами с радостью ими поделились. – Лицо Гриера становится мрачным. – Они взяли у Брук соскоб подногтевого содержимого и обнаружили там частички кожи. ДНК совпала с твоей.

– Но откуда у них моя ДНК? – спрашиваю я. – Я не сдавал никаких образцов.

– У них все есть с прошлого ареста.

Я морщусь. *Прошлый арест.* Звучит не очень.

– Им так можно?

– Как только ты попадаешь в систему, то остаешься там навсегда. – Гриер перебирает бумаги, папа с хмурым видом наблюдает за ним. – Расскажи мне все про тот вечер, шаг за шагом, секунду за секундой. Не упускай ничего. Даже если ты выпустил газы, я должен об этом знать. Что ты делал после того, как встретился с Брук?

– Поехал домой.

– Сразу же?

– Да.

Черты лица Гриера заостряются.

– Ты в этом уверен?

Я хмурюсь.

– Я... наверное.

– Неправильный ответ. Судя по записям с камер наблюдения, ты приехал час спустя.

– Приехал куда?

– Сюда! – с раздражением рывкает адвокат. – В вашем доме установлено видеонаблюдение, Рид, или ты забыл?

Я смотрю на отца, который с мрачным видом кивает.

– Мы проверили пленки, пока ты был в школе, – говорит он мне. – Камеры показывают, что ты вернулся домой в двадцать два часа.

– То есть через целый час после того, как уехал из пентхауса О’Халлоранов, – подчеркивает Гриер.

Я снова напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить тот вечер.

– Я чуть-чуть покатался по городу, – медленно выговаривая слова, отвечаю я. – Я был зол из-за разговора с Брук и хотел немного успокоиться, прежде чем...

– Нет, – перебивает меня папа.

– Нет что? – Сейчас я вообще ничего не понимаю.

– Ты не должен говорить ничего такого, слышишь меня? Никаких намеков, даже между нами, что тем вечером ты был в таком состоянии, что хотел «успокоиться». Ты поругался с Брук, все как обычно, – твердым голосом говорит папа. – Ты был спокоен, когда входил туда, и так же спокоен – когда выходил.

От ощущения безысходности меня словно скручивает в тугой узел.

– И что с того, если я покатался на машине час или три, да хоть десять? – взрываюсь я. – На их пленках видно, как я выхожу из пентхауса через двадцать минут после того, как зашел туда. Так какая разница, что я приехал домой только час спустя?

– Они потребуют видеозаписи с твоих камер в качестве доказательства, – говорит Гриер отцу, как будто я не сказал ни слова. – Это лишь вопрос времени.

– И снова спрашиваю: что с того? – нажимаю я.

Гриер тычет ручкой в мою сторону.

– А то, что ты солгал. Если ты хоть раз скажешь неправду во время слушания, они смешают тебя с грязью.

– Слушания? Мне придется давать показания? – От волны смешанных эмоций меня начинает подташнивать. Все это время я говорил себе, что полиция вот-вот найдет настоящего убийцу, но, похоже, они считают настоящим убийцей меня.

– Во время допроса детективы заметили, что ты несколько раз касался своего бока и что на твоей футболке выступили пятна крови.

– Вот дерьмо, – бормочу я.

Такое ощущение, что на мою шею только что накинули веревочную петлю.

– Как это произошло? – Гриер продолжает забрасывать меня вопросами.

– Я не знаю. Может, когда я ехал в машине. Или, может, я потянулся, чтобы взять что-нибудь.

– И каким образом у тебя появилась эта рана?

Я и без адвоката понимаю, что мое следующее признание выставит меня не в лучшем свете.

– Меня пырнули ножом в доках.

– А что ты там делал?

– Дрался, – еле слышно бормочу я.

– Что?

– Дрался. Я дрался.

– Ты дрался? – повторяет Гриер.

– Нет закона, запрещающего драться.

Один из парней, с которыми я дрался в доках, – сын помощника генерального прокурора. Он заявил, что если все мы участвуем в боях по собственной воле, то не делаем ничего плохого. Желание врезать кому-нибудь по роже не является уголовно наказуемым правонарушением.

Но, похоже, это может быть доказательством того, что человек склонен к насилию и, возможно, способен на убийство.

– И не было никаких обменов деньгами? Я разговаривал с Франклином Дойтмейером, также известным как Толстый Дьюс, и он утверждает, что Истон Ройал делает ставки на футбольные матчи. Скажешь, он никогда не ставил на твои бои? – Гриер не дожидается моей лжи. – Мы допрашивали Джастина Марковитца, и он говорит, что там все время крутились деньги.

У меня складывается ощущение, что ему не нужны мои ответы, и я оказываюсь прав, потому что Гриер подается вперед, чтобы высказать заключительный довод, который отправит меня в тюрьму.

– Ты дерешься за деньги. Ты дерешься, потому что тебе это нравится. Ты без всяких на то причин отправил в больницу парня...

В этот раз я перебиваю его.

– Он оскорбил мою маму.

– Как и Ричмонд, которому ты сломал нос сегодня? Он тоже оскорбил твою маму?

– Да, – натянуто отвечаю я.

– А Брук? И она оскорбила твою маму?

– Что ты несешь? – рявкает мой отец.

– У твоего сына взрывной характер, вот что! – огрызается Гриер. – Достаточно дыхнуть на могилу его умершей матери...

Папа морщится.

– ...и он теряет контроль. – Гриер бросает ручку на стол и пристально смотрит на меня. – Окружной прокурор прямо-таки заиклен на этом деле. Не знаю, почему. У них до хрена нераскрытых преступлений, убийств среди наркоторговцев, букмекеров типа Толстого Дьюса, которые забирают деньги у детей, но им нравится это дело, как и все, кто в нем замешан. Наши частные детективы копнули поглубже и прояснили кое-какие слухи о том, что у Дины О'Халлоран, судя по всему, была связь с окружным прокурором Пэтом Марольтом.

Папа ругается.

– Черт подери!

Веревка на моей шее затягивается все туже.

– Полиция будет допрашивать твоих одноклассников, всех до единого. Если у тебя были проблемы хоть с одним из них, лучше рассказать мне об этом прямо сейчас.

– Ты считаешься одним из лучших адвокатов штата, – раздраженно говорит папа.

– А ты просишь меня сотворить чудо, – так же раздраженно отвечает ему Гриер.

– Нет, – вмешиваюсь я. – Мы просим вас выяснить правду. Пусть я и не против получить удар в челюсть, но мне не хочется попасть в тюрьму за то, чего я не делал. Я еще тот засранец, но я никогда не поднимал руку на женщин и уж чертовски точно ни одну не убивал.

Папа встает рядом со мной и кладет ладонь мне на плечо.

– Ты выиграешь это дело, Гриер. Мне все равно, чем ты там еще занят. Все это не имеет никакого значения до тех пор, пока с Рида не будут сняты все подозрения.

Подразумевается: «А не то пеняй на себя».

Губы Гриера сжимаются в тонкую линию, но он не пытается возражать. Вместо этого он поднимается из-за стола, складывает все свои

бумаги и говорит:

– Мне пора работать.

– Что мы должны делать, пока продолжается расследование? – провожая Гриера до дверей, спрашивает папа.

Я же словно приклеился к стулу и думаю только о том, как моя жизнь превратилась в этот ад. Я смотрю на свои руки. Это я убил ее? Может, мне приснилось, что я уходил из пентхауса? Может, я страдаю необъяснимыми провалами в памяти?

– Сделайте вид, что все хорошо, ведите себя как обычно, а ты притворяйся, что невиновен.

– Я невиновен, – огрызаюсь я.

Гриер останавливается в коридоре.

– Окружному прокурору, чтобы доказать преступление, нужны средства, мотив и возможность его совершения. Брук ударила головой о камин с такой силой, что череп отделился от позвоночника. Ты большой и сильный, тебе нравится бить людей. У них есть видеозапись, на которой ты появляешься в нужный период. И у них есть мотив. О, кстати, и Элла Харпер.

Я напрягаюсь.

– Что с ней?

– Держись от нее подальше, – ровным голосом отвечает Гриер. – Она твоя самая большая слабость.

Глава 8

Элла

Когда я добираюсь до школы, Рид уже ждет меня на ступеньках парадной лестницы. Сейчас нет Истона, но я даже рада этому, потому что смогу побыть с Ридом наедине, особенно учитывая, что случилось вчера. После разговора с Каллумом и Гриером он был угрюмым и замкнутым и впервые за долгое время не остался спать в моей комнате. Я не умоляла его остаться, но заставила поговорить со мной.

Он рассказал не очень много, но, похоже, адвокат тревожится из-за драк Рида, и еще его беспокоит, что тот отсутствовал почти час перед тем, как появиться в особняке Ройалов после того, как уехал из пентхауса.

Если честно, мне это не совсем понятно. Что такого, если Рид отправился домой не сразу? Это же не значит, что он занимался чем-то подозрительным, тем более когда копам известно, что он покинул пентхаус спустя двадцать минут, как вошел туда.

И все же, раз Гриер и Каллум так сильно нервничают, это, должно быть, очень важно. Именно об этом я и завожу разговор, поприветствовав Рида поцелуем.

– Я все никак не могу понять, почему так важен этот час, когда ты просто катался по городу?

Его глаза темнеют, отчего вкупе с незаправленной рубашкой и расстегнутым пиджаком он становится похож на типичного «плохого мальчика». Прежде меня никогда не тянуло к парням такого типа, но Рид в этом образе кажется просто неотразимым.

– Он ничего не значит, – отвечает Рид.

– Тогда почему адвокат так из-за этого беспокоится?

Рид пожимает плечами.

– Не знаю. Но я не хочу, чтобы *ты* из-за этого беспокоилась, ладно?

– Я не могу не беспокоиться. – Я медлю в нерешительности, потому что не хочу снова поднимать эту тему, зная, как она бесит Рида, но ничего не могу с собой поделать.

– У нас еще есть время, чтобы сбежать, – умоляющим голосом говорю я, оглядываясь, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, и затем перехожу на шепот: – Я не хочу сидеть здесь и ждать, пока тебя упекут за

решетку.

Его жесткий взгляд теплеет.

– Детка, этого не случится.

– Откуда ты знаешь? – Меня охватывает ощущение беспомощности. – Я уже потеряла очень важного для меня человека и не хочу потерять еще и тебя!

Вздохнув, Рид притягивает меня к себе и целует в лоб.

– Ты меня не потеряешь.

Его губы находят мои, и Рид проталкивает язык мне в рот, отчего у меня перехватывает дыхание и подгибаются колени. Я хватаюсь за его бицепсы, чтобы не упасть.

– Ты самый сильный человек из всех, кого я знаю, – шепчет он мне в губы. – Будь сильной для меня, ладно? Мы не будем убегать. Мы останемся и будем бороться.

Я не успеваю ответить, потому что мое внимание привлекает звук подъезжающего автомобиля. Оглянувшись, я вижу, как на огромной подъездной дорожке перед главным зданием школы останавливается полицейский автомобиль.

Мы с Ридом оба замираем на месте.

– Они приехали за тобой? – со страхом спрашиваю я.

Его лицо снова становится мрачнее тучи, взгляд синих глаз прикован к машине.

– Не знаю.

Рид мрачнеет еще больше, когда из машины со стороны водителя вылезает коренастый лысый мужчина.

– Вот дерьмо!

– Ты его знаешь? – с шипением шепчу я.

Рид кивает.

– Детектив Казинс, один из тех копов, которые меня допрашивали.

О боже. Это нехорошо.

Естественно, как только Казинс замечает нас на ступеньках, то тут же подходит прямо к нам.

– Мистер Ройал, – холодно приветствует он Рида.

– Детектив, – таким же холодным тоном отвечает Рид.

Несколько секунд мы стоим в напряженном молчании, но потом детектив переводит свой неприятный взгляд на меня.

– Элла О’Халлоран, если не ошибаюсь?

– Харпер, – огрызаюсь я.

Он закатывает глаза – на самом деле – что, на мой взгляд, несколько

грубо.

– Что ж, мисс *Харпер*, вы этим утром первая в моем списке.

Я, нахмурившись, смотрю на него.

– Что еще за список?

– Свидетелей. – Казинс кажется очень довольным собой, улыбаясь мне. – Директор разрешил мне провести опрос свидетелей в его кабинете. Прошу, следуйте за мной...

Я остаюсь на месте. Каллум уже предупредил меня, что может произойти нечто подобное, так что я к этому подготовилась.

– Простите, но нет. Любые разговоры с представителями полиции должны проводиться только в присутствии моего опекуна, – я улыбаюсь ему в ответ с не меньшим самодовольством, – а также моего адвоката.

Детектив прищуривает глаза.

– Понятно. Значит, так и будем действовать. – Он коротко кивает. – Тогда я, пожалуй, свяжусь с вашим опекуном.

Сказав это, он протискивается мимо нас и исчезает в дверях парадного входа.

Как только детектив уходит, моя маска самоуверенности спадает, и я тут же поднимаю глаза на Рида.

– Сегодня он будет опрашивать свидетелей? Кого?

– Понятия не имею, – мрачным тоном отвечает он.

– Боже, Рид, это очень плохо! Очень-очень плохо!

– Все будет нормально. – Но в его голосе не слышно прежней уверенности. – Пойдем. Нам нужно успеть на урок. Напиши мне, если будут какие-то проблемы, ладно?

– А у меня могут быть какие-то проблемы? – с опаской спрашиваю я.

Его ответ звучит таинственно:

– Аборигены беспокойны^[2].

Наш разговор и внезапное появление детектива Казинса ничуть меня не утешили, и я думаю, Рид это понимает, но все равно натягивает на лицо улыбку и провожает меня до класса, как будто все супер. Быстро поцеловав меня, он уходит в противоположном направлении. Я же не могу избавиться от беспокойства. Оно накрыло меня словно толстое одеяло, и, когда я захожу в класс по химии и сажусь на свое место, рядом с Истоном, видно, что я в отчаянии.

– Что случилось? – тут же спрашивает Истон.

Я наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

– Приехали копы, будут спрашивать народ про Рида.

Истон остается невозмутимым.

– В школе никто ничего не знал про Рида и Брук, – шепчет он мне в ответ. – Эти допросы ничего им не дадут.

Я украдкой оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

– Но все в школе знают о его драках. – И тут мне в голову приходит еще одна мысль. – А Саванна знает про Дину.

Истон хмурится.

– Это не имеет никакого отношения к Брук.

– Нет, но они могут повернуть все в свою пользу. – Я заламываю руки, потому что страх вернулся, и он еще сильнее, чем прежде. – Если они узнают, что Дина шантажировала брата Рида, то могут придумать какую-нибудь безумную историю о том, что Рид приехал в пентхаус к Дине, но вместо нее убил Брук.

Безумная мысль, но весьма вероятная, потому что на лице Истона проступает тревога.

– Черт.

– Если они будут допрашивать Саванну, как думаешь, она им что-нибудь скажет?

Он медленно качает головой.

– Я... так не думаю.

Мне этого недостаточно. Ни капельки.

– Мы вместе ходим на английский, он как раз следующим уроком. Я поговорю с ней.

– И что? Пригрозишь, что сломаешь ей ноги, если она пикнет? – Истон выдавливает из себя вялую улыбку.

– Нет, но я постараюсь донести до нее, как важно не упоминать про Гидеона и Дину.

– Сэв ненавидит Ройалов, – устало говорит он. – По-моему, ты вряд ли убедишь ее держать язык за зубами.

– Может, и нет, но я все равно собираюсь попытаться.

* * *

После химии я несусь на второй этаж, чтобы перехватить Саванну Монтгомери до того, как она войдет в класс английского.

Я еще никогда не встречала человека противоречивее, чем бывшая девушка Гидеона. Когда я перевелась в Астор-Парк, она провела для меня экскурсию по территории и хотя вела себя тогда как последняя стерва, все-

таким образом дала мне несколько бесплатных советов о том, как выжить в этой школе. К тому же, несмотря на то что она всегда держит дистанцию и не особо разговорчива в классе, Саванна все-таки потратила свое время на то, чтобы предупредить меня о Дэниеле Делакорте, а потом помогла мне и Вэл отомстить этому подонку.

Может, она все-таки союзник?

Не знаю, честное слово. Ее сложно разгадать, а то и совершенно невозможно.

Сегодня это последний вариант. Она хмурится, увидев, как я бесцельно слоняюсь у двери в класс, но все же говорит «привет» без неприязни.

– Можешь уделить мне минутку, чтобы поговорить? – тихо спрашиваю я.

Она с подозрением оглядывает меня.

– Зачем?

Я призываю себя быть терпеливой.

– Затем, что нам нужно поговорить.

– Скоро начнется урок.

– Мистер Уинстон всегда опаздывает на десять минут, и ты это знаешь.

У нас еще есть время. – Я умоляюще смотрю на нее. – Пожалуйста.

Через мгновение она кивает.

– Ладно, но очень быстро.

Мы молча идем по коридору к шкафчикам, которые образуют еще один маленький коридор. Оказавшись с ней наедине, я тут же беру быка за рога.

– Здесь полицейские, хотят опросить некоторых друзей и одноклассников Рида.

Лицо Сэв не выражает никакого удивления.

– Да, я в курсе. Меня уже вызывали в кабинет Берингера. Я буду говорить с ними во время перерыва на ланч. – Она закатывает глаза. – Они хотели вытащить меня прямо с урока, но я послала их куда подальше. Не хочу отстать по учебе только потому, что один из Ройалов убил девушку своего папаша.

Я вздрагиваю, словно она дала мне пощечину.

– Рид никого не убивал, – говорю я, сжав зубы.

Саванна пожимает плечами.

– Да пусть даже и убил, плевать. Брук никогда мне не нравилась.

Я хмурюсь. Саванна знала Брук? На секунду я задумываюсь, но потом понимаю, что да, Сэв *знала* ее. Когда она проводила для меня экскурсию по

Астор-Парку, то назвала Брук «временным развлечением». Они с Гидом встречались почти год, значит, она наверняка сталкивалась с Брук в доме.

– Эта женщина была той еще дрянью, – добавляет Саванна. – Охотница за деньгами с большой буквы «О».

– Какой бы она ни была, Рид ее не убивал.

Сэв выгибает идеальную по форме бровь.

– Ты хочешь, чтобы я так и сказала копам?

Я стараюсь подавить раздражение.

– Говори им что хочешь, потому что он этого не делал. Я хотела поговорить с тобой о другом.

– О чем это?

Я бросаю быстрый взгляд на главный коридор: пусто.

– О Гидеоне и Дине.

Как мне рассказал Рид, Дина залезла в телефон Гида и украла оттуда «голые» фотки, которые они с Саванной друг другу посылали. Вооружившись этим, Дина угрожала ему обвинением в изнасиловании, потому что на тот момент Саванне было всего пятнадцать, а Гидеону – восемнадцать.

При упоминании имени Гидеона настороженность на лице Саванны сменяется злостью.

– Ты имеешь в виду то, как мой парень трахал эту дешевку и любительницу молодых мальчиков? – огрызается она.

– Да, и эта дешевка и любительница молоденьких мальчиков шантажирует его фотографиями, которые *ты* ему присылала, – огрызаюсь я в ответ.

В этот раз вздрагивает Саванна.

– Ты хочешь сказать, что Гид вляпался во все это из-за *меня*? Но это не так! *Он* изменил мне! *Он* переспал с этой гадиной! И это *его* вина, что она помешалась на нем и украла его телефон. Я лишь отправляла фотки своему парню, Элла!

Я чувствую, что наш разговор начинает выходить из-под моего контроля, и быстро меняю свой тон на спокойный и дружелюбный.

– Я ни в чем тебя не виню, – уверяю я Саванну. – Я лишь хочу сказать, что ты втянута в это, хочешь того или нет. У Гидеона могут возникнуть проблемы, если копы пронюхают про Дину и фотографии.

Саванна молчит.

– Я знаю, ты его ненавидишь, но еще я уверена, что ты не хотела бы видеть, как его упекают в тюрьму. А если расскажешь им, то они попытаются использовать эту информацию против Рида. – Я пристально

смотрю на нее. – А Рид невиновен.

По крайней мере, я так думаю.

Сэв продолжает молчать и молчит так долго, что я начинаю сомневаться, удалось ли мне достучаться до нее. Но наконец она тяжело вздыхает и кивает.

– Ладно, я ничего им не скажу.

Я испытываю облегчение, но Саванна даже не оставляет мне шанса поблагодарить ее – просто уходит, не сказав больше ни слова.

Глава 9

Элла

Больше мы с Саванной сегодня не видимся. В любой другой день мне было бы все равно, тем более что после обеда у нас нет совместных уроков, но сейчас у меня развилась настоящая паранойя. Она должна была беседовать с детективом во время перерыва на ланч. Я надеялась, что Сэв отыщет меня и расскажет о допросе, но она этого не сделала, а всю вторую половину дня я даже мельком не видела ее в школьных коридорах.

Во время ланча Вэл призналась, что сегодня утром полицейские оставили ее родителям сообщение, в котором спрашивали разрешение допросить ее. Но, похоже, ее дядя и тетя придерживаются тех же взглядов, что и Каллум, потому что они разрешили допрашивать Вэл и Джордан лишь в своем присутствии.

М-да, Джордан. Очевидно, она тоже есть в списке Казинса. И это очень сильно тревожит меня, потому что я уверена: Джордан будет говорить о Риде только самое худшее.

Я не знаю, с кем еще сегодня разговаривали копы кроме Саванны. Мой собственный предстоящий допрос вселяет в меня ужас, но, будем надеяться, Каллуму удастся потянуть с ним как можно дольше. Может, за это время детективы сделают свою дурацкую работу и найдут настоящего убийцу.

Если настоящий убийца вообще существует...

В горле застывает крик, отчего я останавливаюсь прямо посреди парковки. Ненавижу эти мысли, которые продолжают вспыхивать в моем сознании. *Ненавижу* себя за то, что все еще сомневаюсь в Риде. Он твердит, что не убивал ее. Он клянется, что не делал этого.

Так почему я не могу поверить ему на сто процентов?

– Парковка для того, чтобы на ней стояли машины, сестренка, а не люди.

Я разворачиваюсь и вижу ухмыляющегося Истона. Он слегка подталкивает меня вперед и добавляет:

– Бедняжка Лорен пытается выехать отсюда уже... минуты две.

Я поднимаю глаза на красный БМВ с заведенным двигателем. И действительно оттуда мне машет Лорен Донован, на ее лице виноватое

выражение, как будто это она мешает мне, а не наоборот.

Я машу в знак извинения девушке близнецов и поспешно ухожу с дороги.

– Я задумалась, – говорю Истону.

– Все еще переживаешь из-за допросов?

– Ага. Но я поговорила с Саванной, и она пообещала, что ничего не скажет про Гидеона.

Истон кивает.

– Это уже хорошо.

– Угу.

– Элла, – доносится из-за наших спин голос Рида, – поедешь домой со мной?

Он идет через парковку с Себастианом. И моя параноя снова дает о себе знать.

– Что случилось? Разве ты не идешь на тренировку?

Рид качает головой.

– Ист идет, а у меня освобождение. Только что получил сообщение от папы: он приказал ехать домой.

Страх холодком бежит вдоль позвоночника.

– Зачем? Что произошло?

– Я не знаю. – Рид выглядит сбитым с толку. – Он сказал, что это важно и что он уже договорился с тренером.

Судя по его лицу, Рид нервничает. Я уже изучила своего парня и знаю, что, когда его загоняют в угол, он ведет себя жестко, а этот угол, где полно полиции, следователей и на горизонте маячит тюрьма, кажется самым маленьким и одиноким углом в мире.

– Он хочет, чтобы я тоже приехала? – осторожно спрашиваю я.

– Нет. Но я хочу. – Рид переводит взгляд на своего младшего брата. – Себ, поедешь на машине Эллы?

Себастиан кивает.

– Без проблем.

Я бросаю ему ключи и смотрю, как он уходит к моему кабриолету, а Истон убегает на тренировку. Мы с Ридом залезаем в его «рейндж-ровер», и я начинаю гадать, зачем он попросил меня поехать с ним, потому что за пять первых минут в пути Рид не произносит ни слова.

Я смотрю в окно и грызу ноготь большого пальца. Мне трудно с молчаливым Ридом: так сильны воспоминания о первом времени в особняке Ройалов. Тогда от Рида можно было ждать только презрительных взглядов и язвительных замечаний, к чему я совершенно была неготова.

Мама была слегка – ладно, *очень* – легкомысленной, но жизнерадостной и никогда не стеснялась своих эмоций, в отличие от меня.

– Давай скажи уже это, – вдруг рявкает Рид.

Я испуганно вздрагиваю.

– Сказать что?

– Что тебя гложет. Я прямо слышу, как ты думаешь, а если ты и дальше будешь грызть свой ноготь, он отвалится.

Обескураженная, я опускаю глаза на отметины зубов на большом пальце. Потирая красные пятнышки, отвечаю:

– Не думала, что ты заметишь.

– Я замечаю все, если дело касается тебя, детка, – говорит он низким, хриплым голосом.

– Я волнуюсь. Ты продолжаешь говорить мне не делать этого, но становится только хуже, – признаюсь я. – В школе сразу видно, кто твой враг, кто может тебе помочь, а кто бесполезен, кто за тебя, кто – против. Но эта ситуация кажется просто непостижимой.

И очень *страшной*, но об этом я вслух не говорю. Риду не нужно слушать о моих страхах. Он взвалит их на себя, и они лишь добавят веса тем проблемам, которые и так тяжким грузом лежат на его плечах.

– Все скоро разрешится, – отвечает Рид, его сильные руки направляют внедорожник по длинной вымощенной подъездной дороге, ведущей к особняку Ройалов. – Потому что я этого не делал.

– Тогда кто это сделал?

– Может, отец ребенка? Похоже, той ночью Брук могла перетрясти всех, с кем была знакома. Я был не единственным идиотом, – он резко умолкает.

И я рада этому, потому что мне не нравится слушать о том, что у Рида был секс еще с кем-то, пусть даже до меня. Боже, как было бы здорово, если бы он был еще девственником.

– Тебе следовало бы остаться девственником, – сообщаю я ему.

Рид удивленно усмехается.

– Так ты из-за этого вся на нервах?

– Нет, но только подумай, сколько проблем бы это решило! У тебя ничего не было бы с Брук. Девчонки из школы не пускали бы на тебя слюни.

– Если бы я был девственником, каждая из этих девчонок лезла бы вон из кожи, чтобы затащить меня в постель, а потом хвастаться, что стала первой, кто покорил вершину по имени Рид.

Он улыбается и останавливает машину около дома.

У Ройалов есть целый двор, отведенный под стоянку машин. Он выложен кирпичом в форме спиралей и ведет к гаражу, который вмещает все их автомобили. Только вот гаражом никто не пользуется. Обычно двор уставлен черными «роверами», там же стоит и вишневый пикап Истона.

– Девочки не такие, – говорю я, выскакивая из внедорожника и протягивая руку за своим рюкзаком. – Они не стали бы соревноваться в том, кто из них первая лишит тебя девственности.

Рид хватается за рюкзак первым и с усмешкой забирает его у меня.

– Девчонки именно такие. Как думаешь, из-за чего Джордан все время докапывается до тебя? Ты ее соперница, детка. Почти все, независимо от пола, чертовски склонны к соперничеству. А детишки из Астора – больше всех на свете. Если бы я был девственником, для кого-то это стало бы еще одной целью.

– Как скажешь.

Он обходит «ровер» спереди и забрасывает руку мне на плечо. Наклонив голову так, что его губы касаются моего уха, Рид шепчет:

– Мы можем поиграть, когда я сорву твою вишенку: я буду девственником, а ты – опытной старшеклассницей.

Я ударяю его: Рид это заслужил – но он лишь начинает смеяться еще сильнее. И пусть он смеется надо мной, но счастливый Рид нравится мне куда больше, чем тихий и злой.

Правда, его хорошее настроение мигом улетучивается, когда мы входим в дом, где нас строгим взглядом приветствует Каллум.

– Рад, что вам весело, – ровным голосом говорит он, как только мы заходим на кухню.

Заметив Стива, я подпрыгиваю от удивления. Это покажется безумием, но я все время забываю о нем. Мой мозг, похоже, не в состоянии справляться сразу с несколькими кризисными ситуациями зараз, и единственное, о чем я пока могу думать, – это о том, что Риду грозит тюрьма. Каждый раз, увидев Стива, я словно заново узнаю, что он жив.

От меня не ускользает, как он прищуривается, когда замечает руку Рида у меня на плечах. На его лице отражается что-то типа родительского неодобрения, к чему я совершенно не привыкла: с мамой всегда было легко.

Я выскальзываю из-под руки Рида, притворившись, что мне нужно залезть в холодильник.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я у него.

Рид весело улыбается мне.

– Конечно, а что ты можешь предложить?

Придурок. Он понял, почему я скинула его руку, и теперь подшучивает надо мной. Справившись с порывом показать ему средний палец, я достаю баночку йогурта.

Каллум хлопает в ладоши, чтобы привлечь наше внимание.

– Берите ложки, я буду ждать вас в моем кабинете.

– Мы будем, – поправляет его Стив.

Махнув рукой, Каллум уходит.

– Брось свои намеки, – шипя на Рида, я достаю из ящика ложку.

– Зачем? Папа знает про нас.

– А Стив – нет, – напоминаю я ему. – Все это так странно, понимаешь?

Давай будем притворяться, что мы просто...

Рид выгибает бровь.

– ...друзья, – заканчиваю я, потому что все другие варианты кажутся слишком неприятными.

– Притворяться? Я думал, мы и *есть* друзья. Ну все, ты убила меня. – Он театральным жестом прикладывает руку к своей груди.

– Еще нет, но это можно поправить. – Я угрожающе помахиваю перед ним ложкой. – Я не боюсь дать волю рукам, приятель.

– Жду не дождусь. – Опустив руку на мое бедро, Рид притягивает меня к себе. – Почему бы тебе не дать волю рукам прямо сейчас?

Я облизываю губы, притягивая к ним его взгляд.

– Рид! Элла! – кричит Каллум. – В мой кабинет. Сейчас же!

Я отпрыгиваю от Рида.

– Пойдем.

Мы входим в кабинет. Стив стоит, прислонившись к столу, Каллум меряет шагами комнату. Все наше хорошее настроение мигом испаряется, стоит нам увидеть в одном из кожаных кресел, стоящих перед столом, Хальстона Гриера.

– Мистер Гриер, – натянуто здоровается с ним Рид.

Гриер поднимается на ноги.

– Рид. Как дела, сынок?

Рид обходит меня, чтобы пожать ему руку.

– Мне уйти? – смущенно спрашиваю я.

– Нет, Элла, это касается и тебя тоже, – отвечает Каллум.

Рид тут же встает рядом со мной и кладет руку мне на талию, словно хочет защитить. И только сейчас я замечаю, что галстук у Каллума перекошен, а волосы торчат в разные стороны, как если бы он сотни раз проводил по ним рукой. Мой взгляд перебегает на Стива. Он одет в джинсы и свободную футболку. По нему не скажешь, что он чем-то обеспокоен.

Даже не знаю, на кого из них равняться. Мой взгляд мечется между взъерошенным Каллумом и спокойным Стивом. Может, речь пойдет обо мне, а не об убийстве?

– Тебе лучше присесть. – Это говорит Гриер.

Я качаю головой.

– Спасибо, я постою.

Садиться опасно: когда стоишь, убежать можно быстрее, чем если сидишь, потому как тебе нужно для этого еще и встать.

– Папа, – начинает Рид.

Каллум вздыхает и проводит тыльной стороной руки по щеке.

– Судья Делаkort пришел ко мне с интересным предложением. – Он умолкает. – Оно касается образцов ДНК, которые нашли под ногтями Брук.

Рид хмурится.

– И что?

– Делаkort готов потерять эти улики.

У меня отвисает челюсть. Отец Дэниела – судья. И он предлагает «потерять» улики? В жизни не встречала настолько продажных людей.

– И какая цена? – спрашиваю я.

Каллум поворачивается ко мне.

– Дэниел вернется в Астор-Парк. Ты отзовешь свои обвинения и признаешься, что приняла наркотики по собственной воле. – Он переводит взгляд на своего сына. – Когда ты с братьями нашел ее, она сочинила историю, чтобы ваша неприязнь к ней не стала еще больше. Это цена.

Каждая клеточка моего тела восстает против сценария, описанного Каллумом.

Рид взрывается словно вулкан.

– Вот проклятый ублюдок! Ни за что!

– Если я это сделаю... – я делаю глубокий вдох, – с Рида снимут все обвинения и дело закроют?

Эти вопросы я задаю адвокату.

– Ты не станешь этого делать, – сжав мою руку выше локтя, требует Рид.

Я вырываюсь из его хватки и снова обращаюсь к адвокату.

– Если я это сделаю, – повторяю я, сжав зубы, – Рид будет спасен?

Рид кричит на своего отца из-за того, что тот даже на секунду задумался об этом. Каллум пытается успокоить его, уверяя, что и сам не советует мне выбирать этот вариант.

Хотя очевидно, что он хочет этого, иначе сразу бы отказал Делаcortу. Мне немного обидно, но я понимаю его. Каллум пытается спасти своего

сына от тюрьмы.

Тем временем Стив не произносит ни слова. Он просто наблюдает за происходящим. Но сейчас меня не волнует, кто еще есть в кабинете, – я жду, что ответит мне адвокат.

Несмотря на творящийся в кабинете хаос, Гриер сохраняет полнейшую невозмутимость и складывает руки с идеальным маникюром на коленях. Интересно, кого он видит, когда смотрит на меня: хрупкую девочку, глупышку, дуреху? А может, ту, которая так сильно любит своего парня, что готова ради него на все?

Но ведь это... такая мелочь. Дэниел Делапорт появится в моей жизни еще на несколько месяцев, чуть больше подлых детишек из Астор-Парка будут шептаться у меня за спиной, меня буду считать наркоманкой. Но все это в обмен на свободу Рида?

Оно того стоит.

– Это не повредит, – наконец отвечает Гриер.

И тут Рид снова срывается.

Глава 10

Рид

– Ни за что!

Стоит адвокату закончить фразу, я тут же оставляю отца в покое, подхожу к Элле и встаю между нею и этой змеей, пока он не успел уговорить ее согласиться.

– Этому не бывать! Нет!

Элла отходит от меня.

– А что с видеозаписями?

– Они тоже могут исчезнуть, – отвечает Гриер. – Похоже, что Делапорт собаку съел на том, как избавляться от улики.

– Поверить не могу, что кто-то из вас может считать это отличной идеей! Дэниелу нельзя и на сто километров приближаться к Элле, – запальчиво говорю я. – Вы совсем охренели, что ли?

– Следи за языком, – делает мне замечание отец, хотя раньше ему не было дела, ругаюсь я или нет.

– Ты так считаешь? – набрасывается на меня Элла. – По-твоему, лучше двадцать пять лет просидеть в тюрьме? Если, проглотив свою гордость, я смогу спасти тебя, то для меня это никакая не фигня!

Почему-то Элле никто не говорит *следить за языком*, и это еще больше выводит меня из себя.

Я поворачиваюсь к отцу, потому что именно его нужно убедить в первую очередь, иначе Эллу нельзя будет отговорить от этой сделки. Смогут только папа и этот грязный адвокатишка.

– Как же подло с твоей стороны! Этот ублюдок – настоящий псих, а ты хочешь вернуть его? Нет, хуже! Ты хочешь, чтобы Эллу унижали всю ее жизнь?

Папа сердито смотрит на меня.

– Я пытаюсь спасти тебя от тюрьмы. Это не самая лучшая идея, но вы оба должны были выслушать ее. Вы хотите, чтобы я обращался с вами как со взрослыми? Тогда вам придется принимать взрослые решения, – рявкает он.

– Значит, я принял решение! Дэниел остается там, где он сейчас находится, а мы выиграем это дело по существу, потому что я, мать вашу,

никого не убивал. – Я отчеканиваю каждое слово, чтобы никто не ослышался.

Элла хватается меня за запястье.

– Рид, прошу тебя!

– О чем ты меня просишь? Ты понимаешь, что начнется в школе, если ты скажешь, что солгала про Дэниела? Ты не сможешь ходить по коридорам в одиночку. Кому-то из нас все время надо будет находиться рядом с тобой. Джордан порвет тебя на мелкие кусочки.

– Думаешь, меня это волнует? Подумаешь, каких-то несколько месяцев!

– А в следующем году? Меня не будет здесь, чтобы защитить тебя, – напоминаю я ей.

И вижу, как прищуривает глаза Стив.

– Я ценю твою заботу, Рид, но Элле не нужна твоя защита. У нее есть отец, который в состоянии ее защитить. – Он поджимает губы. – А вообще, по-моему, мне пора забрать дочь домой.

У меня холодеет кровь.

Элла еще крепче сжимает мои пальцы.

Стив отталкивается от стола и выпрямляется.

– Каллум, я очень благодарен тебе за то, что ты заботился о ней, пока меня не было, но я отец Эллы. Сейчас у тебя полно забот с собственными детьми, нам с Эллой здесь делать нечего.

О, черт, нет! Она не оставит меня или этот дом!

– Папа, – предостерегаю я.

– Стив, полиция еще не освободила твой пентхаус, – напоминает Каллум своему другу. – И, похоже, это случится еще не скоро.

Он смотрит на адвоката, чтобы тот подтвердил его слова.

Гриер кивает.

– В офисе шерифа говорят, что будут собирать улики еще как минимум две недели.

– Ничего страшного. Мы с Диной выкупили пентхаус в «Хэллоу-Окс». – Стив лезет в карман и достает пластиковую карточку. – Твое имя я тоже добавил в бронь, Элла. Вот твой ключ.

Элла остается стоять на месте.

– Нет уж. Я не буду спать под одной крышей с Диной, – и тут же быстро добавляет, – без обид.

– Элла – Ройал, – холодным тоном говорю я.

Взгляд Стива опускается на побелевшие пальцы Эллы, сжимающие мое запястье.

– Пока нет, – не без удовольствия бормочет он.

– Будь разумным, Стив, – говорит папа. – Обустройся сначала сам. К тому же нам необходимо решить несколько юридических вопросов. Это в новинку для всех.

– Элле семнадцать, а значит, она еще находится на попечении родителей, разве не так, Хальстон?

Адвокат склоняет голову набок.

– Все верно. – Он поднимается и расправляет брюки. – Судя по всему, сейчас вам нужно переговорить о личных проблемах. Я оставлю вас.

Но он останавливается на полпути к дверям и хмуро смотрит на меня.

– Полагаю, будет лишним просить тебя не появляться на субботних похоронах?

Я тоже хмурюсь.

– Каких похоронах?

– Похоронах Брук, – натянутым голосом отвечает отец, а потом переводит взгляд на Гриера. – Нет, Рида там не будет.

– Вот и хорошо.

Я не могу удержаться, чтобы не съязвить:

– А что случилось с вашим «будьте сплоченной семьей»?

Гриер отвечает столь же язвительно:

– Можете оставаться сплоченной семьей везде, кроме похоронного бюро. И ради всего святого, Рид, держись подальше от неприятностей. Никаких драк в школе и всего прочего, ясно?

Он многозначительно показывает глазами на Эллу.

Моя самая большая слабость? Ну уж нет. Элла – мой стальной стержень, но Гриер видит в ней лишь доказательство моего мотива. Я встаю ближе к ней.

Адвокат качает головой и поворачивается к папе.

– Дай знать, если захочешь, чтобы я организовал новую встречу с Делакортом.

– Не будет никаких встреч, – рявкаю я им.

Папа похлопывает Гриера по спине.

– Я позвоню тебе.

Внутри клоочет ярость. Меня словно нет в комнате. Но раз уж никто здесь не собирается меня слушать, то нет никакого смысла и дальше *оставаться* здесь.

– Пойдем, – говорю я Элле.

И вытаскиваю ее из кабинета, не дожидаясь ее согласия или чьего-нибудь еще.

Через минуту мы уже на втором этаже, где я открываю дверь в спальню Эллы и заталкиваю ее внутрь.

– Это глупо! – выкрикивает она. – Я не перееду в какую-то гостиницу со Стивом и этой отвратительной женщиной!

– Нет, – соглашаюсь я, наблюдая, как она залезает на кровать.

Ее школьная форменная юбка задирается вверх, и я успеваю увидеть ее попку, прежде чем Элла садится и притягивает колени к подбородку.

– И ты тоже ведешь себя глупо, – ворчит она. – По-моему, нам следует принять предложение Делакурта.

– Нет, – снова повторяю я.

– Рид.

– Элла.

– Но тогда ты не попадешь в тюрьму!

– Зато я до конца жизни буду в руках у этого ублюдка. Нет, детка, этого не будет. Я серьезно. Так что выкинь эту идею из головы.

– Ладно, раз ты не хочешь принимать это предложение...

– И не буду.

– ...тогда что мы будем делать?

Я снимаю свою белую рубашку и скидываю ботинки. Оставшись в брюках и майке, сажусь на кровать рядом с Эллой и притягиваю ее к себе. Она прижимается ко мне, но лишь на одно короткое мгновение. Потом снова садится и сердито смотрит на меня.

– Я задала тебе вопрос, – ворчит Элла.

Я раздраженно вздыхаю.

– Мы ничего не можем сделать, Элла. Это работа Гриера.

– Что ж, тогда он плохо делает свою работу, раз советует тебе заключить сделку с продажным судьей! – Ее щеки покраснели от гнева. – Давай составим список.

– Что за список? – непонимающе спрашиваю я.

– Всех тех, кто мог бы убить Брук. – Она соскакивает с кровати, подбегает к своему столу и хватает ноутбук. – С кем она еще была близка, кроме Дины?

– Насколько я знаю, ни с кем, – отвечаю я.

Элла садится на кровать и открывает крышку ноутбука.

– Ответ не принимается.

Я уже начинаю злиться.

– Другого у меня нет. У Брук не было друзей.

– Но у нее были враги – ты это хочешь сказать, верно?

Элла открывает поисковый сайт и печатает имя Брук. Появляется

миллион результатов о миллионе других Брук Дэвидсон.

– Значит, нам надо просто выяснить, кто именно эти враги.

Я сажусь, опираясь на локти.

– Ты теперь у нас Лоис Лейн?^[3] Собираешься сама раскрыть это преступление?

– А у тебя есть идея получше? – отвечает Элла вопросом на вопрос.

Я вздыхаю.

– У папы есть частные детективы. Они нашли тебя, помнишь?

Рука Эллы застывает над мышкой, но лишь на секунду, и она кликает на ссылку, чтобы открыть страницу Брук на *Facebook*. Пока страница загружается, она в задумчивости глядит на меня, а потом объявляет:

– Похороны.

– Что похороны? – с опаской спрашиваю я.

Мне не нравится ход ее мыслей.

– Думаю, ты должен пойти на них.

Я рывком сажусь ровно.

– Ни за что. Гриер сказал, что нам нельзя там появляться.

– Нет, он сказал, что тебе нельзя там появляться. – Ее взгляд снова опускается на экран. – Эй, а ты знал, что у Брук была степень бакалавра искусств и она училась в университете Северной Каролины?

Я не обращаю внимания на эту бесполезную информацию.

– Ты не пойдешь на похороны, Элла, – грозно говорю я.

– Почему нет? Так я лучше всего пойму, с кем была близка Брук. Посмотрю, кто еще придет и... – Она ахает. – А если придет и убийца?

Закрыв глаза, я пытаюсь сохранять терпение.

– Детка. – Открываю глаза. – Ты серьезно думаешь, что тот, кто убил Брук, появится и скажет: «Привет, ребята! Я и есть убийца!»?

В ее глазах вспыхивает возмущение.

– Ну конечно, нет. А ты разве не смотрел все эти документальные фильмы по телику? Комментаторы из ФБР всегда говорят о том, что убийцы возвращаются на места своих преступлений или приходят на похороны жертвы, чтобы подразнить полицию.

Я в изумлении смотрю на нее, но она уже снова погрузилась в ноутбук.

– Я не хочу, чтобы ты шла на похороны, – говорю я, стиснув зубы.

Элла даже не смотрит на меня, когда отвечает:

– Что ж, сочувствую, но это твои проблемы.

Глава 11

Элла

– Ты убила монашку ради этого прикида? – спрашивает Истон, когда ранним воскресным утром я залезаю в его пикап.

Я хлопаю рукой по приборной панели.

– Заткнись, и поехали.

Он послушно заводит мотор и направляет машину к массивным железным воротам, которые отгораживают особняк от главной дороги.

– С чего такая спешка? От кого мы убегаем? От Стива?

Хотя Стив сейчас живет с Диной в пентхаусе отеля «Хэллоу-Окс», мы все равно то и дело натываемся на него в особняке. Он поднимает Каллума настроение, но я чувствую себя неловко в его присутствии и стараюсь избегать встреч с ним. Наверное, это уже все заметили.

– От Рида, – отвечаю я. – Он не хотел, чтобы я поехала.

– Да, и он не особо радовался, когда узнал, что я тоже еду.

Я смотрю в заднее окно, чтобы убедиться, что Рид не бежит за пикапом. Он был не в лучшем расположении духа, когда я выходила из дома, но, как я уже сказала ему, это его проблемы. Мне же хочется изучить каждого, кто придет сегодня на церемонию прощания с Брук.

К тому же кто-то должен поддержать Каллума, когда будут хоронить его невесту. Мне не хотелось бы, чтобы он справлялся с этим в одиночку, и раз о присутствии Рида не может быть и речи, а близнецы отказались ехать, то остаемся мы с Истоном. Каллум уехал перед нами со своим шофером Дюраном, потому что после похорон у него какие-то дела в городе.

– И что ты сделала? Занималась с ним сексом, заставив подчиниться? И теперь он в отключке, пребывая в посторгазменном блаженстве?

– Заткнись.

Я отыскиваю на телефоне свой микс из треков, способных приободрить любую девушку, и врубаю музыку.

Но Истона ничто не может заставить замолчать, и он начинает кричать мне через песню:

– Что, ты еще не трахалась с ним? Наверное, у бедняги яйца уже фиолетовые.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь, – сообщаю я

ему и делаю громкость еще выше.

Следующие километров восемь Истон смеется.

Горькая правда в том, что это Рид мучает нас. Три последних ночи он снова спал в моей кровати, и мы много шалили. Ему нравится, когда я касаюсь его – везде. Ему нравится, когда я делаю ему минет, и он с радостью отвечает мне оральными ласками. Черт, да он может *часами* зависать у меня между ног, если я позволяю ему. Но дойти до конечной точки? Эта тема закрыта до тех пор, пока «история с Брук», как говорит Рид, не разрешится.

И поэтому я нахожусь в странном состоянии удовольствия и предвкушения. Рид дает мне почти все, но этого мало. Однако, если бы ситуация была противоположной, он стопроцентно проявил бы уважение к моим желаниям. Поэтому мне придется уважать его, что отстойно.

Когда мы подъезжаем к похоронному бюро, Каллум уже ждет нас у входа. Он одет в черный костюм, который, наверное, стоит больше, чем моя машина, а волосы зачесаны назад, отчего он кажется моложе.

– Вам необязательно было ждать нас, – говорю я, когда мы подходим к нему.

Он качает головой.

– Вы слышали Хальстона – нам нужно показать, что мы одна дружная семья. Так что, если появимся все вместе, остальные поверят, что мы благопристойные и ни в чем неповинные люди.

Я не говорю этого вслух, но уверена, что никого не впечатлит эта маленькая демонстрация внутренней силы Ройалов, учитывая, что все мы – члены семьи подозреваемого в убийстве.

Мы втроем входим в мрачное здание, и Каллум ведет нас через арку налево. Там оказывается что-то типа небольшой часовни с рядами отполированных деревянных скамеек и подиумом, на котором стоит...

Гроб.

Стоит мне увидеть его, как пульс учащается. О боже. Поверить не могу, что Брук действительно лежит там.

В голову приходят ужасные мысли, и, встав на цыпочки, я шепчу на ухо Каллumu:

– Ей делали вскрытие?

Каллум отвечает угрюмым кивком.

– Результатов еще нет. – Он на секунду умолкает. – Но подозреваю, что они еще возьмут анализ ДНК у плода.

При мысли об этом меня начинает подташнивать, потому что впервые за все время с тех пор, как начался этот кошмар, до меня вдруг доходит, что

в том пентхаусе погибло двое: Брук... и невинное дитя.

Проглотив прилив желчи, я заставляю себя отвести взгляд от глянцевого черного ящика и поднимаю глаза на огромную фотографию в рамке, которая стоит на подставке рядом с ним.

Брук, может, и была ужасным человеком, но даже я не могу отрицать ее красоту. На фотографии улыбающаяся Брук в сарафане с милым узором. Светлые волосы распущены, голубые глаза сияют, и она смотрит прямо в камеру. Настоящая красавица.

– Черт, все это вгоняет меня в депрессию.

Это точно.

Когда-то я была такой бедной, что не смогла себе позволить устроить для мамы похороны. Церемония прощания стоила в два раза больше кремации, поэтому я решила не проводить службу. Все равно бы никто не пришел. Хотя маме, наверное, понравилось бы.

– Идешь? – кивая вперед, спрашивает Истон.

Проследив за его взглядом, я опять упираюсь глазами в гроб. Он открыт, поэтому я отказываюсь подходить, качаю головой и нахожу себе место где-то в середине, а Истон тем временем неспешной походкой идет вдоль центрального ряда, засунув руки в карманы. Пиджак натягивается на его широких плечах, когда он наклоняется вперед. Интересно, что он видит?

Оглянувшись по сторонам, я удивляюсь количеству гостей. Вернее, почти их полному отсутствию: в часовне чуть больше десяти человек. Похоже, у Брук и правда не было друзей.

– *Вон отсюда!*

Я вздрагиваю, услышав пронзительный вопль Дины. По крайней мере, один друг у Брук был.

Только через мгновение до меня доходит, что Дина обращается к *нам*. Она метает взгляды-молнии в нас с Истоном, который только что отошел от гроба.

– Как вам не стыдно?! – кричит она, и я еще никогда не видела ее такой безумной. Она покраснела от злобы, во взгляде зеленых глазах пылает ярость. – Вам, Ройалам, здесь не место! А *ты*...

Теперь она переключается на меня.

– ...ты даже не член семьи! Вон! Все вы!

Не знаю, как выглядит невиновность, но в своем списке подозреваемых я ставлю Дину на первое место. Женщина, которая шантажом уложила бедного парня в свою постель, вполне способна и на что-то похуже.

К нам подходит Каллум с каменным выражением лица. Стив в таком же черном костюме следует за ним по пятам. Взгляд Стива останавливается на черном мешке, который служит мне платьем, но это единственное, что попало мне под руку в первом магазине одежды в молле. Оно размера на два больше, но больше черных платьев в моем гардеробе нет, за исключением мамино. Однако оно вызывает у меня печальные воспоминания и к тому же слишком сексуальное для похорон.

– Мы никуда не уйдем, – натянутым голосом говорит Каллум. – Если уж на то пошло, у нас больше прав быть здесь, чем у тебя, Дина. Я должен был жениться на ней, ради всего святого!

– Да ты даже не любил ее, – рычит Дина. Она так сильно дрожит, что ее качает из стороны в сторону. – Для тебя она была всего лишь секс-игрушкой!

Я быстро оглядываю комнату, чтобы посмотреть, кто еще это слышал.

Все слышали. Взгляд каждого, кто находится в этой комнате, прикован к этой перепалке, включая священника. Он сердито взирает на нас с подиума, и я не единственная, кто это замечает.

– Дина. – Стив говорит тихо, но властно, и эту нотку я слышу впервые. Обычно он разговаривает в добродушно-веселой манере, но точно не сейчас. – Ты выставлешь себя на посмешище.

– Мне плевать! – кричит она. – Им здесь не место! Она была *моей* подругой! Она была мне как сестра!

– Она была невестой Каллума, – рывкает на нее Стив. – Какие бы чувства он к ней ни испытывал, мы знаем, какие чувства к нему были у *нее*. Она любила Каллума. Она бы хотела, чтобы он был здесь.

Эти слова заставляют Дину заткнуться, но лишь на секунду. Она устремляет свой полный ярости взгляд на меня.

– Что ж, тогда *ей* здесь точно не место!

Стив опасно прищуривается.

– Черта с два ей тут не место. Элла – моя дочь.

– Она твоя дочь от силы минут пять! Я же твоя *жена*, черт подери!

Священник громко откашливается. Наверное, ему не нравится, что она поминает черта посреди часовни.

– Ты ведешь себя как ребенок, – резким голосом говорит Стив. – Только позоришь себя. Поэтому сядь на место, пока тебя не вышвырнули отсюда.

Тут Дина умолкает надолго. Метая громы и молнии в нашу сторону, она сердито шагает к первому ряду и опускает свой зад на скамью.

– Мне очень жаль, что так получилось, – извиняется Стив, но смотрит

только на меня. – Сегодня она немного... эмоциональна.

Истон едва слышно фыркает, как будто хочет сказать: «Немного?».

Каллум коротко кивает.

– Давайте уже сядем. Служба скоро начнется.

Я с облегчением вздыхаю, когда Стив уходит, чтобы сесть рядом со своей гадюкой женой. Хорошо, что он не сел с нами. Каждый раз, когда кто-то упоминает, что я его дочь, мне становится невообразимо неловко.

К моему удивлению, Каллум тоже садится не с нами, а на первой скамье в противоположном от О'Халлоранов ряду.

– Он прочитает речь, – говорит мне Истон.

Я поднимаю брови.

– Серьезно?

– Он был ее женихом, – пожав плечами, отвечает Истон.

Точно. Я все время забываю о том, что их пагубные отношения и ненависть Каллума к Брук не были достоянием общественности.

– Было бы подозрительно, если бы он... блин, вот дерьмо! – Истон обрывает фразу, когда его взгляд скользит направо.

Я замираю на месте, когда вижу, почему именно он выругался. В часовню входит детектив, который на этой неделе приезжал в Астор-Парк, Казинс, кажется. Рядом с ним – черноволосая женщина небольшого роста. На их ремнях золотом отливают полицейские значки.

Но как бы сильно я ни нервничала в их присутствии, внутри меня все ликует. Как бы мне хотелось, чтобы Рид сейчас был здесь, и тогда я бы сказала ему: «Вот видишь! Полицейские пришли, потому что тоже думают, что убийца может заявиться сюда!».

– Надеюсь, они не собираются допрашивать нас, – шепчу я Истону, внимательно разглядывая гостей.

Любой из них может оказаться убийцей. Мой взгляд останавливается на затылке Каллума. У него был мотив, но он ни за что не позволил бы обвинить своего сына в преступлении, которое сам совершил. К тому же он был вместе с нами в Вашингтоне.

Я перевожу взгляд на Стива. Ну какой у него мог быть мотив? Если бы в гробу лежала Дина, он стал бы моим главным подозреваемым, но его не было девять месяцев, а значит, он никак не мог быть отцом ребенка Брук. Стива можно исключить.

Больше я никого не знаю. Может, это один из них. Но кто?

– Папины адвокаты по-прежнему тянут время, – шепчет в ответ Истон. – Так что если это и случится, то только на следующей неделе. Зато они говорили с Уэйдом.

Я глубоко вздыхаю.

– Уже?

Интересно, почему Вэл ничего мне не сказала? Но потом понимаю, что у нее вряд ли была возможность это сделать.

С тех пор как начался весь этот хаос, мне почти не удается пообщаться с лучшей подругой. Я знаю, что она скучает по мне, и я тоже по ней скучаю, но когда в твоей жизни происходит такое дерьмо, нет времени на то, чтобы гулять, болтать и веселиться.

– Они расспрашивали его о драках Рида, – рассказывает Истон, – и о девочках, с которыми он встречался.

– Что за черт? Почему это так важно? – Почему-то именно из-за этого мне становится особенно не по себе. Зачем полицейским разбираться в прежних отношениях Рида или текущих, со мной?

– Не знаю. Просто передаю тебе то, что рассказал мне Уэйд. И это все, что он рассказал. Они даже не говорили с ним о Брук или... – Он снова умолкает посреди фразы. – Нет, вы издеваетесь? Это уже просто бред какой-то.

Я опять оборачиваюсь и вижу Гидеона, который идет в нашу сторону.

Истон шепчет мне уголком рта:

– Что здесь делает Гид? Кто будет ехать три часа, чтобы попасть на похороны стервы, которую едва мог выносить?

– Я просила его приехать, – признаюсь я.

Он изумленно смотрит на меня.

– Зачем?

– Потому что мне нужно поговорить с ним.

Я не вдаюсь в подробности, и Истон не успевает расспросить меня, потому что Гидеон уже рядом.

– Привет, – шепчет самый старший из братьев Ройал.

Но смотрит он не на нас, а на гроб Брук.

Представляет ли он, что там Дина? Я бы не удивилась. Жена Стива шантажирует Гидеона шесть месяцев, если не больше.

Я двигаюсь, чтобы освободить место, и он садится рядом с Истоном. Гидеон – семейная аномалия Ройалов. Он выглядит не таким мускулистым, как его младшие братья, и волосы у него не темные, хотя глаза голубые, как у всех остальных.

– Как учеба? – смущенно спрашиваю я.

– Нормально.

Я почти не общалась с Гидеоном, потому что он учится в колледже, в нескольких часах езды от Бэйвью, и знаю о нем совсем немного. Он

пловец. Встречался с Саванной Монтгомери. Спит или спал с Диной. Посылал эротические фотки своей девушке.

Если бы Гидеон и убил кого-то, то это была бы Дина.

Но... Дина и Брук внешне очень похожи. Обе – блондинки с длинными волосами, как у моделей в журналах. Обе худые как палки, но с внушительным бюстом. Со спины их легко можно принять за сестер.

– Спасибо, что приехал, – говорю я Гидеону и украдкой изучаю его лицо. У него абсолютно бесстрастное выражение – интересно, так выглядят виновные?

– Так и не понял, зачем ты меня позвала, – звучит его резкий ответ.

Я медлю в нерешительности.

– Ты можешь задержаться после службы? Будет неловко разговаривать, когда... – Я киваю в сторону огромной фотографии Брук.

Он кивает в ответ.

– Да, поговорим потом.

Истон, тоже глядя на фото, вздыхает.

– Ненавижу похороны.

– А я никогда не была на похоронах, – признаюсь я.

– Но как же твоя мама? – нахмурившись, спрашивает он.

– У меня не было на них денег. Я смогла заплатить только за кремацию, а потом развеяла ее пепел над океаном.

Гидеон поворачивается ко мне с удивленным видом, в то время как Истон произносит:

– Да ну на фиг!

– Ага, – отвечаю я, не понимая, почему они оба так таращатся на меня.

– Мы тоже развеяли пепел нашей мамы над океаном, Атлантическим, – тихо говорит Гидеон.

– Папа собирался похоронить ее, но близнецам стало страшно, что черви прогрызут гроб. Они насмотрелись каких-то передач на канале «Дискавери» или где-то еще. Поэтому он пошел им навстречу и согласился на кремацию. – На лице Истона появляется искренняя улыбка, которая разительно отличается от его фирменной дерзкой ухмылки, – такая нежная, открытая. – Мы вынесли урну из дома и дождались восхода солнца, потому что она любила утро. Сначала не было даже легкого ветерка, а вода напоминала стекло.

Тут его рассказ подхватывает Гидеон.

– Но как только пепел попал на воду, откуда ни возьмись дунул сильный порыв ветра, и начался такой отлив, что я мог бы пройти милью, а волны не достали бы даже до коленей.

Истон кивает.

– Было такое ощущение, что океан захотел забрать ее.

Какое-то время мы сидим в тишине, думая каждый о своих собственных потерях. Сегодня тоска по маме не разрывает мне сердце, особенно когда я сижу рядом с двумя широкоплечими братьями Ройал.

– Это прекрасное воспоминание, – шепчу я.

Я больше не подозреваю Гидеона в убийстве. Он слишком сильно любил свою мать. Разве он мог убить женщину?

Истон озорно улыбается.

– Мне нравится, что наши мамы наблюдают за нами с обоих побережий.

Я не могу не улыбнуться в ответ.

– Мне тоже.

Мой взгляд перемещается на первый ряд, где сидят Дина и Стив, и моя улыбка тут же исчезает. Стив вытянул руку вдоль спинки скамьи за Диной. Она привалилась к нему, ее плечи слегка подрагивают. Ее скорбь напоминает мне, почему мы все здесь. Это не тусовка в часовне.

Это похороны женщины, которая была всего на десять лет старше меня. Брук была молода и, несмотря на все ее недостатки, не заслуживала смерти, особенно насильственной.

Может, Дина тоже не убийца. Вообще-то, она единственная здесь, кто горюет по-настоящему.

Священник встает на подиум и просит всех занять свои места.

– Друзья и близкие, сегодня мы собрались здесь, чтобы оплакать кончину Брук Анны Дэвидсон. Давайте встанем, возьмемся за руки и помолимся, – произносит нараспев седовласый мужчина.

Как только мы встаем, начинает играть музыка. Мальчики поправляют галстуки. Я тоже разглаживаю складки на платье и беру их за руки, желая, чтобы Рид тоже был здесь. После коротких мгновений тишины тихий голос священника зачитывает нам текст из Библии о том, что всему свое время. Видимо, Брук пришел срок умереть в возрасте двадцати семи лет. Он ничего не говорит про нерожденного ребенка Брук, и я начинаю гадать: может, полиция решила скрыть эту деталь от общественности?

В конце молитвы священник просит нас всех сесть, и на подиум выходит Каллум.

– Это все так странно, – бубнит Истон себе под нос.

Если Каллум думает так же, то по нему этого не скажешь. Он ровным голосом рассказывает о том, что Брук занималась благотворительностью, о ее преданности друзьям, о любви к океану и заканчивает тем, что по ней

будут скучать. Речь получилась короткой, но на удивление сердечной. Закончив, он вежливо кивает Дине и занимает свое место. У Дины хватает совести не наброситься на него снова. Она просто кивает в ответ.

На подиуме снова появляется священник и спрашивает, есть ли еще кто-нибудь, кто хочет поделиться воспоминаниями об усопшей. Все тут же поворачиваются к Дине, но она отвечает лишь громким всхлипом.

Священник завершает церемонию еще одной молитвой, а затем приглашает всех остаться на закуску, которые будут поданы в соседней комнате. Служба заняла от силы минут десять, и из-за ее быстротечности и того, как мало людей пришло попрощаться с Брук, меня начинают душить слезы.

– Ты плачешь? – тревожно спрашивает Истон.

– Это все так ужасно.

– Что именно? Сами похороны или папина речь?

– Похороны. Здесь почти никого нет.

Он оглядывает часовню.

– Наверное, потому что она была не самым хорошим человеком.

Была ли у Брук семья? Я пытаюсь припомнить, что она мне рассказывала. По-моему, я никогда и не спрашивала. Ее мама умерла, когда она была совсем молодой. Больше мне ничего неизвестно.

– Наверное, но я не думаю, что на моих народу будет больше, – признаюсь я. – Я почти никого не знаю.

– Да ну, все жополизы штата примчатся, чтобы выразить Каллumu свою поддержку. Это будут большие похороны. Не такие большие, как мои, но не маленькие точно.

– У тебя все всегда больше, чем у остальных, правда, Ист? – сухим тоном спрашивает Гид.

Я удивленно смотрю на него. Кажется, я еще ни разу не слышала, чтобы он шутил.

Истон гогочет.

– Ты и сам знаешь, бро.

Его смех кажется слишком громким для Каллума, и он поворачивается и сердито смотрит на нас. Истон выглядит пристыженным и немедленно утихомиривается. Гидеон же отвечает на взгляд отца таким же пристальным взглядом и скрещивает руки на груди, словно провоцируя Каллума подойти к нам и наорать на нас. Каллум поворачивается к Стиву и обреченно вздыхает.

– Ну что, поговорим? – спрашивает Гидеон.

Кивнув, я следую за парнями по проходу, и мы втроем выходим в

коридор. Все остальные перемещаются в соседнюю комнату, чтобы воспользоваться предложением священника, но мы остаемся.

– Недавно вечером мы с Ридом разговаривали, – начинаю я, хотя фактически это я говорила, а Рид лишь ответил, что я сошла с ума, – и мы подумали, что было бы неплохо покопаться в прошлом Брук и выяснить, кто мог бы хотеть, чтобы она... – я понижаю голос, – умерла. Я надеялась, что ты сможешь в этом помочь.

У Гидеона озадаченный вид.

– И как именно я могу помочь? Я едва знал Брук.

Истон же сразу понимает, почему я обратилась к Гидеону.

– Да, но ты спишь с Диной, а она знала Брук лучше, чем кто-либо.

Гидеон стискивает челюсти.

– Вы сейчас серьезно? Предлагаете мне снова прыгнуть в постель к этой... этой... стерве, – шипит он, – только чтобы выжать из нее какую-нибудь информацию?

Его лицо краснеет от злости, и я чуть отступаю назад, испугавшись. Впервые вижу, чтобы Гидеон выходил из себя. Из всех Ройалов он был самым уравновешенным.

– Я не прошу тебя спать с ней, – возражаю я, – просто выведать у нее какие-нибудь подробности.

Он смотрит на меня со скептическим видом.

– Ты действительно настолько наивна, Элла? Она и секунды не продержится, как начнет домогаться меня, понимаешь?

Я морщусь от смущения.

– Так что забудь об этом, – резким тоном говорит Гидеон. – С тех пор как умерла Брук, Дина была так расстроена, что даже ни разу не позвонила мне. Так что пока она не вспомнит о моем существовании, я смогу пожить своей гребаной жизнью без нее. Надеюсь, что теперь, когда Стив вернулся, она вообще забудет обо мне раз и навсегда.

– Прости, – шепчу я. – Это была дурацкая идея.

Истон с осуждением качает головой.

– Да уж, Гид, как жестоко! Разве ты не хочешь помочь Риду?

Его брат даже открывает рот от изумления.

– Поверить не могу, что ты только что сказал это. Конечно, я хочу помочь Риду!

– Да? Ну, мы оба знаем, что он перетрахал бы всех стерв в этом штате, если бы на кону была *твоя* жизнь. Рид сделал бы все что угодно, чтобы спасти тебя.

Я согласна с Истоном. Рид предан своим близким до мозга костей. Он

бы жизнь положил за свою семью.

Черт, да он бы убил за нее.

Хватит!

Я отгоняю от себя эту жуткую мысль и обращаю все внимание на Гидеона.

– Послушай, ты не должен этого делать, если тебе так неприятно. Я прошу лишь одного: если ты вдруг окажешься в компании Дины, просто постарайся узнать, кто еще мог бы ненавидеть Брук, и что-нибудь про всех этих людей, что пришли сегодня.

– Ладно, посмотрим, что я смогу сделать, – помолчав, отвечает он.

– Спаси...

– Но только если ты сделаешь кое-что для меня, – перебивает Гидеон.

Я морщу лоб.

– Что именно?

– Когда ты переезжаешь к Стиву?

– Что? – Теперь я в еще большем недоумении.

– Когда ты переезжаешь к Стиву? – повторяет Гидеон.

– Зачем ей переезжать к Стиву? – спрашивает Истон.

– Потому что он ее отец, – нетерпеливо объясняет Гидеон, а потом снова переключается на меня. – Вся эта фигня, которой шантажирует меня Дина, должна быть спрятана где-то у нее. Найди эти фотографии и верни мне.

Я хмурюсь.

– Если я даже перееду к Стиву, чего мне совершенно не хочется, то где же мне начать искать?

– У нее должен быть сейф или что-то типа того, – подсказывает он.

– Ладно, а когда я найду этот секретный сейф, как мне его открыть – при помощи телепатических способностей?

Гидеон пожимает плечами.

– Я буду не против, если ты выбьешь его кувалдой из стены. А Стиву мы скажем, что вы с Ридом поругались.

Я смотрю на него открыв рот.

– Это ужасная идея, на которую я никогда не соглашусь.

Гидеон хватается за руку.

– Я не единственный, кого ты можешь спасти. – Его голос звучит тихо и пугающе. – Саванна тоже по самые уши в этом. Окружной прокурор ест из Дининых рук. Он как-то раз приехал ко мне в колледж и показал два заявления о возбуждении уголовных дел: одно – на Сэв, другое – на меня. Они собрались обвинять нас в вещах, о незаконности которых я и понятия

не имел.

Глядя на его побледневшее лицо, я проникаюсь сочувствием. На его лбу выступили капельки пота.

– Я не знаю, – медленно отвечаю я.

– Хотя бы подумай об этом, – умоляет он, в отчаянии сильнее сжимая мой локоть.

– Я сделаю все, что в моих силах, – наконец соглашаюсь я.

Я никогда не была особо близка ни с Гидеоном, ни с Саванной, но то, что делает с ними Дина, отвратительно.

– Спасибо тебе.

– Но только если ты не останешься в долгу, – поднимая бровь, напоминаю я ему.

– Я сделаю все, что в моих силах, – повторяет он мои слова.

– Так что, у Саванны правда могут быть проблемы из-за тех присланных фоток с обнаженкой? – спрашивает Истон своего брата по дороге к выходу.

– И Дина, и окружной прокурор утверждают, что да, но я не знаю, – признается Гидеон. – Мне не хотелось искушать судьбу, поэтому я и расстался с ней. Надеялся избавить ее от всего этого, но... – Он ругается себе под нос. – Дина все время напоминает мне о том, что Сэв тоже в это впутана. Ее дежурная угроза, когда мне не особо хочется идти ей навстречу.

Да уж. Каждый раз, когда я думаю, что Дина О'Халлоран не может опуститься в своих поступках еще ниже, мне доказывают обратное.

Засунув руки в карманы, Гидеон медленно выходит за нами на парковку. Затем, уже положив руку на ручку двери своего автомобиля, он оборачивается через плечо.

– Хотите знать, кто был на похоронах? – Гид кивает головой на вход. – Проверьте гостевую книгу.

Мы с Истоном смотрим друг на друга, вытаращив глаза: ну почему никто из нас не додумался до этого?

– Ладно, мне пора, – бурчит Гидеон. – До колледжа путь не близкий.

– Увидимся, бро, – кричит ему вслед Истон.

Гидеон коротко машет нам рукой, залезает в машину и уезжает.

– Мне так жалко его, – признаюсь я Истону.

В его голубых глазах мелькает боль.

– Да, мне тоже.

– Давай посмотрим на эту гостевую книгу.

Я поворачиваюсь, чтобы вернуться внутрь, но врезаюсь в Каллума.

– Уже собрались домой? – спрашивает он.

За его спиной маячит Стив. А Дина, видимо, еще в здании – там же, где и гостевая книга.

Истон помахивает ключами.

– Через пару минут. Мне нужно в комнату для маленьких мальчиков.

Его отец кивает.

– Хорошо. И еще было бы хорошо, если бы сегодня ты остался дома. – Он предупреждающе смотрит на Истона. – Никаких безбашенных вечеринок или боев в доках. Я серьезно.

– Мы закажем еду домой и потусуемся у бассейна, – на удивление мне, послушно обещает Истон. Он показывает мне телефон, давая понять, что сделает фотографии страницы из гостевой книги, пока я буду отвлекать наших отцов. – Скоро вернусь.

Как только Истон оказывается вне пределов слышимости, в разговор вмешивается Стив.

– Вообще-то, я хотел бы, чтобы Элла поехала со мной.

Я тут же смотрю в глаза Каллуму. Видимо, он замечает мою панику, потому что быстро отвечает Стиву:

– Это не самая хорошая мысль. Я считаю, что сегодня Элле лучше держаться подальше от Дины.

Я глазами благодарю Каллума, но Стива все это явно не радует.

– Со всем уважением, Каллум, но Элла – моя дочь, а не твоя. Я был более чем не против, чтобы она жила у тебя какое-то время. Но буду честен: мне бы не очень хотелось, чтобы она и дальше оставалась в твоём доме.

Каллум хмурится.

– Это еще почему?

– Ну сколько можно уже говорить об этом? – В голосе Стива слышится нетерпение. – Для нее это не самое подходящее место, ведь Риду грозит пожизненный срок. Копы все время пытаются что-то разнюхать и допрашивают всех в Эллиной школе. К тому же...

Каллум с раздражением перебивает его.

– Твоя жена с оскорблениями набросилась на Эллу перед службой. И ты действительно думаешь, что твой дом – дом Дины – сейчас для Эллы лучше? Тогда ты сошел с ума.

Голубые глаза Стива темнеют от гнева.

– Дина эмоционально неуравновешенна, но ее хотя бы не обвиняют в убийстве, разве не так, Каллум? И Элла – моя дочь...

– Речь идет не о тебе, Стив, – рявкает Каллум. – Вопреки тому, что ты думаешь, мир не вращается вокруг тебя одного. Я несколько месяцев

являюсь опекуном Эллы. Я одевал ее, кормил, делал все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Сейчас для этой девочки я единственный, кого она может воспринимать в качестве отца.

И он прав. От пылкой речи Каллума у меня на глаза наворачиваются слезы. Кроме мамы, обо мне так, как он, больше никто по-настоящему не заботился, не старался, чтобы я «ни в чем не нуждалась».

– Я хочу вернуться вместе с Истоном, – проглотив ком в горле, тихо говорю я.

Стив, прищурившись, смотрит на меня. В его взгляде читается обида из-за предательства, но я не чувствую себя виноватой.

– Пожалуйста, – добавляю я, глядя прямо в глаза Стиву. – Ты сам сказал, что Дина сейчас совершенно не в себе. Для нас обеих будет лучше, если я пока не буду попадаться ей на глаза, по крайней мере, хоть какое-то время. К тому же от дома Ройалов мне проще добираться до пекарни.

– Пекарни? – непонимающе переспрашивает Стив.

– Ее работа, – резким голосом поясняет Каллум.

– По утрам я работаю в пекарне неподалеку от школы, – объясняю я. – Если останусь с вами в городе, то это еще плюс полчаса в дороге, а я и так встаю на рассвете. Так что остаться у Ройалов кажется мне более разумным.

Затаив дыхание я жду, что ответит Стив.

После длинной паузы он кивает головой.

– Хорошо, можешь вернуться к Каллуму. Но это не навсегда, Элла, – предупреждает он. – Помни об этом.

Глава 12

Элла

– Хочешь сегодня съесть что-нибудь особенное? – спрашиваю я Рида, когда он останавливает машину на парковке перед «Френч-Твист».

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

– Ты пытаешься задобрить меня едой?

Я закатываю глаза.

– Нет, всего лишь пытаюсь быть хорошей девушкой. И, может, ты уже перестанешь дуться? Похороны были два дня назад. Нельзя так долго злиться.

– Я не злюсь на тебя. Я разочарован, – мрачным голосом отвечает он.

Я в недоумении.

– О боже! Даже не вздумай говорить мне этот бред: «я не злюсь, я разочарован». Я все понимаю. Ты не хотел, чтобы я поехала, но я это сделала, все, конец истории, и тебе пора уже забыть об этом. К тому же мы достали список.

Однако гостевая книга оказалась совершенно бесполезной, потому что Каллум сказал нам, что его частные детективы уже проверили тех неизвестных мне шестерых гостей. У всех есть алиби на тот вечер, когда погибла Брук.

Сказать, что мы с Истоном были подавлены этой новостью, – ничего не сказать.

– И он завел нас в тупик. – Рид проводит рукой по своим темным волосам. – Мне не нравится, что детективы тоже туда заявились, – ворчит он. – Это значит, они наблюдают за всеми нами.

От одного взгляда на его измученное лицо у меня болит душа.

– Мы знали, что они будут наблюдать за нами, – напоминаю я ему и придвигаюсь ближе, чтобы положить подбородок на его плечо. – Твой адвокат предупредил нас о такой возможности.

– Знаю, но это не значит, что мне это должно нравиться. – Его голос звучит тихо и изможденно. – Честно? Становится...

– Становится что? – спрашиваю я, когда он продолжает молчать, запнувшись на середине фразы.

Теперь лицо Рида отражает страдания.

– Становится все тяжелее убедить себя, что весь этот бред скоро закончится. Сначала эти улики с ДНК, потом судья Делапорт со своей грязной сделкой, и теперь еще копы, которые допрашивают всех, кого я знаю. Все это начинает казаться чересчур реальным.

Я до боли закусываю нижнюю губу.

– Все и так по-настоящему. Именно это я и пытаюсь втолковать тебе с тех пор, как тебя арестовали.

– Знаю, – снова повторяет он. – Но я надеялся...

Рид снова не заканчивает фразу, да ему и не надо, потому что я в точности знаю, на что он надеялся: что все обвинения волшебным образом будут сняты, что убийца Брук заявится в полицейский участок и во всем сознается. Но ничего из этого никогда не случится, и, наверное, сейчас самое время, чтобы Рид наконец понял, какие большие у него проблемы.

Он может сесть в тюрьму.

Но я не хочу делиться с ним своими невеселыми домыслами, поэтому беру его за подбородок и поворачиваю его голову к себе. Наши губы встречаются в нежном, медленном поцелуе, а потом мы прижимаемся друг к другу лбами.

На этот раз он не пытается выдавить из себя улыбку и убедить меня, что все будет хорошо. И я делаю это за него.

– Мы справимся, – объявляю я с уверенностью, которой совершенно не чувствую.

Он лишь кивает в ответ, а потом показывает рукой на витрину пекарни.

– Тебе пора, а то опоздаешь на работу.

– Не переусердствуй с силовыми упражнениями, хорошо?

На этой неделе доктор Рида разрешил ему тренироваться, но с некоторыми ограничениями. Хотя ножевая рана и заживает, ему, по словам доктора, следует быть осторожнее и не перенапрягаться.

– Не буду, – обещает Рид.

Быстро поцеловав его, я выпрыгиваю из машины и несусь к «Френч-Твист».

Войдя в кухню, замечаю, что моя начальница уже месит тесто. Почти вся серая поверхность столешницы из нержавеющей стали покрыта мукой. За Люси громоздится груда мисок, которые нужно вымыть.

Я вешаю на крючок пальто и закатываю рукава, когда она наконец замечает меня.

– Элла, ты здесь. – Люси сдувает со лба прядь волос.

Но непослушный локон снова падает, мешая ей видеть меня.

– Я здесь, – весело отвечаю я, хотя это ее «ты здесь» скорее похоже на

предупреждение, чем на приветствие. – Сначала я помою посуду, а потом вы скажете мне, что делать дальше.

Я торопливо подхожу к раковине, словно это занятие убережет меня от плохих новостей.

Люси выпрямляется и вытирает ладони о фартук.

– Думаю, нам лучше поговорить.

Мои плечи напрягаются.

– Это из-за Рида? – В моем голосе звучит паника. – Он этого не делал, Люси. Клянусь!

Она вздыхает и потирает подбородок. Облако кудряшек, обрамляющих ее лицо, делает мою начальницу похожей на встревоженного ангела.

– Нет, это не из-за Рида, милая, хотя не стану отрицать, что вся эта ситуация мне не нравится. Возьми себе чашечку кофе и какую-нибудь булочку, и мы присядем.

– Нет, спасибо, и так сойдет.

Что толку оттягивать неизбежное? Кофе не сделает наш разговор более приятным.

Люси недовольно поджимает губы, но мне не хочется облегчать ей задачу. Согласна, что оставила ее в трудном положении, когда бесследно исчезла несколько недель тому назад, но я вернулась и с тех пор не пропускала ни дня работы. Никогда не опаздывала, хотя моя смена начинается в пять утра и мне приходится вставать с восходом солнца.

Скрестив руки на груди и прислонившись к раковине, я жду.

Люси подходит к кофе-машине и бормочет что-то про то, что чувствует себя человеком только после как минимум трех кружек кофе. Потом поворачивается ко мне.

– Я и не знала, что твой отец жив. Наверное, для тебя это стало настоящим шоком.

– Погодите, так вы хотите поговорить про Стива? – с удивлением спрашиваю я.

Она кивает, делает глоток кофе для храбрости и говорит:

– Вчера вечером он приходил сюда, как раз перед закрытием.

– Приходил сюда?

От нехорошего предчувствия внутри у меня все скручивается. За каким чертом Стив приходил в пекарню?

– Он сказал мне, что не хочет, чтобы ты работала, – продолжает Люси. – По его мнению, приходя сюда так рано, ты теряешь время, которое могла бы потратить на школьные кружки и общение с друзьями.

Что?

– Он не может заставить вас уволить меня, – возражаю я.

Это просто смешно! Какое дело Стиву до того, что я работаю? Он вернулся меньше недели назад, но считает, что может указывать мне, что делать? Черта с два!

Люси прищелкивает языком.

– Не знаю, имеет ли он право, но я не в том положении, чтобы противостоять ему. Адвокаты нынче не дешевы... – Она умолкает, а в ее глазах застывает немая просьба о понимании.

Я в ужасе.

– Он угрожал вам судом?

– Не прямо, – признается Люси.

– А что именно он сказал?

Я продолжаю задавать вопросы, потому что не могу просто так отпустить эту ситуацию. Честное слово, не понимаю, с чего Стиву быть против того, чтобы я работала. Когда я упомянула о работе после похорон Брук, он ни слова не сказал о том, что ему что-то не нравится.

– По его мнению, тебе не за чем так много работать, да еще и у того, кто сам явно нуждается в деньгах. Он хотел бы, чтобы ты сосредоточилась на учебе. И вел себя очень вежливо. – Люси осушает кружку с кофе и ставит ее на стол. – Я хотела бы оставить тебя, Элла, но не могу.

– Но я же ни у кого не отнимаю работу! Вы сами говорили, что не могли найти никого, кто смог бы взять на себя утреннюю смену.

– Мне очень жаль, милая.

Судя по ее тону, разговор закончен.

Что бы я ни говорила, Люси не передумает. Все было решено еще до того, как я приехала.

Она суетливо проходит по кухне и берет белую коробку для покупок на вынос.

– Может, возьмешь что-нибудь вкусненькое для своих одноклассников? Твои сводные братья ведь любят эклеры?

Я чуть было не отвечаю «нет», потому что буквально киплю от гнева, но тут же решаю, что соглашусь на все, что предложит Люси, раз уж она отняла у меня работу.

Засунув в коробку с дюжину штук различной выпечки, я забираю свое пальто. Оказавшись у двери, слышу голос Люси:

– Ты отличная работница, Элла. Дай мне знать, если что-то изменится.

Я с мрачным видом киваю, потому что чрезмерно зла, чтобы выдать из себя что-то еще, кроме «спасибо» и «до свидания». Дорога до школы не занимает много времени. Когда я захожу на территорию Астор-Парка, там

почти никого нет, но на парковке, к моему удивлению, много машин.

Для большинства учеников еще очень рано. Единственные, кто приходит в такую рань, – это футболисты. И, конечно, стоит мне подойти к парадному входу в главный корпус, как я слышу крики и слабые звуки свистка, которые доносятся с тренировочного поля. Можно пойти туда и посмотреть, как тренируются Рид и Истон, но это так же весело, как смотреть на то, как сохнет краска.

Поэтому я вхожу в здание школы, убираю коробку с выпечкой в свой шкафчик и отправляю Каллуму сообщение:

«Почему Стив диктует, чем мне заниматься?»

Немедленного ответа не следует. Тут я вспоминаю, что Каллум тоже был не в восторге оттого, что я работаю в пекарне. Да и Рид, помнится, разозлился, когда узнал об этом, сказав, что из-за моей работы все будут считать, что Ройалы плохо обращаются со своей воспитанницей. Мне пришлось объяснять им обоим, что я устроилась в пекарню, потому что привыкла работать и хочу иметь собственные деньги. Не знаю, поняли ли они меня, но в конце концов смирились с этим.

Может, Стив тоже изменит свое мнение? Но почему-то я не особо на это надеюсь.

Мне нечем заняться, и я бреду по школьному коридору, чтобы отыскать владельцев всех этих машин снаружи. В компьютерной лаборатории группа учеников собралась вокруг одного из мониторов. Из дальнего конца коридора до меня доносится лязг металла. Я заглядываю в окно и вижу двух учеников, сражающихся на шпагах: вперед, назад, взмах руки. Несколько минут я наблюдаю за их поединком, а потом ухожу. В другом конце коридора целая куча человек участвует в другой, беззвучной, битве. Здесь орудиями выступают доски и шахматные фигуры. Почти в каждом коридоре на меня смотрят огромные плакаты с объявлением о Зимнем бале, а также листовки сотен разных клубов и организаций, куда можно записаться.

Увидев все это многообразие, я понимаю, что мне почти ничего неизвестно про Астор-Парк. Я думала, что эта школа похожа на любую другую, где осенью играют в футбол, весной – в бейсбол, только ученики здесь побогаче. Я не обращала внимания на внеклассные мероприятия, факультативы и кружки, потому что у меня не было на них времени.

Теперь, похоже, у меня его предостаточно.

Я слышу сигнал полученного сообщения. На экране высвечивается

ответ Каллума.

«Он твой отец. Прости, Элла».

Серьезно? Два дня назад Каллум произнес пламенную речь о том, что чувствует себя моим отцом. А теперь решил пойти на попятную? Что поменялось между «тогда» и «сейчас»?

И какое право есть у Стива так поступать? Неужели родители реально могут запрещать своим детям работать? Моей маме было все равно, чем я занимаюсь, лишь бы я была в безопасности.

Я в ярости печатаю ответ:

«У него нет никакого права!»

Каллум:

«Сосредоточься на более важных битвах».

Хороший совет, не поспоришь, но в груди становится больно. Если бы мама была жива, мне не пришлось бы разбираться со Стивом в одиночку. Но если бы она была жива, встретила бы я когда-нибудь Рида, Истона, близнецов?

Наверное, никогда. Порой жизнь так несправедлива!

Я останавливаюсь у главного спортивного зала. Двойные двери открыты, и изнутри доносится хип-хоп. Я замечаю Джордан. На ней суперкороткие шорты и спортивный лифчик. Она стоит спиной ко мне и грациозно загибает руку над головой, а потом делает пируэт, вращаясь на одной ноге и оттолкнувшись другой.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Мы с мамой часто танцевали дома. Она признавалась мне, что мечтала стать профессиональной танцовщицей. В каком-то смысле она ею и была. Как и любой другой танцор, она двигала своим телом, и ей платили за это. Разница заключалась лишь в том, что никто из зрителей не хотел смотреть пируэты и не оценил бы изящных па.

К тому же ей приходилось раздеваться донага.

Меня никто не учил классическому танцу, в отличие от Джордан, судя по всему. Мама смогла оплатить мне несколько занятий эстрадно-джазовых танцев. Балет был непомерно дорогим удовольствием, потому что нужно было бы покупать специальную обувь и трико. Увидев разочарование на лице мамы, когда мы изучали цены на форму, я сказала ей, что считаю

балет дурацким занятием, хотя так сильно хотела попробовать себя в нем.

На остальные занятия по танцам мне достаточно было прийти в носках или вообще босой, и я была счастлива уже этому; но иногда стояла у дверей балетного класса и с завистью наблюдала за другими девчонками в нарядных пышных пачках пастельных тонов.

Картинки из прошлого всплывают в памяти, пока наблюдаю за Джордан, – но вот она резко останавливается и смотрит на меня так, будто я враг народа. Жаль, что я не могу повесить убийство Брук на Джордан.

– Какого черта тебе здесь надо? – рявкает она.

Джордан упирает руки в боки с таким видом, будто вот-вот бросится на меня. К счастью, я уже знаю, что смогу справиться с ней в одиночку. Мы сцепились буквально через несколько недель после начала учебного года.

– Просто хотела узнать, что ты ела на завтрак, – елеинным голосом отвечаю я.

– Девятиклассников, конечно. – Она ухмыляется мне. – Разве ты не в курсе? Я люблю молодые, невинные и слабые души.

– Еще бы. Будь они сильнее тебя, ты бы испугалась до усрачки.

Именно поэтому Джордан меня ненавидит.

– Знаешь, что действительно напугало бы меня до усрачки? Спать в одной кровати с убийцей. – Перебросив свои длинные темные волосы через плечо, она подходит к спортивной сумке и достает бутылку с водой. – Или ты уже настолько пресытилась, что нормальные парни тебя больше не возбуждают?

– Раньше ты тоже хотела его, – напоминаю я ей.

– Он богатый, горячий и, по слухам, отлично трахается. Почему бы его не хотеть? – пожимает плечами Джордан. – Но, в отличие от тебя, у меня есть стандарты. И, в отличие от Ройалов, моя семья пользуется большим уважением в здешних кругах. Отец получает награды за свою благотворительную деятельность. Мать возглавляет с полдюжины благотворительных комитетов.

Я закатываю глаза.

– Какое отношение все это имеет к тебе и Риду?

Она сердито смотрит на меня.

– Я только что сказала тебе: мне он больше не нужен – еще подпортит репутацию.

Я усмехаюсь.

– Ты так говоришь, будто есть реальный шанс, что вы с Ридом начнете встречаться, чего никогда не будет. Ты ему неинтересна, Джордан, никогда не была и не будешь. Прости, что пришлось разрушить твои иллюзии.

Ее щеки вспыхивают.

– Если у кого-то и есть иллюзии, так это у тебя. Это ты трахаешься с убийцей, солнышко. Будь с ним поаккуратнее. А то вдруг еще разозлишь его и тоже окажешься в гробу.

– Какие-то проблемы?

Это мистер Берингер, директор Астор-Парка, появился словно из ниоткуда. Пусть он только и может что пускать пыль глаза – я лично знаю, что Каллум не раз платил этому парню, чтобы замять скандалы, – мне все равно не хочется нарываться на неприятности.

– Никаких проблем, – вру я. – Я просто восхищалась, в какой отличной форме Джордан.

Директор с подозрением смотрит на меня. В последний раз, когда он видел нас вместе, я выволокла Джордан с заклеенным скотчем ртом и кровоточащим носом на обозрение всей школы.

– Понятно. Что ж, можете сделать это в следующий раз, – монотонным голосом говорит Берингер. – Ваш отец здесь. Вас освободили от занятий на весь день.

– Что? – вырывается у меня. – Но у меня уроки!

– Отец? – в изумлении повторяет Джордан. – Разве он не умер?

Черт. Я совсем забыла про нее.

– Не твое дело.

Джордан смотрит на Берингера, на меня, потом падает на пол и начинает смеяться так сильно, что хватается руками за живот.

– О боже! Это просто потрясающе, – задыхаясь, говорит она в промежутках между смехом. – Не могу дождаться следующей серии, где ты окажешься беременной, а мы будем гадать, чей это ребенок – Рида или Истона.

Я сердито смотрю на нее.

– Вот только я начинаю думать о тебе как о человеке, как ты все портишь, открыв свой рот.

Директор сверлит глазами мою заклятую противницу.

– Мисс Каррингтон, ваше поведение совершенно неуместно.

Но слова Берингера лишь заставляют ее смеяться сильнее.

Сжав челюсти, он берет меня за руку и ведет прочь от дверей.

– Пойдемте, мисс Ройал.

Я не поправляю его, услышав фамилию, но вырываю свой локоть.

– Я серьезно. У меня уроки.

Он отвечает мне приторной улыбкой, какой, наверное, улыбается пожилым дамам, когда просит у них пожертвования в фонд Астор-Парка.

Как будто он делает мне одолжение.

– Об этом уже позаботились. Я сообщил вашим учителям, что вы освобождены от занятий. И вам даже не нужно будет делать домашнюю работу.

Ясно, он точно думает, что делает мне одолжение.

– Да что у вас за школа такая дерьмовая, раз вы можете освободить одиннадцатиклассника от занятий и домашней работы?

Тонкие губы Берингера складываются в недовольную гримасу.

– Мисс Ройал, то, что ваш отец вернулся из мертвых, еще не означает, что вы можете распускать язык и говорить со мной в таком тоне.

– Тогда выпишите мне тысячу штрафов, – продолжаю пререкаться я. (Или это просьба?) – Я отработаю их сегодня же.

Он лишь усмехается.

– Не горю желанием. Похоже, вы уже начали отбывать свое наказание.

Серьезно, я ненавижу эту школу! Она самая худшая в мире. Интересно, как поступит Берингер, если я возьму и откажусь выходить отсюда? Вызовет полицию, чтобы они вытащили меня наружу?

Директор останавливается рядом со своим кабинетом и кивает головой в сторону вестибюля.

– Ваш отец ждет вас. – Он качает головой. – Не понимаю, почему вы не рады тому, что проведете с ним время? Странная вы девушка, мисс Ройал.

С этими словами он исчезает в своем кабинете, словно не желает больше тратить время на необычного ребенка, который не хочет увидаться с собственным отцом.

Я прислоняюсь головой к одному из шкафчиков и заставляю себя посмотреть в лицо правде, от которой прячусь с тех пор, как появился Стив.

Я не желаю проводить с ним время, потому что мне страшно.

Вдруг я ему не понравлюсь? Он же оставил маму. Она не смогла удержать его, а ведь Мэгги Харпер была сущим ангелом: красивой, милой и доброй.

И теперь вот я... Колочая и неприступная, что уж говорить о том, что я за словом в карман не лезу и в семнадцать лет у меня на все есть свое мнение. Рано или поздно я обязательно ляпну что-нибудь, за что мне будет стыдно и на что он обидится.

Но как сильно мне ни хотелось бы спрятаться за этими пропитанными ядом стенами, Стив ждет, а у меня есть два варианта: остаться и встретиться с ним или сбежать и потерять Рида.

А так как ничего другого мне на ум не приходит, то и решение очевидно.

Я поворачиваюсь и направляюсь в вестибюль.

Глава 13

Элла

Стив ждет меня в вестибюле, засунув руки в карманы и читая объявления на стенде.

– Здесь мало что изменилось, – говорит он мне, когда я подхожу ближе.

Я растерянно морщю лоб.

– Ты тоже здесь учился?

– А ты не знала?

– Нет. Я не думала, что Астор-Парк настолько старая школа.

На его губах появляется кривоватая ухмылка.

– Хочешь сказать, я тоже старый?

Я вспыхиваю.

– Нет, я имела в виду, что...

– Я просто дразню тебя. По-моему, первый класс выпустили в тридцатые годы. Так что да, это старая школа. – Он достает руки из карманов и поворачивается ко мне всем телом. – Готова?

Я распрямляю спину.

– Почему?

– Что почему? – На лице Стива читается недоумение.

– Почему ты забрал меня с уроков?

– Потому что ты не сможешь прятаться за спиной Берингера, как прячешься за Каллумом и его мальчишками.

Я не могу скрыть своего удивления – оно отражается у меня на лице. А Стив оказывается достаточно проницательным, чтобы это заметить.

Он улыбается.

– Думала, я не замечаю, что ты избегаешь меня?

– Я тебя не знаю.

И мне страшно. Сейчас происходит так много всего, что я не в силах это контролировать. Я привыкла держать все в своих руках. Сколько себя помню, мама доверяла мне оплату счетов, закупку продуктов и я сама собиралась в школу.

– Именно поэтому я и забираю тебя на целый день. Поехали.

По выражению его лица я понимаю, что спорить бесполезно.

Как это похоже на меня, с потрясением понимаю я. У моей мамы был мягкий характер. Выходит, что отец – ее полная противоположность.

Я выхожу из школы вслед за Стивом, чувствуя, что мне никак от него не отделаться. У тротуара стоит низкая спортивная машина, ее кузов – сплошные изгибы. Я никогда не видела ничего подобного. А вот цвет мне знаком. Точно такой оттенок, как у моего кабриолета, – запатентованный тон «королевский синий», если верить Каллуму.

Наверное, мое изумление написано у меня на лице, потому что Стив говорит:

– «Бугатти кайрон».

– Не понимаю, что ты сейчас сказал, – сухо говорю я. – Звучит как название спагетти.

Усмехнувшись, Стив открывает мне дверь.

– Это немецкая машина. – Он проводит рукой по крыше кузова. – Лучшая в мире.

Если он даже все это выдумал, я никогда не узнаю. Машины не входят в круг моих интересов. Мне нравится независимость, которую получаешь, когда у тебя есть собственная тачка, но даже я понимаю, что эта машина – нечто особенное. Кожа в салоне нежная, как попка младенца, а приборы сделаны из блестящего металла.

– Это космический корабль или машина? – спрашиваю я, когда Стив усаживается на сиденье водителя.

– Может, и то и другое. Она разгоняется до девяноста километров меньше чем за две с половиной секунды, а ее максимальная скорость – четыреста двадцать километров в час. – Он задорно мне улыбается. – Ты из тех редких барышень, которые увлекаются машинами?

– Мне обидно за мой пол. Готова поспорить, здесь найдется много фанаток автомобилей. – Я пристегиваюсь ремнем безопасности и нехотя улыбаюсь ему в ответ. – Хотя я к ним не отношусь.

– А жаль. Я бы дал тебе порулить.

– Нет уж, спасибо. И, вообще, мне не так уж нравится водить машину.

Стив смотрит на меня с притворным изумлением.

– Ты точно моя дочь?

Не уверена.

Но вслух отвечаю:

– Так говорит анализ ДНК.

– Что есть, то есть, – бормочет он.

Между нами повисает неловкая пауза. Я это ненавижу. Мне хочется лишь одного – вернуться в школу, на занятия, и целоваться с Ридом во

время перерыва на ланч. Черт, да я бы больше предпочла поругаться с Джордан, чем сидеть в одной машине со Стивом.

Моим отцом.

– Итак, чем сегодня займемся? – наконец спрашивает он.

Я тереблю полоску ремня.

– Разве ты ничего не запланировал?

«Зачем было вообще забирать меня из школы?» – хочется закричать мне.

– Думал оставить это тебе. Дамы выбирают.

Тогда эта дама выбирает вернуться обратно в класс.

Но мне приходится напомнить себе, что, избегая Стива, я не избавлюсь от своего страха перед ним. Так не пора ли уже встретиться с этой проблемой лицом к лицу?

– Может, поедем на пирс? – предлагаю я первое, что приходит в голову.

Сейчас ноябрь, и сидеть на улице будет слишком холодно, но вдруг мы просто прогуляемся или типа того. По-моему, у меня с собой были перчатки.

– Очень хорошая идея.

Стив заводит мотор, и вся машина начинает вибрировать от заложенной в ней мощности.

Когда он проезжает через огромные ворота школы, мой взгляд тут же устремляется вправо – туда, где находится «Френч-Твист». И я сразу же ощущаю сковавшее меня напряжение, со злостью вспоминая о том, что он наделал.

– Зачем ты сделал так, чтобы меня уволили с работы? – вырывается у меня.

Он бросает на меня удивленный взгляд.

– Ты расстроилась?

– Да, я расстроилась. – Я скрещиваю руки на груди. – Мне нравилась эта работа.

Стив несколько раз моргает, как будто не понимает меня. Может, мне стоит повторить это на другом языке? Но он уже выпадает из своего транса.

– Вот черт. Я решил, что это Каллум заставил тебя найти работу. – Стив огорченно качает головой. – Порой он творит странные вещи, чтобы заставить своих детишек быть более ответственными.

– Я ничего такого не заметила, – натянуто отвечаю я, ощутив внезапное желание защитить Каллума.

– О, он все время угрожал мальчишкам военной академией.

Во мне вновь вспыхивает раздражение.

– Работа в пекарне и военная академия – совсем разные вещи.

– Элла, твои смены начинаются в пять утра. А тебе сколько? Шестнадцать? Уверен, ты бы предпочла поспать подольше.

– Мне семнадцать, и я привыкла работать, – резко отвечаю я, но тут же заставляю себя смягчить тон. Мама всегда говорила, что на мед можно поймать больше пчел, чем на уксус. – Но тебе это было неизвестно, поэтому я понимаю, почему ты пришел к таким выводам.

Мой голос становится совсем ангельским:

– Но сейчас, когда ты знаешь, как сильно мне нравится моя работа, может, вернешься к Люси и скажешь ей, что я могу и дальше у нее работать?

– Мой ответ «нет». – Он небрежно машет рукой. – Моя дочь не должна работать. Я могу позаботиться о тебе.

Стив жмет на педаль, и машина устремляется вперед. Я сопротивляюсь желанию уцепиться за панель передо мной, и страх за собственную жизнь заставляет забыть о раздражении, которое вызывали во мне его слова.

– А теперь расскажи мне о себе, – говорит Стив, несясь по дороге с бешеной скоростью.

Я недовольно закусываю нижнюю губу. Мне не нравится, как он закончил наш разговор про пекарню. *Ты не будешь работать. Точка.* Ему следует поучиться быть отцом. Даже Каллум, который станет самым последним кандидатом на звание «отец года», пожелал обсудить со мной вопрос работы.

– Ты ведь в одиннадцатом классе, верно? Чем ты занималась до того, как переехала сюда?

Стив совершенно не замечает, как сильно я расстроена. Его голубые глаза сосредоточенно следят за дорогой, а руки умело переключают скорости, и машина легко лавирует в потоке уличного движения.

Вдруг ощутив прилив несвойственной мне мелочности, я с сарказмом отвечаю:

– А разве Каллум не говорил тебе? Я была стриптизершей.

Он чуть не съезжает с дороги.

Черт, может, мне надо было промолчать? Стив так же резко возвращается в нужный ряд, и мне опять приходится изо всех сил цепляться за сиденье.

– Нет, – бормочет Стив, – об этом он забыл упомянуть.

– Да, вот такая у меня была работа. – Я с вызовом смотрю на него,

ожидаю, когда он примется читать мне лекцию.

Но ничего такого не происходит.

– Не скажу, что был рад это услышать, но порой мы чего только не делаем, чтобы выжить. – Стив умолкает. – Когда Каллум нашел тебя, ты жила одна?

Я киваю.

– А теперь ты живешь в мавзолее Марии. Удивлен, что Брук не сняла тот портрет.

Над камином висит громадный портрет Марии, и когда они с Каллумом объявили о помолвке, Брук сидела прямо под ним и самодовольно улыбалась. Мальчики были просто в бешенстве: и из-за помолвки, и из-за того, каким образом нам о ней сообщили, и даже из-за кольца Брук, которое оказалось похоже на кольцо Марии, изображенное на портрете. Брук все спланировала так, что Марии как будто показали огромных размеров средний палец.

– Она не успела, – бормочу я в ответ.

– Видимо. По-моему, первым делом она переделала бы дом от крыши до подвала. Все, что есть в этом особняке, хранит на себе отпечаток Марии. – Он качает головой. – Мальчишки боготворят ее. Каллум – тоже. Но живой человек не может быть святым. – Он слегка наклоняет голову, бросая на меня мимолетный взгляд. – Нельзя возводить женщину на пьедестал. Без обид, милая.

Это что... негодование я сейчас слышу в голосе Стива? Хотя не уверена.

– Все в порядке, – тихо отвечаю я.

Если Стив намеревался еще больше усложнить наше общение, то он выбрал верное направление.

– А эта машина и правда очень быстрая, – говорю я, надеясь отвлечь его от темы про Марию.

Он улыбается уголком губ.

– Я понял тебя. Больше никаких вопросов о Марии. Давай поговорим о твоей маме. Какой она была?

– Доброй, любящей. – Мне хочется спросить, неужели он ее не помнит, но я не успеваю, потому что Стив задает уже следующий вопрос.

– Нравится школа? Оценки хорошие?

Нет, у этого человека тяжелый случай синдрома дефицита внимания и гиперактивности. Он не может разговаривать на одну тему больше двух секунд.

– Нормальная школа. С оценками все в порядке.

– Хорошо. Рад слышать. – И тут Стив неожиданно интересуется: – Вы с Ридом встречаетесь?

От шока я теряюсь с ответом.

– Я... э-э-э... да, – наконец выдавливаю из себя.

– Он хорошо с тобой обращается?

– Да.

– Тебе нравятся морепродукты?

Я борюсь с желанием замотать головой от сумбурности происходящего. Я не понимаю этого человека. Зато мне ясно, что он любит очень быструю езду и так же быстро меняет темы разговора, что у меня кружится голова.

Я не могу в нем разобраться. Совершенно.

* * *

– Ничего... не... может... быть... хуже.

Спустя час я вваливаюсь в комнату Рида и бросаюсь на его кровать.

Рид садится и прислоняется к изголовью.

– О, да ладно тебе! Не могло же это быть настолько плохо?

– Ты слышал меня? – Ничего не может быть хуже.

– Действительно было настолько плохо? – спрашивает из дверей Истон и тоже входит в комнату.

– Чувак, тебе нужно научиться стучаться, – сердито говорит Рид своему брату. – А если бы мы были голыми?

– Если бы вы были голыми, то занимались бы сексом. А мы все знаем, что вы не занимаетесь сексом.

Я сдерживаю стон. Может, мне уже и следовало привыкнуть к тому, как свободно Истон рассуждает о нашей с Ридом личной жизни, но не могу.

– Тебя не было на химии, – сообщает мне Истон, как будто я сама не в курсе. – Вы с Вэл решили прогулять?

– Нет. – Я стискиваю зубы. – Стив забрал меня из школы, чтобы мы могли подружиться, как настоящие отец с дочерью.

– Ага, понятно. – Истон плюхается на постель рядом со мной. – Но не заладилось, да?

– Нет, – хмуро отвечаю я. – Я его не понимаю.

Истон пожимает плечами.

– А что ты хочешь понять?

– Его. – В отчаянии я провожу рукой по волосам. – Он как взрослый

ребенок. Мы позавтракали на пирсе, потом проехались вдоль побережья, съели ланч в том ресторане на вершине скалы. Честное слово, он говорил лишь о машинах и о том, как ему нравится летать на самолетах. Потом он принялся пересказывать мне все истории о своих безумных приключениях, в которых чуть не погиб, и сказал, что хотел бы по-прежнему быть «морским котиком», потому что обожает все взрывать.

Рид и Истон усмеваются. Но им было бы не до смеха, если бы они слышали, что говорил Стив о Марии. Мне не хочется все портить, поэтому я перечисляю им остальные его странности, которых немало.

– Он так быстро меняет темы, что трудно удерживать нить беседы, – беспомощным голосом продолжаю я. – И никогда нельзя понять, что у него на уме.

Закусив щеку изнутри, я смотрю на Рида.

– Он знает, что мы вместе.

Мой парень кивает.

– Да, я так и понял. Хотя мы не особо пытались это скрыть.

– Я знаю, но... – Я мешкаю. – У меня такое чувство, что ему это не нравится. Но и это не самое худшее.

– Я здесь единственный, кто считает, что сегодня у тебя был очень крутой день? – встревает Истон. – Я вот хотел бы поесть на скале.

– Он хочет, чтобы я переехала к нему с Диной.

Истон мигом затыкается. Они с Ридом застывают на месте.

– Ну уж нет, – говорит Истон.

– А Стив считает, что очень даже «да». – Я издаю протяжный стон и забираюсь на колени к Риду. Его сильные руки тут же обвивают мою талию, удерживая на месте. – Он не стал настаивать, чтобы я жила с ними в гостинице, но предупредил, что, как только полиция освободит пентхаус, я должна буду переехать. Спросил даже, есть ли у меня какие-нибудь предложения для дизайнера: Стив кого-то нанял, чтобы обустроить мою комнату!

Рид заправляет мне за ухо прядь волос.

– Детка, папа этого не позволит.

– Твой папа ничего не сможет сделать. – В горле пересохло, что больно говорить. – Стив – единственный, кто имеет право решать, и он хочет, чтобы я жила с ним.

Истон издает звук, похожий на рык.

– Неважно, чего хочет Стив. Ты должна остаться с нами.

Он прав, я должна остаться здесь. Но, к сожалению, Стив с этим несогласен. За ланчем он даже просил меня подумать о том, чтобы

официально сменить фамилию с Харпер на О'Халлоран. Но если я когда-нибудь и поменяю ее, то только на фамилию Ройал, хотя Стиву я об этом не сказала. Лишь кивнула и улыбнулась, не мешая болтать. Если честно, я начинаю думать, что ему просто нравится слушать звук собственного голоса.

– Хватит страдать, – советует Рид и гладит меня по спине.

– Не могу. Я не хочу жить в одном доме с ним и с этой стервой. И не буду.

– До этого не дойдет, – обещает Рид. – У Стива всегда так: он много говорит, но ничего не делает.

Истон быстро кивает.

– Это правда. Ты верно подметила, когда назвала его взрослым ребенком. Дядя Стив реально как большой ребенок.

– Истон прав. У Стива всегда масштабные идеи, но он еще ни разу не довел ни одну до конца, – соглашается Рид. – Его все время что-то отвлекает.

– Ага, собственный член, – говорит Истон, и я морщусь. – Он может сидеть на совещании совета директоров, но поставь перед ним горячую телочку – и их обоих след простынет.

Да уж, похоже, у меня классный папа.

– Прошу тебя, больше не говори при мне про пенис моего отца. Это омерзительно.

– Его просто захватила вся эта отцовская эйфория, – пожав плечами, продолжает Истон. – Когда ему надоест играть в папу, он, наверное, вообще забудет про твое существование.

Понимаю, Истон пытается поддержать меня, но я лишь еще больше расстраиваюсь. Каждый новый факт о Стиве заставляет меня нервничать.

И мне опять страшно, но больше не потому, что я боюсь не понравиться Стиву.

Я боюсь, что это *он* мне не понравится.

Глава 14

Элла

У Вэл нет машины, а у меня больше нет работы, поэтому в пятницу мне ничто не мешает подвезти ее до дома после школы. Я надеялась, что мы сможем поболтать во время поездки, но Вэл, к моему удивлению, молчалива, и, в очередной раз остановившись на красный сигнал светофора, я смотрю на нее и спрашиваю в лоб:

– Ты злишься на меня?

Вэл поднимает на меня глаза.

– Что? Нет! Конечно, нет.

– Уверена? – смущенно спрашиваю я. – Потому что всю последнюю неделю я была чертовски плохой подругой. Это правда.

– Нет, ты была занятой подругой. – Она грустно улыбается. – Я все понимаю, Элла. Я бы тоже казалась отчужденной, если бы моего парня подозревали в убийстве.

– Мне правда очень жаль, что мы так мало времени проводили вместе. Жизнь – боль.

– Кому ты это говоришь?

Мы обмениваемся хмурыми улыбками.

– Что происходит между тобой и Уэйдом? – спрашиваю я, проезжая перекресток.

– Ничего.

Звучит неубедительно.

– Ничего? Серьезно?

Всю неделю они оба вели себя очень странно и едва смотрели друг на друга за ланчем. И теперь она говорит «ничего».

Я поворачиваю на улицу, где живет Вэл, и притормаживаю перед особняком Каррингтонов. Но не даю ей возможности сбежать, заблокировав дверь.

Вэл усмехается.

– Ты же понимаешь, что это кабриолет и я просто могу вылезти?

– Никуда ты не полезешь, – я сердито смотрю на нее, – пока не расскажешь мне, что происходит.

– Ничего не происходит. – В голосе появляется раздражение. – Уэйд...

это Уэйд. Мы больше не вместе.

– А ты этого *хочешь*? – не унимаюсь я.

Она с досадой вздыхает.

– Да, хочу.

Я прищуриваюсь.

– Правда?

– Да... нет... может быть. Я не знаю, ясно?

Я тоже вздыхаю.

– Ты злишься на него, потому что он переспал с другой?

– Да! – взрывается Вэл. – И это так глупо! Мы же даже не встречались по-настоящему! Просто пару раз занялись сексом в школьном туалете. Но... мне снова было весело, понимаешь? Я перестала постоянно думать о Тэме.

Я сочувствую ей всем сердцем. Вэл очень тяжело восприняла разрыв со своим бывшим парнем, Тэмом. И я была очень рада, когда она наконец пришла в себя.

– И как-то в выходные Уэйд спросил меня, могу ли я потусоваться с ним, – продолжает Вэл, – но я была занята, и мы решили: ну ладно, в другой раз. А потом в понедельник я прихожу в школу и узнаю, что в воскресенье он лизался с Самантой Кент в гольф-клубе! Это *так* подло!

Ее лицо вновь мрачнеет.

– Я сразу вспомнила, как Тэм мне изменял, и... – Подруга умолкает.

Я протягиваю руку и ласково сжимаю ее ладонь.

– Я все понимаю. Ты уже обожглась один раз и не хочешь, чтобы это снова повторилось. Ты была чересчур хороша для Тэма. И для Уэйда – тоже. – Я нерешительно умолкаю. – Но если уж на то пошло, Уэйд, кажется, тоже очень сильно переживает.

– Мне плевать. Я уже говорила ему, что если между нами что-то будет, то никаких отношений на стороне. Если он со мной, пусть даже это несерьезно, то он *только* со мной. – Вэл гордо выпячивает подбородок. – Но он нарушил правила.

– Значит, я так понимаю, на сегодняшнюю игру ты не пойдешь?

– Нет. Останусь дома и сделаю депиляцию на ногах.

Я смеюсь.

– Может, придешь в гости? – спрашивает подруга. – Устроим вечер спа.

– Не могу, – угрюмо отвечаю я. – В отличие от тебя, у меня нет выбора. Вчера вечером Каллум сказал, что мы идем всей семьей, без исключений. Типа демонстрация силы.

Губы Вэл кривятся в усмешке.

– Не знала, что мы на войне.

– Все может быть. – Я убираю с глаз прядь волос. – Ты же знаешь про все эти слухи, которые бродят по школе. Народ говорит про Рида самые ужасные вещи, и, наверное, в совете директоров «Атлантик Эвиэйшн» тоже есть те, кто недоволен Каллумом.

– Репортеры еще не разбили лагерь перед особняком?

– Удивительно, но нет. Наверное, Каллум использовал свои связи, потому что в другом похожем случае пресса стояла бы на ушах. – Я откидываюсь на спинку водительского кресла. – Адвокат Рида хочет, чтобы мы вели себя как ни в чем не бывало и держались как одна семья, и все в таком духе.

Только мне лучше держаться от Рида подальше. Рид сам мне этого не говорил, но Каллум отвел меня в сторону и попросил воздержаться от выражения своих чувств на публике.

Вэл закатывает глаза.

– И то, что вы пойдете на футбольный матч, мигом убедит всех в невиновности Рида?

– Кто знает, – я пожимаю плечами. – К тому же Каллум считает, что для Стива это лучший момент, чтобы снова появиться на людях. Он надеется, что это наделает достаточно шума, чтобы отвлечь внимание от Рида.

Вэл пристально смотрит мне в лицо.

– Ну а как вы? Я про тебя и Стива.

Я издаю протяжный стон.

– Не особо. Он не оставляет попыток проводить со мной больше времени.

Она изображает удивление:

– И как он только смеет?!

Я не могу сдержаться и гогочу.

– Да, сама понимаю, как безумно это звучит. Но ситуация такая странная, понимаешь? Он для меня настоящий незнакомец.

– Да, но так оно и будет, пока ты не перестанешь избегать его. – Вэл морщит нос. – А ты сама-то хочешь узнать его поближе? Он же все-таки твой отец.

– Знаю. – Я закусываю нижнюю губу. – Когда в понедельник он появился в школу, чтобы мы вместе провели целый день, я постаралась быть непредвзятой, но он только и делал, что говорил о себе, часами, как будто даже не замечал меня.

– Наверное, он перенервничал, – предполагает подруга. – Готова поспорить, что для него все это тоже непросто. Он вернулся из мертвых, а тут выясняется, что у него есть дочь! В такой ситуации никому не позавидуешь.

– Наверное. – Я рзблокировала двери. – Ладно, ну а сейчас можете оставить меня, миледи. Мне нужно ехать домой и собираться на игру, – устало говорю я.

Вэл фыркает.

– Осторожнее, подружка. Ты *так* полна энтузиазма, что я сейчас начну крутить сальто прямо до своей двери.

Она открывает дверь и вылезает из машины, а потом стучит по раме окна и ухмыляется мне.

– Удачи вечером!

– Спасибо, – отвечаю я.

У меня такое ощущение, что она мне понадобится.

* * *

Мы словно затеряны посреди океана: вокруг нас никого.

Я всю неделю слышала, как в школе перешептывались про Рида, но даже не думала, что эти слухи каким-то образом заденут и Каллума. Каллум Ройал всегда казался мне неуязвимым: уверенный в себе, авторитетный, эдакий хозяин мира, перед которым все ходят на задних лапках. Когда он приходил на игру в прошлый раз, все так и лебезили перед ним. Каждую секунду кто-нибудь из родителей учеников останавливался, чтобы перекинуться с ним парой фраз.

Но сегодня Каллуму объявили бойкот. Да всем нам: мне, Стиву и близнецам. Мы сидим на трибуне, в ряду прямо над скамейкой запасных домашней команды, а все остальные лишь поглядывают на нас. Я затылком чувствую их укоризненные взгляды.

Мне-то неприятно, а Риду, должно быть, в миллион раз хуже. Сегодня он не может играть из-за швов, которые ему наложили на рану: на Рида напали с ножом по наводке Дэниела Делапорта. Ему придется просидеть на скамье запасных еще неделю, но он все равно должен стоять на боковой линии.

Я хотела бы, чтобы он сидел на трибуне рядом с нами. Мне тяжело смотреть на то, каким одиноким он выглядит. И я *ненавижу* всех, кто продолжает шептаться и показывать на него пальцем.

– Вот этот Ройал, – шипит какая-то женщина, но достаточно громко, чтобы мы ее слышали. – Поверить не могу, что они разрешили ему выйти на поле.

– Это безобразие, – соглашается еще кто-то из мамаш. – Я не хочу видеть его рядом со своим Брэдли!

– Кому-то надо поговорить об этом с Берингером, – вмешивается грозный мужской голос.

Я морщусь, как и Каллум. И только Стив, который сидит рядом со мной, кажется совсем безразличным ко всему этому негативному вниманию. Как обычно, он грузит меня своей болтовней, в этот раз про какое-то путешествие в Европу, которое для нас запланировал. Не знаю, имеет ли он в виду под «нас» только себя и меня или и Дину тоже. В любом случае я совершенно не хочу ехать с ним ни в какое путешествие, даже несмотря на то что он мой отец. Я по-прежнему нервничаю в его присутствии.

Но самое смешное: теперь я понимаю, чем Стив привлек мою маму. Спустя неделю после своего возвращения он набрал вес. Его лицо больше не выглядит осунувшимся, одежда наконец стала по размеру его стройной, мускулистой фигуры. Стив О’Халлоран неплохо выглядит – для отца, – а в его глазах всегда горит озорной огонек. Маме нравились весельчаки, и Стив определенно относится к этому типу мужчин.

Но как дочь, а не кто-то, кто может увлечься им в романтическом плане, меня эта его мальчишеская веселость даже раздражает. Он же взрослый человек. Так почему не вести себя подобающе?

– Ты куксишься, – шепчет мне на ухо Сойер.

Очнувшись от своих раздумий, я поворачиваюсь к младшему Ройалу.

– Вовсе нет, – говорю я и заглядываю за его плечо. – А где Лорен?

Официально Лорен – девушка Сойера, так что она всегда составляет ему пару на подобных мероприятиях.

– Под домашним арестом, – со вздохом отвечает тот.

– Ого. А за что?

– Ее поймали, когда она вылезала из дома, чтобы встретиться со мной и... – Он умолкает, когда замечает, что Стив тоже внимательно слушает.

– Со мной, – заканчивает он. – Только со мной.

Я прячу улыбку. Мне трудно понять Лорен Донован, но, по-моему, это круто, что она вот так, в открытую, встречается с двумя парнями. Мне бы с одним справиться.

Кстати, о моем *единственном*: Рид там, на боковой линии, выглядит совсем несчастным. Его взгляд прикован к зоне тацдауна. Или это зачетная

зона? Не помню, как она называется. Рид и Истон тысячу раз пытались объяснить мне правила игры, но я по-прежнему не люблю футбол и не имею никакого желания в нем разбираться.

Похоже, Рид сильно расстроен из-за того, что не со своей командой. Сейчас на поле защита – я знаю это лишь потому, что вижу там еще одну синюю с золотым футболку, на спине которой написано «Ройал». Истон стоит в линии перед своим соперником. Мне видно, как двигаются его губы под маской, а значит, он отпускает какую-то ехидную шуточку.

Да, так и есть. Как только игра начинается, игрок второй команды бросается на Истона с такой яростью, как будто хочет его убить. Но на поле Ист – сущий дьявол. Он обегает своего соперника, который падает на колени, а два других игрока команды Астор-Парка впечатывают в землю квотербека школы Марин-Хай до того, как тот успевает кинуть мяч.

– Это был сэк^[4], – подсказывает мне Себастиан, перегнувшись через брата, чтобы объяснить мне суть игры.

– Да мне все равно, – отвечаю я.

Стив, сидящий по другую сторону от меня, усмехается.

– Смотрю, ты не фанатка футбола?

– Не-а.

– Мы пытались вразумить ее, – говорит с другого конца ряда Каллум, – но пока безрезультатно.

– Ничего страшного, Элла, – говорит мне Стив. – В любом случае О’Халлораны предпочитают баскетбол.

И я снова напрягаюсь. Ну почему он все время так говорит? Я не О’Халлоран! И к тому же ненавижу баскетбол еще больше, чем футбол.

Выдавлив из себя улыбку, я отвечаю:

– Харперы вообще не любят спорт. Никакой.

Стив кривит губы в легкой ухмылке.

– Не знал об этом... Если я все правильно помню, твоя мама была очень... э-э-э... спортивной.

Я стискиваю зубы. Что это за гадкие намеки? Не уверена, но мне показалось именно так, и это мне не нравится. Кто позволил ему говорить о моей маме в таком тоне? Он даже не знал ее толком! Только в библейском смысле.

На поле выстраивается линия нападения. Уэйд – наш квотербек, и сейчас он кричит своей команде что-то неразборчивое. В какой-то момент мне даже слышится «ЖЕРЕБЕЦ!», и я толкаю локтем Сойера.

– Он сейчас сказал «жеребец»?

Сойер фыркает.

– Ага. У Пейтона Мэннинга – «Омаха»^[5], у Уэйда – «Жеребец».

Он с таким же успехом мог говорить на птичьем языке. Я понятия не имею, кто такой Пейтон Мэннинг, и даже не хочу спрашивать. Я лишь наблюдаю, как Уэйд кидает идеально закрученный мяч, который приземляется прямо в умелые руки одного из игроков Астора, и тот быстро бежит к боковой линии.

В моей сумке вибрирует телефон. Я вытаскиваю его и вижу сообщение от Вэл.

«Уф! Ну почему он так здорово играет?»

Я тут же оглядываю толпу, но моей лучшей подруги нигде не видно. Я пишу ответ.

«Где ты?»

«Признаюсь: дома не было еды, и я приехала сюда за хот-догом».

Я громко фыркаю. Близнецы переводят на меня любопытные взгляды, но я лишь отмахиваюсь от них и набираю новое сообщение Вэл.

«Ну все, ПОПАЛАСЬ! Ты приехала сюда ради Уэйда».

«НЕТ. Я захотела покушать».

«Захотела Уэйда».

«Я ненавижу тебя».

«Просто признайся уже, что он тебе нравится».

«Никогда».

«Ну и ладно. Тогда хотя бы поднимись сюда и садись с нами. Я соскучилась по тебе».

Трибуны сотрясают громкие крики. Я смотрю вниз и успеваю застать конец четверти – и еще один идеальный бросок Уэйда. Неудивительно, что Вэл до сих пор не ответила меня.

«Нет, возвращаюсь домой. Было глупо приезжать сюда».

Меня пронзает сочувствие к подруге. Бедняжка Вэл. Я знаю, что с Уэйдом она замутила только, чтобы забыть Тэма, а может, чтобы скоротать время до тех пор, пока не почувствует себя снова готовой к серьезным отношениям. Но сейчас, уверена, у нее появились настоящие чувства к этому парню. И, по-моему, Уэйд тоже кое-что к ней испытывает. Они просто слишком упрямые, чтобы признаться в этом.

Прямо как вы с Ридом, звучит насмешливый внутренний голос.

Ладно, хорошо. В самом начале мы с Ридом вели себя точно так же. Он относился ко мне просто отвратительно, а я неделями боролась со своими чувствами к нему. Но сейчас мы вместе, и это здорово, и я хочу, чтобы Вэл было так же здорово.

– С кем это ты переписываешься?

Я инстинктивно закрываю ладошкой телефон, когда замечаю, что Стив косится на экран. Какого черта? Теперь он еще будет читать мои эсэмэски?

– С другом, – холодно отвечаю я.

Стив, прищурившись, смотрит на скамейку запасных, как будто ожидает увидеть, как Рид тоже печатает что-то в своем мобильнике. Но Рид сидит, положив руки на колени, и внимательно следит за игрой.

Мне не нравится подозрительность во взгляде Стива. Он уже знает, что мы с Ридом вместе. И даже если ему это не по душе, у него нет никакого права диктовать мне, с кем встречаться.

– Может, лучше убрать телефон? – предлагает он с некоторым раздражением. – Ты со своей семьей. А тот, с кем ты сейчас общаешься, может и подождать.

Я засовываю телефон обратно в сумку. Но не потому, что Стив мне так приказал, а потому что иначе я бы кинула мобильник ему в лицо. Каллума никогда не волновало то, что я пишу друзьям во время матча. Если уж на то пошло, он вообще был счастлив, что у меня появились друзья.

Стив одобрительно кивает и переключается на игру.

Я пытаюсь сделать то же самое, но уже снова вся на взводе. Мне хочется встретиться взглядом с Ридом и одними губами сказать ему, как сильно мне не нравится Стив. Но Рид лишь скажет мне, чтобы я не обращала на него внимания, что тот скоро устанет от своей новой роли отца.

Вот только я начинаю думать, что этого никогда не произойдет.

Глава 15

Рид

После игры папа со Стивом настаивают на том, чтобы мы поужинали в одном из французских ресторанов в городе. Я не хочу идти, но у меня нет выбора. Папа хочет, чтобы нас видели в обществе. Он говорит, что мы не можем прятаться, что нам нужно вести себя так, как будто все в порядке.

Но *ничего* не в порядке. То, как все пилились во время сегодняшнего матча... Черт, да от всех этих осуждающих взглядов и презрительных перешептываний у меня до сих пор горят затылок и уши!

За ужином я сижу с каменным лицом, молчу и желаю оказаться дома, прижиматься губами к Элле и чувствовать под своими руками ее тело.

Сидящий рядом Истон жадно поглощает еду, как будто не ел несколько недель, но, думаю, он заслужил право наесться до отвала. Сегодня Астор-Парк надрал задницу Марин-Хай. Мы закончили последнюю четверть с преимуществом в четыре тачдауна и после матча все были в приподнятом расположении духа.

Все, кроме меня. И, наверное, Уэйда, который – впервые за все время, что я его знаю, – не заявил во всеуслышание, что будет отмечать победу минетом, за которым последует много-много секса. Настроение у него было дерьмовое, и, переодевшись после игры, он с хмурым видом сразу же покинул раздевалку. По-моему, он сказал, что идет домой, что, опять же, совсем на него непохоже.

Элла тоже сидит с мрачным лицом. Наверное, во время игры Стив сказал ей что-то не то, но я спрошу ее об этом, когда мы останемся наедине. Стив вообще ведет себя странно с тех пор, как воскрес из мертвых. Он без конца говорит о том, что теперь у него есть дочь и ему следует подавать ей хороший пример. Папа, конечно, одобрительно кивает каждый раз, когда Стив несет подобную чушь. Каллум Ройал считает, что Стив О'Халлоран не может ошибаться. Так было, сколько я себя помню.

Когда мы возвращаемся после ужина домой, папа со Стивом сразу же закрываются в кабинете, где наверняка будут распивать скотч и вспоминать о старых деньках службы в морской пехоте. Ист и близнецы уходят в игровую, так что мы с Эллой остаемся одни.

Наконец-то.

– Наверх? – рычу я, зная, что она заметила хищный огонек в моих глазах.

Сидеть сегодня на скамейке запасных было хуже всего. Да, все на трибунах говорили только обо мне, а какой-то придурок, проходя мимо меня, даже обронил слово «убийца». Но не играть в футбол было в тысячу раз хуже. Я чувствовал себя бесполезным мешком картошки, что уж говорить о зависти, которая ела меня изнутри, когда я наблюдал, как мои друзья громят команду соперников.

И теперь вся сегодняшняя агрессия рвется наружу. Но, по-моему, Элла и не возражает. Она одаривает меня своей ослепительной улыбкой и тянет наверх по ступенькам.

Мы чуть ли не бегом залетаем в ее спальню. Я закрываю дверь, а потом поднимаю ее на руки и шагаю к кровати. Она весело взвизгивает, когда я кидаю ее на матрас.

– Одежда, – облизнув губы, командую я.

– А что с ней? – Элла, изображая невинность, играет с подолом свободного зеленого свитера.

– Снимай, – рычу я.

Она снова улыбается, и, клянусь, от ее улыбки мое сердце взмывает к небесам. Не знаю, как бы я пережил эту неделю, если бы рядом не было Эллы. Слухи в школе, звонки от адвоката, полицейское расследование – все это уже зашло слишком далеко. Как бы сильно ни была ненавистна мне Брук, я не прыгаю от радости из-за того, что она умерла. Да, я точно не буду по ней скучать, но никто не заслуживает такой смерти.

– Рид! – Радость Эллы улетучивается в тот же миг, как она видит мое лицо. – Что случилось?

Я вздыхаю.

– Ничего. Просто думал о всякой фигне, о которой лучше не думать.

– О чем именно?

– Ни о чем, – опять отнекиваюсь я и пытаюсь отвлечь ее, стянув через голову футболку с длинными рукавами.

У меня получается. Стоит Элле увидеть мою голую грудь, как она тут же глубоко вздыхает, и этот звук отзывается в моем члене. Мне приятно, что ей нравится мое тело. Пусть даже из-за этого я могу показаться кому-то самовлюбленным придурком. То, как темнеют от удовольствия ее глаза, то, как она облизывает губы, – ничто на свете не потешит мужское эго больше, чем это.

– Твои швы, – говорит она, как делала всю эту неделю, когда мы немного шалили.

– Отлично заживают, – отвечаю я, как утверждал всю эту неделю, когда мы немного шалили. – А теперь снимай с себя одежду, пока я не сделал это за тебя.

На ее лице появляется интерес, как будто она обдумывает, не поупрямиться ли чуть-чуть, чтобы я исполнил свою угрозу. Но, похоже, Элла возбуждена уже не меньше моего, потому что в следующий миг ее одежда падает на пол.

У меня пересыхает во рту, когда перед моими глазами предстают розовый лифчик и трусики в тон. Элла понятия не имеет, насколько она красива. Любая девчонка из Астор-Парка умерла бы за ее изгибы, ее золотистые волосы и идеальные черты лица. Она абсолютное совершенство. И вся, черт подери, моя.

Не снимая штанов, я залезаю на кровать и прижимаюсь к ней всем телом, а мои губы находят ее. Мы целуемся, кажется, целую вечность. Целуемся, и ласкаем друг друга, и катаемся по кровати до тех пор, пока я уже больше не в силах выносить эту пытку. Снимаю с нее нижнее белье. Расстегиваю свои штаны. Ее рука на мне, а моя – у нее между ног, и это так хорошо, что я больше не могу связно мыслить.

– Ляг на спину, – шепчет Элла.

О, дьявол, она склоняется надо мной, и ее рот творит такие вещи, от которых я совершенно схожу с ума.

Волосы Эллы падают на мои бедра. Я трогаю пальцами мягкие пряди, направляя ее движения.

– Быстрее, – шепчу я.

– Так?

– Да, так.

Ее губы и язык сбрасывают меня за край пропасти, и пусть даже это звучит как самое избитое клише, придя в себя, я притягиваю Эллу ближе и говорю ей, что люблю ее.

– Как сильно? – Она лукаво улыбается.

– Очень сильно, – отвечаю я охрипшим голосом. – Безумно сильно.

– Это хорошо. – Элла чмокает меня в губы. – Я тоже безумно сильно тебя люблю.

Она ложится рядом со мной и гладит мои кубики на животе, но при этом медленно трется нижней частью своего тела о мое бедро. И я снова в полной готовности. Но я-то уже кончил, а она – еще нет. И мне нравится быть тем единственным, кто доставляет ей это удовольствие. Когда Элла кончает, то издает самые сексуальные в мире звуки.

– Моя очередь, – хриплым шепотом говорю я, двигаясь вниз вдоль ее

тела.

Ее лоно всегда готово принять меня. Член снова встает, когда я думаю, что буду первым, кто скользнет в это томящееся тело, и жара от одной этой мысли хватит, чтобы растопить всю Антарктиду. Но я не могу. Не сегодня. Я хочу быть уверенным, что меня не засадят за решетку за преступление, которого я не совершал.

А пока я могу делать *это*: доводить ее своим ртом и пальцами до исступления, заставляя стонать и умолять...

– Элла! – раздается из-за двери резкий, командный голос. – Открой!

Элла отталкивает мою голову и соскакивает с кровати, как будто та охвачена пламенем.

– О боже, это Стив! – шипит она.

Я сажусь, бросив настороженный взгляд на запертую дверь. Я ведь запер ее, правда? Черт, пожалуйста, пусть будет так, что я ее запер...

Дверная ручка дергается, но дверь не поддается. Я с облегчением выдыхаю.

– Элла! – снова рывкает Стив. – Открой дверь! Живо!

– Секунду, – поспешно отзывается она, в ее глазах – отчаяние и паника.

Мы быстро одеваемся, но, видимо, не очень аккуратно, и вид у нас так себе, потому что, когда Элла впускает Стива, его глаза зловеще вспыхивают.

– И чем это вы двое, *черт побери*, тут занимались?

Я выгибаю бровь: голос Стива переполнен яростью, лицо покраснелось. Я все понимаю, он отец Эллы, но мы же тут не снимали порно, в конце концов. Просто чуть-чуть позабавились.

– Мы... смотрели телик, – бормочет Элла.

Мы со Стивом одновременно поворачиваемся к черному экрану в другом конце комнаты. Стив, сжав руки в кулаки, снова разворачивается к Элле.

– Твоя дверь была закрыта, – чуть ли не рычит он.

– Мне семнадцать, – скованно отвечает она. – У меня что, нет права на частную жизнь?

– Не настолько частную! – Стив качает головой. – Каллум выжил из ума?

– Спроси у него самого, – доносится сухой ответ моего отца.

Стив резко разворачивается к дверному проему, где стоит папа, скрестив руки на груди.

– Что здесь происходит? – ровным голосом спрашивает он.

– Твой сын только что лапал мою дочь! – рявкает Стив.

Облизывал, если сказать точнее. Но я держу язык за зубами. Вена на лбу Стива и так, кажется, вот-вот лопнет. Незачем ускорять этот процесс.

– Для меня это совершенно неприемлемо, – продолжает он ледяным тоном. – Мне все равно, как ты относишься к своим родительским обязанностям. Твои мальчишки могут вести себя так, как их душе угодно, но моя дочь *не* станет очередной секс-игрушкой Рида.

Я распрямляю плечи. Кто, черт возьми, он такой, чтобы так говорить?

– Элла – моя девушка, – холодно говорю я, – а никакая не секс-игрушка.

Стив тычет пальцем на сбившееся покрывало.

– Значит, для тебя совершенно нормально вот так использовать ее? – Его ледяной взгляд останавливается на папе. – А ты! Что за отец даст столько свободы двум тинейджерам? Скажи еще, что они спят в одной комнате!

Виноватое выражение лица Эллы выдает нас с головой. Заметив его, Стив краснеет еще больше.

Он делает глубокий вдох, медленно разжимает кулаки, а потом говорит:

– Собирай свои вещи, Элла.

За секундой тишины следуют сразу три возмущенных восклицания.

– Что? – Элла.

– Нет-нет-нет. – Я.

– Стив, в этом нет необходимости. – Папа.

Отец Эллы реагирует только на последнюю реплику.

– А я думаю, это очень даже необходимо. Элла – моя дочь. Я не хочу, чтобы она жила в такой обстановке.

– Ты хочешь сказать, что мой дом – неподходящее место для ребенка? – Голос отца становится жестче. – Я вырастил здесь пятерых сыновей, и они прекрасно справляются.

Стив громко и раскатисто смеется.

– *Прекрасно* справляются? Одного из твоих мальчишек обвиняют в убийстве, Каллум! Прости, но вынужден огорчить тебя: Рид – не самый хороший парень.

Во мне просыпается гнев.

– С чего вдруг?

– Он плохо влияет на нее, – продолжает Стив как ни в чем не бывало. – Все они.

Он снова смотрит на Эллу.

– Собирай свои вещи. Я не шучу.

Элла выпячивает подбородок.

– Нет.

– Она только привыкла к новой жизни, – предпринимает очередную попытку успокоить Стива папа. – Не срывай ее с места, которое она считает домом.

– Ее дом там, где я, – отвечает Стив. – Я ее отец, не ты. И я не хочу, чтобы моя дочь якшалась с твоим сыном. И плевал я, если покажусь кому-то старомодным или неразумным – называйте это как хотите. Она едет со мной. Хочешь запретить мне это? Отлично! Тогда встретимся в суде. Но сейчас ты не сможешь остановить меня. Я забираю ее из этого дома.

Элла в панике смотрит на папу, но его взгляд выражает лишь одно – поражение.

Тогда она умоляюще глядит на Стива.

– Я хочу остаться здесь.

Но ее мольба его ничуть не трогает.

– Прости, но нет. Так что повторяю еще раз: собирай свои вещи.

А когда Элла не двигается с места, оставаясь сидеть рядом со мной, Стив хлопает в ладоши, словно она дрессированный тюлень:

– Живо!

Элла сжимает кулаки и ждет, когда вмешается мой папа. Но он продолжает молчать, и она в гневе вскакивает и уходит за вещами.

Я уже собираюсь кинуться за ней, когда Стив останавливает меня.

– Рид, на минуточку, – коротко говорит он.

И это приказ, который не обсуждается.

Мужчины обмениваются взглядами. Папино лицо каменеет, но он выходит из комнаты, оставляя меня со Стивом.

– Что? – ожесточенно спрашиваю я. – Снова будешь говорить мне, как плохо я влияю на Эллу?

Он подходит к кровати и смотрит сначала на смятое покрывало, а потом на меня. Я подавляю желание провалиться на месте. Мы с Эллой не делали ничего плохого.

– Когда-то и я был в твоём возрасте.

– Хм. – Проклятье. По-моему, я понял, к чему он ведет.

– Я помню, как обращался с девчонками, и, вспоминая об этом сейчас, жалею о многих вещах. – Стив проводит рукой по краю кровати. – Элла права: большую часть ее жизни меня не было рядом. Но теперь я здесь. У нее было тяжелое детство, а девочки типа нее ищут любви не там, где следует.

– Это вы сейчас обо мне?

Я засовываю руки в карманы и прислоняюсь к комоду. В этом даже есть некая доля иронии: у такой порядочной девушки, пусть и с дерьмовым прошлым, вдруг откуда ни возьмись появляется отец и читает мне лекцию о том, что будет лучше для его дочери. За те примерно девять месяцев, что я встречался с Эбби, ее отец если и говорил со мной, то только о футбольной команде Астор-Парка.

– Рид. – Голос Стива смягчается. – Я люблю тебя как собственного сына, но ты должен признать, что сейчас находишься в сложной ситуации. Элла очень привязалась к вашей семье, и я надеюсь, что ты не воспользовался ее одиночеством.

– Я не воспользовался Эллой ни в каком смысле, сэр.

– Но ты спишь с ней, – обвиняющим тоном произносит Стив.

Если он хотел смутить меня этим или пристыдить, то сильно ошибся. Любовь к Элле – самое лучшее, что было в моей, пока такой короткой, жизни.

– Я делаю ее счастливой, – просто отвечаю я, не испытывая никакого желания говорить с ним о сексе: иначе Элла умерла бы от стыда.

Губы Стива сжимаются в тонкую линию. Мой ответ его не порадовал.

– Рид, ты из тех парней, которым нравится физический контакт. Тебе нравится драться, потому что ты наслаждаешься ощущениями, когда твой кулак вонзается в чью-то плоть. Тебе нравится соприкосновение силы с силой. И по той же самой причине ты вряд ли можешь обходиться без секса. Я не осуждаю тебя, потому что, черт подери, сам был таким. К тому же я не особо верю в верность отношений. Если девушка свободна и доступна, кто я такой, чтобы отказывать себе, верно? – Он ухмыляется, призывая меня поддержать свой безнравственный стиль жизни.

– Я отказывал, и не раз, – говорю я ему.

Стив фыркает, явно не веря моим словам.

– Ладно, пусть так. Но давай поговорим об Элле. Раз уж ты любишь ее, то вряд ли будешь пытаться срывать с нее одежду каждые пять секунд. Я вижу, как ты смотришь на нее, парень, и это не более чем похоть. – Он сокращает расстояние между нами и опускает свою тяжелую ладонь мне на плечо. – В этом нет ничего зазорного. Я не жду, что ты изменишься. Я лишь хочу сказать, что Элла не та, с кем можно спать ради собственного удовольствия. Обращайся с ней так, как ты хотел бы, чтобы обращались с твоей сестрой.

– Но она мне не сестра, – огрызаюсь я. – И я отношусь к ней со всем уважением.

– Тебя обвиняют в убийстве. Ты можешь сесть в тюрьму на очень длинный срок. И как будет справляться Элла, если ты туда попадешь? Думаешь, она будет ждать тебя?

– Я этого не делал, – говорю я сквозь зубы.

Стив не отвечает.

Неужели этот мужчина, который знает меня столько, сколько я себя помню, действительно верит, что я способен убить человека?

Я с горечью изучаю лицо Стива.

– Ты думаешь, это я, да?

Через мгновение он крепко сжимает мое плечо.

– Нет, конечно, нет. Но я думаю об Элле, пытаюсь поставить ее на первое место. – Его живые голубые глаза, точно такие же, как у Эллы, с вызовом смотрят на меня. – А ты можешь честно сказать, что делаешь то же самое?

Глава 16

Элла

– Знаешь, почему здесь нет тринадцатого этажа? Потому что большинство постояльцев в душе своей очень суеверны. По слухам, «Хэллоу-Окс» построен на старом кладбище конфедератов^[6]. Здесь могут водиться привидения.

«Например, твое», – сердито думаю я.

Стив проводит ключом-картой перед сенсором и нажимает кнопку с буквой «П». Он все время улыбается, как будто это не он вытащил меня только что силком из моего дома и не привез в этот идиотский отель.

– Теперь не будешь со мной разговаривать? – спрашивает Стив.

Я смотрю прямо перед собой, всем своим видом давая понять, что не собираюсь вести с ним задушевные беседы. Он думает, что может вот так просто появиться в моей жизни через семнадцать лет и раздавать мне приказы? Добро пожаловать в отцы, Стив. Тебе предстоит нелегкий путь.

– Элла, ты действительно считаешь, что я позволил бы тебе и дальше жить с Ройалами, особенно когда твой парень спит в соседней комнате?

Может, это по-детски, но я продолжаю хранить молчание. К тому же если я открою рот, то точно скажу что-нибудь плохое, например: «Где, черт подери, ты был, когда моя мама умирала от рака? А, точно, ты летал на дельтаплане со своей гадюкой женой!».

Он вздыхает, и наш подъем в пентхаус продолжается в полной тишине. Двери открываются в просторном холле. Стив ведет меня через него, везя за собой мой чемодан. Остановившись у двери в конце холла, он подносит к ней карту.

За дверью оказываются гостиная, столовая и лестница. За свою жизнь я навидалась гостиничных номеров, но все они были убогими и дешевыми и *внутри* них не было никаких лестниц. Я стараюсь не пялиться открыв рот, но это очень сложно.

Стив поднимает со стола кожаную папку.

– Может, взглянешь перед тем, как я покажу тебе твою комнату? Закажем что-нибудь поесть, пока ты будешь устраиваться.

– Мы же поели час назад, – с удивлением напоминаю я.

Он пожимает плечами.

– Я уже проголодался. Дина, тебе заказывать салат? – кричит Стив.

На верхней ступеньке лестницы появляется Дина.

– Было бы неплохо.

– Может, тогда сама закажешь? А я тем временем покажу Элле номер. – Помахав меню, Стив возвращает его на стол. Не дожидаясь ее ответа, он кладет ладонь мне на спину и подталкивает вперед. – Я буду тибон^[7]. С кровью, пожалуйста.

За столовой оказывается еще одна дверь. Стив открывает ее и жестом приглашает меня пройти внутрь.

– Это твоя комната. Здесь есть еще одна дверь, которая ведет сразу в холл. Тебе понадобится ключ, чтобы подняться на этот этаж. – Стив протягивает мне пластиковую карту, которую я без особой охоты убираю в карман. – Горничная приходит каждый день, доставка еды в номер круглосуточная. Не стесняйся и заказывай все, что захочешь. Я могу себе это позволить. – Он подмигивает мне, но я слишком занята тем осмотром.

– Может, позвать кого-нибудь, чтобы распаковали твои вещи? – продолжает он. – Если хочешь, Дина может помочь.

Да Дина скорее выпьет бутылку отбеливателя, чем поможет мне.

Я выдавливаю из себя: «Нет, спасибо», и Стив снова расплывается в широкой улыбке. Наверное, думает, что мы прекрасно ладим. Я же думаю о том, смогу ли заказать у портье запасной ключ для Рида. Собственная входная дверь? Может, мне даже понравится здесь.

– Ну ладно, если тебе что-нибудь понадобится, просто крикни. Здесь тесновато, знаю, но это лишь на пару недель. – Он хлопает рукой по чемодану и уходит.

Тесновато? Да, эта комната немного меньше моей в особняке Ройалов, но она все равно кажется огромной по сравнению с теми местами, где мне приходилось жить раньше. И уж точно она больше любого другого гостиничного номера из тех, в которых я останавливалась. Я даже и не догадывалась, что комнаты в отелях могут быть настолько громадными.

Забыв про чемодан, я падаю на кровать и набираю сообщение Риду.

«У меня есть собственная входная дверь».

Рид отвечает сразу же.

«Уже выезжаю».

«Если бы».

«Я могу...»

«Стив убьет тебя».

«Не пойму, что на него нашло. У него женщин было больше, чем у рок-звезды».

«Как мило. Пожалуйста, хватит этих пошлых комментов про моего отца. У меня это вызывает отвращение».

«ОК, девственница. Как дела в общем?»

«Я девственница только потому, что ты не сдаешься».

«Все будет, детка. Ты знаешь, я тоже сильно этого хочу. Но надо подождать, пока все уладится».

«Кстати, я не буду навещать тебя в тюрьме».

«Я не собираюсь в тюрьму».

«Ладно, проехали. Чем занимаешься?»

Вместо ответа мне приходит фотография: Рид и его братья сидят в моей комнате.

«Зачем это?»

«Зачем что? Зачем мы в твоей комнате? Смотрим футбол».

«У вас есть комната с домашним кинотеатром».

«А нам нравится здесь. И. говорит: твоя комната приносит удачу».

Я издаю стон. У Истона серьезные проблемы со ставками. Однажды на парковке клуба на него наехал один букмекер, и мне пришлось выплатить его долг.

«И. поставил на итоги матча?»

«Если и так, то он выигрывает, потому что не особо переживает из-за счета. Я присмотрю за твоим малышом Истом, не волнуйся».

«Ха-ха. Спасибо. Я скучаю по всем вам».

Раздается стук в дверь.

– Да?

Мне совсем не нравится, что меня отвлекают, но я даже не пытаюсь скрыть свое раздражение.

– Это Дина, – доносится такой же раздраженный голос. – Мы садимся за стол.

– Я не буду ужинать, – отвечаю я.

Она злобно смеется.

– И правильно. Тебе не мешает скинуть несколько килограммов. Но твой отец велел тебе присоединиться к нам, принцесса.

Я стискиваю зубы.

– Ладно, сейчас приду.

«Мне пора. Ужинаю с Диной и С.».

Отодвинув с дороги чемодан, я выхожу в гостиную. В то же самое время мужчина в униформе вкатывает в наш номер тележку. Пока он все аккуратно расставляет, Стив садится во главе большого обеденного стола.

– Садитесь, садитесь. – Он машет рукой, совершенно не обращая внимания на этого милого мужчину, который убирает с тарелок серебряные колпаки. – Я заказал тебе бургер, Элла.

Я не отвечаю, и он вздыхает.

– Ладно, не хочешь – не ешь. Но я не буду отменять заказ, вдруг ты передумаешь.

Официант поднимает крышку с моей тарелки, на которой на листе салата лежит огромный бургер.

– Спасибо, – говорю я ему со смущенной улыбкой, потому что этот человек ничем не заслужил моей грубости.

Но он даже не смотрит в мою сторону.

Тоже вздохнув, я сажусь за стол. Дина садится напротив.

– Вот и славно, – объявляет Стив. Встряхнув салфетку, он кладет ее себе на колени. – Вот черт! Я забыл свой стакан на кофейном столике. Дина, будь добра, принеси его.

Она тут же встает, берет стакан и приносит его Стиву.

Тот целует ее в щеку.

– Спасибо, дорогая.

– Не за что. – Она садится на стул.

Я опускаю глаза в тарелку, чтобы никто не заметил мое удивление. Эта Дина совершенно отличается от той, которую я знала. Черт, эта Дина совсем непохожа на ту, которая только что звала меня за стол.

До этого мы с ней встречались лишь дважды, и оба раза нельзя назвать приятными. На оглашении завещания она вела себя откровенно агрессивно. А потом, в доме Каллума, я видела, как она занималась сексом с Гидеоном в гостевой уборной.

Сегодня Дина ведет себя тихо, даже скромно, и это вызывает ассоциации со змеей, которая, свернувшись калачиком, прячется под большой корягой.

Ничего не подозревающий Стив делает глоток.

– Теплое.

Повисает тишина. Я поднимаю глаза и вижу, как Стив выразительно смотрит на Дину.

Она натянуто улыбается.

– Давай принесу тебе льда.

– Спасибо, милая. – Он поворачивается ко мне. – Может, хочешь воды?

Из-за их с Диной странного поведения я совсем забываю про свой бойкот.

– Не откажусь.

Но, вместо того чтобы налить мне воды самому, он кричит в сторону кухонной зоны.

– Дина, принеси Элле стакан воды!

Затем он начинает резать свой стейк.

– Сегодня утром я звонил в офис окружного прокурора. Скоро мы сможем вернуться в наш пентхаус. От этого всем будет лучше.

А я уверена, что от этого не будет лучше *никому*.

Дина возвращается с двумя стаканами: в одном – лед, в другом – вода. Она ставит стакан с водой передо мной с такой силой, что жидкость переливается через край на мой рукав.

– Ой, прости, принцесса, – сладким голосом говорит Дина.

Стив хмурится.

– Ничего страшного, – бормочу я.

Стив кидает в свой стакан пару кубиков льда, размешивает их и снова делает глоток.

Дина едва успевает поднять вилку, как он морщится.

– Слишком много воды.

Она сжимает вилку так, что белеют костяшки. Я уже начинаю волноваться, не воткнет ли она ее в Стива, но Дина нарочито медленно откладывает прибор в сторону. Натянув на лицо улыбку, она поднимается из-за стола в третий раз и идет к бару, где выставленные в ряд большие бутылки напоминают солдат на построении.

Такими темпами скоро и я не откажусь выпить из какой-нибудь.

– Элла, сегодня я разговаривал с твоим директором, – говорит мне Стив.

Я отвожу взгляд от одеревеневшей спины Дины.

– Зачем?

– Просто хотел узнать про твои успехи в Астор-Парке. Берингер сказал мне, что, кроме учебы, ты больше ничем не занимаешься. – Стив склоняет голову набок. – Ты как-то говорила, что тебе нравится танцевать. Так почему ты не в школьной команде по танцам?

– Да я... все время работала.

Мне не хочется рассказывать ему о нашей с Джордан вражде. Она кажется такой глупой, если проговорить вслух.

– Может, тогда попробуешь себя в школьной газете?

Я стараюсь не скорчить гримасу. Журналистика кажется мне еще более мучительным делом, чем сидеть сейчас с ними за ужином. А вообще нет. Здесь мне так некомфортно, что я даже предпочла бы сцепиться с Джордан Каррингтон, да и школьная газета показалась бы приятным развлечением.

– А чем занимался ты? – спрашиваю я с вызовом.

Если окажется, что в старшей школе он был еще тем лентяем, мне удастся отделаться от него.

– Я играл в футбол, баскетбол и бейсбол.

Отлично, все и сразу.

По-моему, Каллум говорил, что Стива совершенно не интересует их бизнес и он предпочитает развлекаться. Так почему он не хочет, чтобы я просто наслаждалась жизнью?

– Может, я попробую себя в... э-э-э... – я лихорадочно перебираю в уме женские виды спорта, – футбольной команде.

Стив одобрительно улыбается.

– Отлично. Поговорим об этом с Берингером.

Уф, наверное, мне все-таки придется попробовать футбол. Но когда они увидят, как чудовищно у меня будет получаться, то вышвырнут меня из команды и попросят больше никогда не возвращаться. А это, вообще-то,

неплохой план.

Я беру бургер и откусываю кусок, хотя еще не успела проголодаться. Но зато мне есть чем занять свои руки и рот, чтобы ко мне не приставали с разговорами.

Жуя бургер, я обдумываю стратегию, как лучше обмануть Стива. Мне нужно притвориться, что я выполняю все его требования, но при этом делать то, что хочу: тусоваться с Вэл, встречаться с Ридом, веселиться с Истоном и близнецами. Тем более что я должна постоянно присматривать за ними. А в промежутках попытаться отыскать возможных подозреваемых. Мне начинает казаться, что я единственная, кто хочет найти настоящего преступника.

Когда у меня в голове складывается этот идеальный план, к нам возвращается Дина, держа в руке новый напиток для Стива.

– А чем *ты* занималась в старшей школе? – стараясь быть вежливой, спрашиваю я.

– Я вкалывала на двух работах, чтобы поддержать семью. – Она улыбается. – Но ни на одной из них мне не нужно было снимать с себя одежду.

Я чуть не давлюсь водой.

Стив снова хмурится.

– А ты знал, что Элла танцевала в стриптиз-клубе, когда Каллум ее нашел? – спрашивает Дина своего мужа. Ее голос так и сочится приторной сладостью. – Бедняжка.

– Насколько помню, у тебя никогда не было проблем с тем, чтобы раздеваться на публике, – бодрым голосом отвечает он. – И никому не приходилось платить тебе за это.

Услышав это, Дина умолкает.

Звонит гостиничный телефон. Стив словно не обращает на него внимания, и он звонит и звонит, до тех пор пока Дина наконец не поднимается, чтобы снять трубку. Взгляд Стива провожает ее до гостиной. Когда она встает к нам спиной, он поворачивается ко мне.

– Наверное, думаешь, что я груб с ней? – тихо спрашивает он.

У меня есть два выбора: солгать или узнать, что, черт возьми, происходит. Я выбираю второй вариант.

– Да, есть немного.

– Но постарайся не сочувствовать ей. – Он пожимает плечами. – Я думаю, она нарочно испортила мою экипировку и хотела убить меня.

У меня так и отвисает челюсть. Онемев от шока, я наблюдаю, как Стив режет стейк и отправляет в рот большой кусок.

Проглотив его, он вытирает рот салфеткой и продолжает:

– Я не могу это доказать, потому что наш гид пропал, но зато я могу изводить ее. Не переживай, Элла, ты в безопасности. Это *меня* она так сильно ненавидит.

А вот и нет. Я по-прежнему помню все угрозы, которые она бросала мне, узнав, что я унаследую состояние Стива. К тому же я видела передачи про змей на канале «Дискавери». Они становятся особо опасны, когда чувствуют угрозу. Но я сомневаюсь, что Стив станет слушать мои предостережения. Он делает только то, что ему хочется.

И теперь Дина перемещается в самый верх моего списка подозреваемых. Может, это даже хорошо, что я переехала к ним. Так я смогу не только отыскать компромат на Гидеона, но и доказательства того, что это она убила Брук.

Но тут ко мне возвращается здравый смысл. Если полиция и частные детективы Каллума не смогли найти ничего, указывающего на то, что преступление совершил не Рид, а кто-то другой, то как мне это удастся?

Я с унылым видом гоняю лист салата по тарелке.

– По-моему, тебе лучше не будить спящего медведя. Почему ты просто не разведешься с ней и не начнешь новую жизнь?

– Потому что у Дины всегда заготовлен козырь в рукаве, и мне хочется узнать, что именно. К тому же у меня нет никаких доказательств. – Он протягивает руку, чтобы коснуться моей. – Наверное, было глупо посвящать тебя в эти заморочки, но ты моя дочь, и я больше не хочу терять ни дня твоей жизни. Я уже и так упустил достаточно. Я понимаю, тебе не нравится большинство моих решений. Может, они и правда неудачные. Скажу лишь в свою защиту, что у меня никогда раньше не было дочери. Дай мне хотя бы шанс!

Я вздыхаю. Трудно язвить и огрызаться, услышав от него такие откровения.

– Я попытаюсь, – отвечаю я.

– Спасибо. О большем я и не прошу.

Стив сжимает мою ладонь, а потом откидывается на спинку стула и продолжает поглощать свой стейк. Мгновение спустя к нам вновь присоединяется Дина.

– Звонили из мебельного магазина. Полиция не разрешает им привезти новую кровать, которую ты заказал. – Дина сидит с таким красным лицом, да и голос у нее звучит так, словно она только что чем-то подавилась.

Стив наклоняется ко мне с жесткой улыбкой.

– Дина пользовалась нашей кроватью, чтобы трахаться с мужчиной,

который не был ей мужем, поэтому я решил ее заменить.

Вот это да!

У меня просто нет слов!

Он поворачивается к своей жене.

– Пусть ее оставят на хранении в здании, пока мы снова не въедем.

Ужин проходит в неловком молчании. Дина уходит, чтобы выполнить приказ Стива, а когда возвращается, он и дальше продолжает безбожно гонять ее туда-сюда. Она смиренно подчиняется каждому его слову, но все-таки умудряется то там, то тут отпускать язвительные комментарии в мой адрес. А стоит Стиву отвернуться, как она смотрит на меня со злобной улыбкой, и это лишний раз доказывает мою теорию о том, что змеям нельзя доверять.

– Можно я пойду? – спрашиваю я, когда Стив доедает последний кусок.

Все это просто невыносимо, и после тридцати минут в их компании мне нужен перерыв.

– Мне надо заниматься.

– Конечно, иди. – Когда я прохожу мимо его стула, он берет меня за запястье и притягивает к себе, чтобы чмокнуть в щеку. – Сегодня мы были настоящей семьей, тебе не кажется?

Э-э-э, нет.

Я не могу дать определение тому, что происходит внутри меня. Поцелуй в щеку от моего папы кажется странным. Он по-прежнему остается для меня совершенно чужим человеком, и желание сбежать становится почти нестерпимым.

Я торопливо захожу в свою комнату, и дорогой кожаный чемодан так и манит меня. Я могла бы взять его и уйти, забыть эту странную семейку и эмоции, которые вызывает у меня Стив.

Но я засовываю чемодан в шкаф, достаю домашнюю работу и стараюсь сосредоточиться на ней. Из-за двери раздаются звуки включенного телевизора, потом слышно, как его выключают. Звонит телефон. Еще какая-то возня, но я так и не покидаю своей комнаты.

Наконец, около девяти часов, я кричу, что собираюсь лечь спать. Стив желает мне спокойной ночи. Дина молчит.

Почистив зубы и натянув на себя одну из старых футболок Рида, я залезаю в кровать и набираю его номер.

Он отвечает после второго гудка.

– Привет, ну что, как там у вас дела?

– Жесть какая-то.

– В смысле?

– Стив ужасно третирует Дину. Думает, что она испортила его экипировку, и теперь он мстит, превращая ее жизнь в ад. Что ему прекрасно удастся.

Рид усмехается, явно не испытывая к Дине никакого сочувствия.

– Элла, она же настоящая шлю... с большой буквы «Ш».

– Уф, не произноси этого слова.

– Я и не говорил, лишь намекнул. А что ты там себе придумала – это твои проблемы.

– Ужин был настоящей пыткой, даже хуже, чем когда Брук объявила о своей беременности.

Рид присвистывает.

– Так плохо? Хочешь, я приеду? У тебя же отдельная комната.

– Я хочу, но лучше не надо. Стив такой... я не могу прочитать его. Даже представить боюсь, что он сделает, если поймает тебя здесь.

– Ладно. Но скажи только слово – и я буду у тебя.

Я еще глубже зарываюсь под одеяло.

– Как думаешь, Дина могла это сделать?

– Мне бы хотелось повесить это на нее, но папины детективы говорят, что, когда умерла Брук, она летела международным рейсом из Парижа.

– Черт. – Тогда нет никакого мотива. – А может, она наняла кого-то? Как Дэниел – того парня, что пырнул тебя ножом?

– Я понял, о чем ты. – Он тяжело вздыхает. – Но в здании есть несколько камер наблюдения. Камеры в вестибюле и лифте показали только меня.

– А остальные?

– Камеры на лестнице не показали ничего. Есть еще камеры в служебных лифтах. Ими пользуются персонал, грузчики и курьеры из служб доставки. Но тем вечером они были отключены на техобслуживание, так что и тут ничего.

Мое сердце начинает биться немного быстрее.

– Значит, кто-то мог подняться на служебном лифте.

– Да. Но анализ ДНК тоже указывает на меня. – В его голосе звучит мучительное отчаяние. – К тому же Дина и Брук были подругами, так что какой у нее мог быть мотив? У Брук было трудное детство, потом, в юности, она подружилась с Диной. Им удалось пробить себе дорогу в общество богатых мужчин, и они надеялись заполучить себе обеспеченных мужей. Пару лет назад Дине повезло в этом со Стивом, а Брук положила глаз на папу. Но он не особо хотел надеть ей колечко на палец.

– Как думаешь, а твой папа... – Я не хочу этого говорить, но... Каллум тоже мог нанять кого-нибудь.

– Нет, – резко отвечает Рид, – никто из моей семьи ее не убивал. Может, поговорим о чем-нибудь другом? Где ты?

Я не хочу говорить ни о чем другом, но не спорю, потому что этим вечером было и так много неприятных ситуаций. Еще что-нибудь в том же духе – и я вообще не усну.

– В своей комнате. А ты?

– А я в твоей. – Я слышу, как он втягивает носом воздух. – Здесь пахнет тобой. Ты в моей футболке?

– Ага.

– И?

– Я не собираюсь заниматься с тобой сексом по телефону до тех пор, пока у нас не будет настоящего секса, – ехидно отвечаю я.

– О, бедняжка Элла. Ну ладно, в понедельник в школе я облегчу твои страдания.

От этого произнесенного низким голосом обещания по моему телу пробегают мурашки, но понедельник наступит только через целых сорок восемь часов, так что какой толк в этих разговорах? Я перевожу тему на футбольный матч, и потом мы долго болтаем обо всем и ни о чем, но мне становится лучше уже только от одного звука его голоса.

– Спокойной ночи, Рид.

– Спокойной ночи, детка. И не забудь про понедельник.

Тихо рассмеявшись, Рид вешает трубку.

Проклиная его, я бросаю мобильник на столик у кровати и уже собираюсь выключить свет, как дверь внезапно открывается.

– Какого черта?! – Я резко сажусь в кровати и сердито смотрю на Дину, которая входит в комнату как к себе домой. – Я же закрывала ее!

Она машет в воздухе своим ключом-картой.

– Эти малышки могут открыть любую дверь в этом номере.

О господи, это правда? Я заметила слот для карты под дверной ручкой, но подумала, что дверь можно открыть только *моим* ключом.

– Больше никогда не открывай эту дверь, – ледяным тоном говорю я. – Если бы я хотела, чтобы ты зашла сюда, то пригласила бы тебя сама.

Но этого никогда бы не произошло, потому что меньше всего на свете я хочу, чтобы она оказалась в моей комнате.

Она, словно не услышав меня, перебрасывает свои длинные светлые волосы через плечо.

– Давай-ка кое-что проясним, солнышко. Неважно, отель или пентхаус,

это все равно *мой* дом. Ты здесь просто гостя.

Я поднимаю бровь.

– Разве это не дом Стива?

Дина пронзает меня злобным взглядом.

– Я его жена. То, что принадлежит ему, принадлежит и мне.

– А я его дочь. И он, кстати, после своей смерти завещал все *мне*, а не тебе. – Я сладко улыбаюсь. – Или ты уже забыла?

Взгляд ее зеленых глаз вспыхивает яростью, отчего я тут же жалею о сказанном. Я предупреждала Стива не будить спящего медведя, а сейчас сама делаю то же самое. Да уж, вся в отца.

– Что ж, но он ведь еще жив, не так ли? – На ее губах самодовольная ухмылка. – Думаю, ты вернулась к тому, что имела: ни к чему.

Я молчу, потому что она права. Меня не особо волновали все эти деньги, которые оставил мне Стив в своем завещании, но теперь, когда он воскрес из мертвых, у меня действительно нет ни гроша. Хотя нет, неправда. У меня есть десять тысяч долларов, которые дал мне Каллум, когда я вернулась в Бэйвью после побега.

Я делаю себе мысленное напоминание при первом же удобном случае спрятать наличные.

– У тебя тоже ничего нет, – замечаю я. – Стив держит все под своим контролем, и, по-моему, он был не очень доволен тобой за ужином. Что ты сделала, чтобы так его рассердить? – Я притворяюсь, будто обдумываю что-то. – А, знаю! Может, ты убила Брук?

Дина даже рот открывает от негодования.

– Следи за тем, что мелешь, малышка.

– А что? Я ударила по больному? – Я, прищурившись, смотрю на нее. – Подобралась слишком близко к правде?

– Хочешь правду? Брук была моей лучшей подругой – *это* правда. Я бы скорее убила тебя, чем ее. К тому же теперь мне хорошо известно, что несчастные случаи – не самый лучший способ отделаться от человека. – Она злобно улыбается. – У меня есть пистолет, и я не побоюсь воспользоваться им.

Я таращусь на нее во все глаза.

– Ты только что призналась, что пыталась убить Стива?

О боже. Где диктофон, когда он так нужен?

Дина поднимает подбородок, как будто гордится собой.

– Осторожно, принцесса. Моя любимая фраза о детях: «Видно, но не слышно». Так что пока ты будешь держаться от меня подальше, я буду делать то же самое.

Я не верю ни единому ее слову. Теперь, когда мы живем под одной крышей, она будет мучить меня еще больше, находя в этом какое-то извращенное удовольствие. А то упоминание о пистолете – это была угроза? Боже правый.

– Следи за своим поведением и за языком, – говорит Дина, выходит из моей комнаты и закрывает за собой дверь.

Я остаюсь в кровати. Нет никакого смысла подниматься и запираяться на замок, когда теперь я знаю, что чертову дверь можно открыть любым ключом-картой.

Вздохнув, я выключаю свет и пытаюсь заснуть. Перед глазами вспыхивают картинки: вот Дина целится в меня из пистолета, вот Рид за решеткой.

Сплю я плохо.

* * *

«Не ссорься с С. Оно того не стоит. Все наладится».

Вот такое сообщение присылает мне в понедельник утром Рид, перед тем как отправиться на тренировку, и почти то же самое он говорил мне на протяжении всех выходных.

Этих очень долгих, отвратительных, нескончаемых, унылых, вечных выходных.

Наладится... ага, десять раз.

Стив уже сделал так, чтобы меня уволили с работы, а потом решил, что будет здорово, если я попробую себя в какой-нибудь школьной спортивной команде. Казалось, на этом он от меня отстанет. Но нет, не отстал.

Прошлым вечером он объявил мне, что устанавливает комендантский час. Я должна быть дома к десяти часам вечера и, кроме того, включить на своем телефоне GPS, чтобы он мог следить за моим передвижением. Я сразу же решила, что как можно чаще буду оставлять телефон дома. Нечего ему знать, где я и с кем.

Но самая большая проблема в том, что в пятницу состоится первый матч «Райдерс» в серии плей-офф. Риду разрешили играть, и я отчаянно хочу поехать, потому что решила, что мне уже осточертело его сопротивление. Пока он главный подозреваемый по делу Брук, моя уверенность в нашем будущем с каждым днем становится все более

хрупкой. Если мы должны вести себя как ни в чем не бывало или хотя бы притвориться, что у нас все хорошо, между нами не должно быть никаких преград.

Нам пора заняться сексом. И плевать, если мне придется играть грязно, чтобы это случилось. Так что я собираюсь соблазнить его. Выездной матч идеально подходит для этого, к тому же в тридцати минутах от того города, где будет проходить игра, есть парк развлечений, и многие ученики на следующий день собираются поехать туда. Мой план состоит в том, чтобы использовать все это как предлог и остаться там на ночь.

Но вот только сейчас, когда Стив придумал этот идиотский комендантский час, я не знаю, как смогу все повернуть. Надеюсь, Вэл сегодня поможет мне. Но, так или иначе, я все равно собираюсь поехать на игру.

Закончив расчесывать волосы, я заправляю блузку в юбку и беру рюкзак.

Стив развалился на диване в гостиной и листает газету. Он, вообще, когда-нибудь работает?

Дина сидит за обеденным столом и попивает из фужера апельсиновый сок. А может, это коктейль, потому что вряд ли кто-то стал бы пить обычный сок из фужера.

Она смотрит на меня поверх бокала и насмешливо кривит пухлые губы.

– Не коротковата ли юбка для школы?

Газета Стива с шуршанием опускается вниз. Он с хмурым видом осматривает мою форму.

Я тоже смотрю вниз, на свою белую блузку, расстегнутый синий пиджак и уродливую юбку в клетку.

– Такая у нас школьная форма.

Дина переводит взгляд на своего мужа.

– Я и не думала, что директор частной школы Астор-Парк разрешает своим ученицам одеваться как шлюхам.

У меня отвисает челюсть. Во-первых, моя юбка доходит до самых колен. А во-вторых, как вообще можно говорить такие вещи?

Стив продолжает смотреть на мою юбку, потом кладет газету рядом с собой и поднимает глаза на меня.

– Ступай в свою комнату и переодейся.

Я тоже смотрю ему прямо в глаза.

– У нас такая форма, – повторяю я. – Если тебе она не нравится, высказывай все претензии Берингеру.

Стив показывает пальцем на мои ноги.

– Ты можешь надеть брюки. Уверен, что в нынешние времена это совершенно приемлемый вариант для школьной формы.

Это глупый разговор, и я подхожу к дверям.

– У меня нет брюк.

Ну, вообще-то, есть. Но это безобразные, адски чудовищные штаны цвета хаки, и плевать, что они стоили триста баксов. Я ни за что не надену их на себя.

– Ну конечно, у нее есть брюки, – весело смеется Дина. – Но мы все знаем, почему она не хочет их носить. С юбкой легче иметь дело.

Стив снова хмурится.

– Она права, – говорит он мне. – Я помню себя в юности. Девчонки в юбках всегда были доступными. Такой ты хочешь быть? Доступной Эллой?

Дина хихикает.

Сжав лямку рюкзака, я поворачиваю дверную ручку. Если бы у меня было оружие, то я бы пристрелила Дину.

– Я иду в школу, – холодным тоном говорю я. – Мне уже пришлось пропустить день занятий, чтобы ты мог покататься по Бэйвью. Но сегодня я не собираюсь опаздывать только потому, что у тебя какие-то претензии к моей школьной форме.

Стив подходит и кладет ладонь на дверь.

– Я пытаюсь помочь тебе. Девчонками, которые так откровенно одеваются и ведут себя, только пользуются. Я не хочу, чтобы к тебе так относились.

Я рывком распахиваю дверь.

– Девчонки, которые так откровенно одеваются и ведут себя, просто хотят секса. В этом нет ничего аморального, странного или ненормального. Если я захочу заняться сексом, то так и будет. Это мое тело.

– Но не пока ты живешь в моем доме, – грохочет голос Стива, который чуть не бежит за мной по холлу.

Смех Дины преследует нас до самого лифта.

Я с силой жму кнопку «вниз».

– Тогда я перееду.

– И мне придется вернуть тебя обратно. Ты этого хочешь? – Я молчу. Он досадливо вздыхает, а потом, смягчив тон, говорит: – Я не стараюсь быть плохим парнем, Элла, но ты моя дочь. Каким отцом я буду, если позволю тебе вести беспорядочный образ жизни и спать с парнем?

– Мой парень – сын твоего лучшего друга, – напоминаю я ему.

Быстрее бы уже приехал этот лифт, но, как назло, он ползет на сорок

четвертый этаж мучительно медленно.

– Я знаю. Почему, думаешь, меня так тревожит, что вы встречаетесь? Дети Каллума неуправляемы. И у них *есть опыт*. Я не хочу, чтобы ты водилась с ними.

– Звучит несколько двучленно, не находишь?

– Да. – Он вскидывает руки. – Я этого не отрицаю. Но последнее, чего мне хочется, – это чтобы ты встречалась с парнем, который похож на меня в старшей школе. Я не проявлял к девушкам никакого уважения. Мне лишь хотелось залезть им в трусики. – Стив выразительно смотрит на подол моей юбки. – Закончив с одной, я переходил к следующей.

– Рид не такой.

Стив смотрит на меня с жалостью.

– Милая, я тоже говорил всем девушкам, с которыми хотел заняться сексом, что для меня они особенные и единственные. Поверь мне. Я бы сказал все что угодно, лишь бы девчонка ответила мне «да». – Я собираюсь открыть рот, чтобы возразить, но Стив продолжает. – И, прежде чем ты скажешь, что Рид не такой, позволь мне напомнить тебе, что я знаю этого мальчика уже целых восемнадцать лет, а ты – всего лишь несколько месяцев. Так кто из нас более осведомлен о нем?

– Он не такой, – настаиваю я. – Это не Рид давит на меня, а наоборот.

Стив нервно смеется. Покачивая головой, он говорит:

– Черт, а парень умен, стоит отдать ему должное. Я до такого даже не додумался бы.

Я растерянно моргаю.

– Притворяется, что сопротивляется, и позволяет тебе самой принимать решения. Должно быть, ему это очень нравится. – Стив становится серьезным. – Нет, Элла, тебе придется поверить мне на слово. Рид так много уже всего повидал, что тебе не под силу его изменить. В Асторе полно других мальчиков, куда лучшего него, с которыми ты могла бы встречаться. Может, ты найдешь себе кого-нибудь другого, тогда и поговорим!

Я даже не пытаюсь скрыть свое потрясение.

– Я не такая. Я не предаю людей и не откажусь от Рида.

Я не такая, как ты.

– Что ж, давай посмотрим, как долго продлятся его «чувства» к тебе, когда он не сможет тебя получить? Не будь такой доступной, Элла. Это тебя не красит.

Если бы я была ребенком, которым меня, по-видимому, считает Стив, то прокричала бы ему какое-нибудь оскорбление. Одно уже даже готово

сорваться с губ. Мне так и хочется сказать Стиву, чтобы он перестал судить обо мне по себе, такому жалкому и несчастному. Но я ничего не добьюсь, если буду перечить ему. Наконец приезжает дурацкий лифт.

– Мне пора в школу, – сообщаю я ему и захожу в кабину.

– Занятия заканчиваются без двадцати четыре. В четыре я жду тебя дома.

Двери лифта закрываются.

Когда три минуты спустя я выезжаю из подземного гаража, в висках стучит. Головная боль, вызванная переживаниями, перестает мучить меня, только когда я приезжаю в Астор-Парк.

Какая ирония: место, которое я когда-то ненавидела больше всего на свете, сейчас кажется мне спасительным убежищем.

Глава 17

Рид

Самые худшие выходные в моей жизни, честное слово.

Всю субботу я просидел с Хальстоном Гриером, перепроверяя каждую деталь по моему делу. Мой адвокат утверждает, что ДНК, *моя* ДНК, которую нашли под ногтями Брук, – самое серьезное доказательство, которое есть у копов. Он также признался, что мое оправдание, будто бы Брук поцарапала меня в гневе, может никак не повлиять на присяжных, если дело дойдет до суда, особенно вкупе с видеозаписями с камер наблюдения.

Я даже не помню, чтобы она меня поцарапала. Брук потребовала денег, я рассмеялся в ответ, тогда она замахнулась, чтобы дать мне пощечину, но ее рука так и не коснулась моего лица. Она пошатнулась. Я подхватил ее и оттолкнул от себя. Наверное, тогда Брук и поцарапала меня.

Все это дело – какой-то бред. Я не убивал эту женщину. Но то, что я не увидел на себе следов от ее ногтей, еще не значит, что она не царапала меня. Я предложил пройти тест на детекторе лжи, однако Гриер сказал, что, даже если я пройду его успешно, результаты полиграфа в суде не рассматриваются. А вот если я провалю его, предупредил он, то полиция отыщет способ слить результат прессе, а уж та разнесет меня в пух и прах.

В воскресенье я бродил по дому, скучая по Элле, но не потому, что хочу уложить ее в постель, как думает Стив. Мне не хватает ее компании, ее смеха, ее дерзких замечаний. Стив нашел ей занятие на все выходные, так что мы смогли только пару раз поболтать по телефону и написать друг другу несколько сообщений. Это чудовищно несправедливо, что она больше не живет с нами. Ее место – здесь. Даже папа согласен с этим, но, когда я попробовал настоять, чтобы он поговорил со Стивом, старик лишь пожал плечами и ответил: «Стив – ее отец, Рид. Давай посмотрим, что из этого выйдет».

Когда наконец настает понедельник, я практически умираю от предвкушения. Хотя меня и допустили до тренировок, но тренер все равно дает мне одни бесконтактные упражнения и предупреждает, что я могу не выйти на поле в пятницу. Он по-прежнему бесится из-за моей драки с Ронни на прошлой неделе.

Кстати о Ронни. Этот говнюк несколько раз проходил мимо скамейки, чтобы оскорбить меня, и тихо, чтобы не услышал тренер, буркнул мне: «Убийца».

Плывать я хотел, что он там обо мне думает. Мне важно лишь мнение моей семьи и Эллы, а никто из них не верит в то, что я виновен.

– Ты идешь не в ту сторону, – с ухмылкой говорит Ист, когда после тренировки мы пересекаем южную лужайку. – Разве у тебя сейчас не биология?

Да, у меня биология, но я туда не собираюсь. Элла только что прислала мне сообщение, чтобы я встретился с ней у ее шкафчика. Это в крыле одиннадцатого класса, которое находится в противоположной стороне от крыла двенадцатого.

– Мне нужно кое-куда заскочить, – отвечаю я, и брат многозначительно поигрывает бровям.

– Понял. Передавай привет младшей сестричке.

Войдя в здание, мы расходимся в разные стороны. Ист убегает на свой первый урок, а я направляюсь к шкафчикам. Несколько девчонок мне улыбаются, остальные провожают хмурыми взглядами. До меня доносятся их тихие перешептывания. Я слышу слова «полиция» и «девушка отца».

Любой другой парень провалился бы сквозь землю от стыда, ну а мне просто плевать на этих детишек. Я прохожу мимо них с прямой спиной и высоко поднятой головой.

Когда Элла замечает меня, ее лицо тут же озаряет улыбка. Она бросается ко мне, и я с легкостью подхватываю ее, а потом утыкаюсь лицом в шею и вдыхаю сладкий аромат.

– Привет.

– Привет, – отвечает она. – Я скучала по тебе.

– И я по тебе. – Со стоном произношу я. – Ты даже не представляешь, как сильно.

Но по глазам Эллы понимаю, что представляет.

– Ты все еще расстроен вашей встречей с адвокатом?

– Немного. Но сейчас я не хочу говорить об этом. Я хочу *вот этого*.

Я целую ее, и она издает самый сексуальный в мире звук: что-то между всхлипом и счастливым стоном. Я провожу по ее губам языком, чтобы снова его услышать, и, когда наконец слышу, все тело вытягивается в струнку.

– Кхм.

Громкое покашливание заставляет нас отпрянуть друг от друга.

Я разворачиваюсь и вежливо киваю стоящей за нами учительнице.

– Доброе утро, мисс Уоллес.

– Доброе утро, мистер Ройал, – она недовольно поджимает губы, – мисс Харпер. По-моему, вам обоим уже пора разойтись по своим классам.

Я киваю и беру Эллу за руку.

– Уже идем, – заверяю я рассерженную учительницу. – Я как раз собирался проводить Эллу на урок.

С этими словами мы уходим прочь, но я не веду ее в класс, как обещал. Вместо этого в конце коридора я поворачиваю налево. Когда мисс Уоллес больше не может нас увидеть, я затаскиваю Эллу в первую попавшуюся классную комнату. Это музыкальный класс, и здесь темно, потому что тяжелые золотистые шторы плотно закрыты.

– Что мы делаем? – через смех шепчет Элла.

– Заканчиваем то, что начали, – отвечаю я, мои руки уже ласкают ее стройные бедра. – Одного поцелуя было мало.

С этой девчонкой мне всего мало. Не знаю, как я жил без нее. Да, я встречался с другими девушками, с некоторыми даже спал. Но я всегда был чертовски избирательным. Никому никогда не удавалось удержать мой интерес больше чем на две недели.

Но к Элле это не относится. Она завладела мной в ту же секунду, как я ее увидел, и по-прежнему она во мне: в моих мыслях, в моей крови, в моем сердце.

Наши губы снова встречаются, и этот поцелуй более страстный, чем предыдущий. Ее язык у меня во рту, мои руки на ее заднице, и, когда Элла начинает прижиматься к моему паху, я теряю всякую связь с реальностью.

– Давай-ка сюда, – притягивая ее к учительскому столу, шепчу я.

Элла запрыгивает на него, и я тут же встаю между ее бедер. Она обвивает ногами мою талию, и мы тремся друг о друга в едином ритме. Это чертовски сексуально. И даже еще сексуальнее, потому что мы находимся в школе, и я слышу звуки шагов по коридору.

– Мы не должны заниматься этим здесь, – задыхаясь, говорит Элла.

– Наверное. Но тогда скажи мне остановиться. Давай, ну же.

Я не собираюсь заниматься с ней сексом, но и не могу не прикасаться к ней, и еще я знаю, как сделать ей хорошо. Я ставлю ее на первое место, пусть и не в том смысле, о котором говорил ее отец. Да и пошел этот Стив куда подальше!

Элла снова смеется.

Засунув руку под ее юбку, я подмигиваю ей.

– А мне нравится этот легкий доступ.

В ответ звучит ее удивленный смешок.

– Что такое? – нахмурившись, спрашиваю я.

– Ничего. – Она широко улыбается, а потом ахает от удовольствия, когда мои пальцы находят ее.

Но Элла не отталкивает меня, а, наоборот, выгибается навстречу моей жадной руке. Ее руки лихорадочно расстегивают пуговицы моей рубашки.

– Мне нужно прикоснуться к тебе, – шепчет она.

Я только «за». От прикосновения ее миниатюрных теплых ладоней к моей голой груди меня кидает в жар. Мы никогда не занимались ничем подобным в школе, но Стив сделал все, чтобы нам было почти невозможно заниматься этим за ее пределами. Он даже не разрешил мне прийти к Элле в гости в отель.

Наши поцелуи становятся все более лихорадочными. Я засовываю в нее один палец: хочу заставить ее кончить прямо перед занятиями, чтобы потом целый день она могла думать только обо мне. Может, я повторю это во время ланча, отведу ее в туалет, прозванный Уэйдом «интим-зоной», и...

Вдруг дверь в класс распаивается, и комната заливается светом.

Мы с Эллой резко отстраняемся друг от друга, но поздно. Высокий седовласый учитель музыки, появившийся в дверном проеме, уже увидел, как я быстро достал руку из-под Эллиной юбки, а также мою расстегнутую рубашку и наши припухшие губы.

Недовольно вздохнув, он рявкает:

– Приводите себя в порядок, а потом бегом к Берингеру.

Вот дерьмо.

* * *

Директор звонит нашим родителям. Я уже вне себя, когда в приемную директора входят папа и Стив, потому что... да ладно вам! С каких пор Берингер пускает в ход тяжелую артиллерию всего лишь из-за двух старшеклассников, которые нежничали в школе? Это случается здесь на каждом шагу. Черт, да Уэйд даже занимается в школе сексом!

Но скоро все встает на свои места. Потому что как только Стив залетает в кабинет Берингера, то тут же жмет ему руку и говорит:

– Спасибо, что позвонили мне. Я боялся, что нечто подобное произойдет.

Элла, сидящая на стуле рядом со мной, становится красной как помидор. Ей явно неловко из-за того, за чем нас поймали, но и в ее глазах полыхает огонь гнева. Она, как и я, поняла, что за всем этим стоит Стив.

Наверное, он предупредил учителей, чтобы те следили за нами.

– Вставай, – говорит Стив Элле. – Ты возвращаешься домой вместе со мной.

Она с негодованием отвечает:

– Нет! Ты не можешь снова забрать меня из школы. Я больше не хочу пропускать занятия, Стив.

– Но до этого у тебя не было проблем с тем, чтобы пропускать занятия. Франсуа говорит, что ты опоздала на первый урок на десять минут, – ледяным тоном говорит Стив.

Элла умолкает.

Папа почему-то тоже необычно молчалив. Он смотрит на меня с неопределенным выражением лица. Это не неодобрение, не разочарование. Но что именно, я никак не могу разобрать.

– Такое поведение недопустимо, – продолжает кипятиться Стив. – Это храм науки.

– Да, действительно, – холодно соглашается с ним Берингер. – И уверяю вас, мистер О’Халлоран, мы не будем мириться с такого рода инцидентами.

Я даже открываю рот от изумления.

– Да неужели? А то, что Джордан Каррингтон приклеила на скотч девятиклассницу у парадного входа, – это, по-вашему, нормально?

– Рид, – одергивает меня отец.

Я разворачиваюсь к нему.

– Что? Ты же знаешь, что я прав. Джордан, черт подери, *напала* на другую ученицу, а он, – я грубо тычу пальцем в директора, – допустил, чтобы это сошло ей с рук. Нас с Эллой застукали за тем, что мы целовались как два нормальных подростка, и...

– Нормальных подростка? – резко усмехнувшись, повторяет Стив. – На этой неделе в суде будет слушание по твоему делу, Рид! Тебе предъявляют обвинение в убийстве.

Во мне вспыхивает раздражение. Господи, зачем постоянно напоминать мне об этом? Я прекрасно знаю, в каком тяжелом положении сейчас нахожусь.

И тут до меня доходит, что именно он сказал.

– Что за слушание? – спрашиваю я у отца.

Выражение его лица резко меняется.

– Мы обсудим это, когда ты вернешься домой после школы.

– Вы можете обсудить это по дороге домой, – вмешивается Берингер, – потому что я отстраняю Рида от учебы на два дня.

– Какого черта? – со злостью спрашиваю я.
– Следите за языком, – резким голосом говорит директор. – И вы меня слышали. Отстранение от учебы на два дня.

Он переводит взгляд на Стива.

– Элла может остаться в школе, если вас это устраивает.

После долгого, напряженного момента тишины Стив кивает.

– Меня это устраивает. Если его здесь не будет, она может спокойно остаться.

Стив говорит «его» таким тоном, как будто у меня вирус Эбола. Я этого не понимаю, совершенно. В прошлом у нас со Стивом никогда не было проблем. Мы не были близки, но и не враждовали. Теперь же я чувствую столько неприязни к себе, что она едва не душит меня.

– Тогда все улажено. – Берингер подходит к своему столу. – Мистер Ройал, я освобождаю Рида под вашу ответственность. А вы, Элла, можете вернуться в свой класс.

Она в нерешительности застывает на месте, но Стив сердито смотрит на нее, и Элла быстро подходит к двери. Перед тем как выйти из кабинета, она бросает на меня полный отчаяния взгляд. Уверен, на моем лице отражаются те же самые чувства.

Стоит ей уйти, как раздражение Стива тут же обрушивается на меня.

– Держись подальше от моей дочери, Рид.

– Она моя девушка, – сквозь зубы отвечаю я.

– Больше нет. Я попросил тебя уважать ее и думал, что ты прислушаешься, – тогда я был бы совсем не против, чтобы вы встречались. Но после того, что произошло сегодня утром, я изменил свое решение. – Затем он обращается к отцу. – Наши дети только что расстались, Каллум. Если я снова увижу их вместе или услышу об этом, у нас с тобой будет серьезный разговор.

Сказав это, он выходит из кабинета и хлопает дверью.

Глава 18

Элла

Второй день подряд я приезжаю в школу злая как черт. Вчера Стив и Дина спустили на меня всех собак из-за юбки. Сегодня Рид сидит дома, потому что его отстранили от занятий из-за моего отца, который помешался на своих родительских обязанностях. Единственный плюс во всем этом – я так зла на Стива, что у меня нет сил волноваться из-за Дины.

Поверить не могу, что отец приказал Берингеру заставить учителей следить за нами! Чер-те что. Заезжая на школьную парковку, я все никак не могу успокоиться. К счастью, на лужайке перед школой я замечаю Вэл, и это поднимает мне настроение.

– Эй, секси! – кричу я ей из машины.

Она поворачивает в мою сторону свою темноволосую голову со стрижкой боб, держа средний палец наготове. Но как только Вэл понимает, что это я, то тут же бежит ко мне.

– Привет! Я уже начала волноваться за тебя. Ну что, выслушала вчера после школы лекцию?

Я въезжаю на свободное место и глушу двигатель.

– Еще бы!

Подруга уже в курсе вчерашней идиотской ситуации, потому что весь ланч я только и делала, что жаловалась ей на это, а потом еще добрых минут десять плакалась на то, что не смогу поехать на выездной матч и соблазнить Рида. И у меня не будет первого секса!

– И что было? – спрашивает Вэл, пока я вылезаю из машины, прихватив свой рюкзак.

– Было много споров, криков и взаимных оскорблений. В итоге Стив сказал, что мне пора перестать быть такой доступной, что парни не считают это привлекательным.

Вэл морщится.

– Хм, ерунда какая-то.

– Стало совсем невыносимо, я уже хочу как можно больше времени проводить в школе.

– Да ладно, не так уж все и плохо, – говорит Вэл, зная мое отвращение ко всему, что связано с Астором. – Тебе только так кажется, потому что ты

не привыкла к родителям, которые устанавливают свои правила, и все такое. Судя по тому, что ты рассказывала, в вашей семье ребенком была твоя мама, а не ты, да и Каллум позволяет своим сыновьям делать все что им вздумается, следя лишь, чтобы они совсем с катушек не слетели.

– То есть ты хочешь сказать, что Стив ведет себя совершенно нормально? – с вызовом спрашиваю я.

Вэл пожимает плечами.

– Ну, аномальным это точно не назовешь. Просто, по-моему, твоя мама и Каллум более снисходительны по сравнению с другими родителями.

– Но тебе можно устраивать дома вечеринки. И тебе не установили комендантский час.

Она смеется.

– Кто тебе сказал? Мне нужно быть дома к десяти часам по учебным дням, а по уик-эндам – в двенадцать, если я заранее не предупрежу дядю Марка или тетю Кэти. И мне ни за что не позволят оставить парня на ночь. С Тэмом все было просто, потому что он жил в этом же доме. – Тэм – сын экономки Каррингтонов. – Уверена, многие родители не позволяют девочкам оставлять мальчиков на ночь. Как думаешь, почему еще Уэйд так много занимается сексом в школе? Его мама очень строгих правил. – Она хлопает меня по плечу. – Может, Стива и заносит, но это лишь означает, что ему не все равно. Не принимай это близко к сердцу.

Может, она права? У меня почти не было опыта воспитания нормальными родителями, но вот у Вэлери, думаю, он есть, и подруга утверждает, что поведение Стива – совершенно обычное. Может, я просто слишком эмоционально реагирую?

Наверное. Но все равно мне не нравятся все эти правила, и я вряд ли когда-нибудь с ними смирюсь.

– Даже если все это в порядке вещей, мне не хочется так жить, – признаюсь я по дороге к зданию школы.

– Просто пережди, – советует Вэл. – Для вас обоих все это в новинку. Ты еще ребенок, а Стив пытается быть взрослым. Понятное дело, между вами будут возникать конфликты. Но уверена, ты что-нибудь придумаешь.

– Я не ребенок, мне семнадцать.

– Ха! Вот в этом ты ошибаешься. Моя мама всегда говорит, что неважно, сколько мне лет, для нее я навсегда останусь малышкой. Это же родители, они такие. – Она толкает мое плечо своим. – Если честно, я думаю, это даже круто, что он воскрес из мертвых. Ты больше не одна.

Но дело в том, что еще до возвращения Стива я уже не чувствовала себя одинокой. Вот где не складывается пазл. Стив не заполняет никакой

пустоты. Ройалы уже сделали это, а он лишь пытается вытолкнуть кого-нибудь, чтобы занять освободившееся место.

Вэл, похоже, видит мои сомнения.

– Не ломай себе голову, думая об этом. Ты должна выступить со встречным предложением.

– То есть?

– Стив не хочет, чтобы ты была с Ридом, потому что?..

– Он говорит, что Рид безбашенный и хочет от меня только секса.

Вэл задирает голову к небу, словно молит о терпении.

– Милая, Стив ведет себя как любой отец!

Но во мне снова просыпается желание защитить Рида. Такое ощущение, что я все время его от чего-нибудь защищаю.

– Может, Рид когда-то и думал только о сексе, но точно не сейчас. И он не ведет себя как Истон. Не спит с кем попало. Он избирательный.

Вэл открывает рот, чтобы ответить мне, но звонок прерывает ее.

– Вернемся к этому разговору попозже. Давай встретимся в южном туалете во время перерыва на ланч? Тогда и продолжим.

– В южном туалете? – Я понятия не имею, о чем она говорит.

– Это тот, что рядом с мужской раздевалкой. Уэйд часто им пользуется в личных интересах.

Сказав это, она уходит, оставив меня в раздумьях, не придираюсь ли я к Стиву.

После звонка я, притормозив у шкафчика, чтобы положить учебники, спешу в южный туалет. На его поиски у меня уходит минут десять, потому что эта школа нереально огромная.

Толкнув дверь, я замираю на месте: в туалете полно девчонок. Вэл красит губы перед зеркалом у самой дальней раковины, и я быстрым шагом подхожу к ней.

– Почему здесь так много народа? – шепчу я ей. – Я думала, что Уэйд занимается здесь сексом.

– Да, но в мужском туалете. – Она причмокивает ярко-красными губами. – А это женский.

– Ну да, точно.

Хм, почему-то я думала, что у нас будет разговор наедине.

– У группы поддержки дополнительные репетиции перед выступлением на выездном матче. Видимо, школа Гибсон-Хай – их главный соперник в чемпионате штата по танцам, – объясняет Вэл, убирая помаду в сумочку. – Ладно, речь не о них. Я тут подумала и решила, что тебе нужно обратиться за помощью к Каллуму. Чтобы он работал на тебя.

– Не думаю, что от этого что-то изменится. Каллум уже сказал Стиву, что я должна жить с Ройалами, но Стив посмотрел на него убийственным взглядом и за волосы выволок меня из их дома.

Вэл чуть улыбается.

– Прямо-таки за волосы?

– Ладно, не за волосы, но ощущения были такие же.

– Я просто пошутила. Мне нравится смотреть, как ты выходишь из себя из-за того, что тебе запретили встречаться с Ридом. Порой ты вся такая собранная, что аж смотреть противно. – Подруга на мгновение умолкает. – Какие слабости есть у Стива?

Я встречаюсь взглядом с ее отражением в зеркале.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда я хочу чего-нибудь от своей тети, то иду на какую-нибудь жертву, зная, что ей это понравится. Например, я хочу пойти на концерт. Тогда я говорю ей, что буду очень много заниматься, делать дополнительную работу по дому, короче говоря, заставлю ее поверить, что я просто золото, а не ребенок. А *потом* попрошу билеты на концерт.

– Она знает, что ты ею манипулируешь? – спрашиваю я.

– Конечно. У нас такая игра. Она видит, какая я ответственная, становится мягкой и пушистой, а я получаю награду за свои старания.

– Мой папа согласится на все, что я попрошу, если я напишу ему целый лист обоснованных причин, зачем мне это нужно, – встревает в наш разговор какая-то девчонка, которая стоит рядом со мной.

Я бросаю на нее сердитый взгляд в зеркало, но ей, кажется, все равно. Или она вообще не замечает его, потому что красит тушью ресницы.

– Моей маме, прежде чем сказать «да», нужно посоветоваться еще с десятью мамочками, – говорит другая девчонка, что стоит у двери.

Я сердито смотрю на Вэл, потому что мне не нравится, что все здесь осведомлены о моих проблемах. Подруга чуть улыбается мне в ответ, ее глаза лукаво поблескивают.

– Что ты хочешь? – спрашивает девчонка у двери. По-моему, ее зовут Хейли.

Блондинка рядом со мной ухмыляется.

– Она хочет Рида, верно?

Сначала я ощущаю жуткий дискомфорт. Мне не хочется обсуждать свою личную жизнь с незнакомыми мне людьми. Но эти две девчонки выглядят... дружелюбными.

Поэтому, вздохнув, я прислоняюсь к раковине.

– Я хочу поехать на выездной матч, но мой... – мне сложно

произносить это слово, и я словно выплевываю его, – мой отец мне не позволит.

– Он чересчур опекает тебя? – спрашивает блондинка.

– Наверное, пытается наверстать упущенное, – предполагает Хейли.

– А, точно! – восклицает блондинка. – Твой отец – Стив О’Халлоран. Я и забыла о его грандиозном воскрешении!

Вэл усмехается.

– Да, тогда он точно пытается наверстать упущенное, – соглашается Блонди.

Вэл прислоняется ко мне.

– Видишь? – Она легонько толкает меня локтем. – Все это абсолютно нормально.

– Конечно, – соглашается Хейли. – Когда папа нашел в моей машине презерватив, то его чуть удар не хватил! А на следующий день мама отвела меня в клинику, и мне назначили противозачаточные. Она попросила меня хорошенько их прятать и в следующий раз быть осторожнее.

– Но это твое тело, – выразительно говорю я.

Она подходит ближе.

– Твой папа будет контролировать тебя, пока тебе самой не стукнет лет пятьдесят. Моей старшей сестре двадцать шесть, у нее есть диплом юриста, но, когда она приехала на Рождество со своим парнем, родители заставили его спать в подвале. Папы превращаются в настоящих дьяволов, когда речь заходит о сексе.

– Но у Эллы нет мамы, чтобы та разрулила все проблемы, – напоминает Блонди.

Я смущенно переминаюсь с ноги на ногу. Мне так не по себе, что все в этой школе знают каждую деталь моей жизни!

Хейли постукивает пальцем по своему подбородку.

– По-моему, Кейти Пруетт тоже живет только с папой, да?

– Ага, – говорит брюнетка с курчавыми волосами, прислонившись к двери четвертой кабинки. – И она точно занимается сексом с Колином Трентхорном. У них был первый секс, когда она училась в десятом классе.

– А ее папа знает?

– По-моему, он притворяется, что ничего не знает, но она принимает противозачаточные, значит, что-то он все-таки должен понимать.

– Ну, моя мама сказала папе, что мне их нужно принимать из-за месячных, – говорит Хейли, – так что, может быть, Кейти использует эту же отмазку.

– Мне не нужны отмазки для противозачаточных, – говорю я им. – Я

пью их с пятнадцати лет.

Но лишь потому, что у меня действительно очень болезненные месячные, а не потому что моя мама волновалась о том, что я залечу.

– Мне нужна отмазка, чтобы на всю ночь уехать из города.

– Скажи, что останешься у подруги.

– И спрятать машину, пока будет идти матч? Это не сработает, – нетерпеливо отвечает Вэл. – Все знают Ройалов, и кто-нибудь по-любому скажет, что Элла была на игре.

Со всех сторон доносится сочувственное бормотание.

– Тем более что Каллум тоже собирался приехать на матч. Вдруг он сам сдаст меня Стиву, – говорю я им.

Меня вдруг перестает смущать, что все эти девчонки пытаются давать мне советы, сама не знаю, почему. В каком-то смысле мне это даже нравится.

Но, пока все размышляют над поиском решения, звенит звонок. Девчонки дружно вскидывают головы и начинают лихорадочно суетиться, поправляя макияж и собирая свои вещи.

– Мы что-нибудь придумаем, – говорит по дороге к двери Хейли.

Остальные выходят вслед за ней, и все до единой машут мне рукой на прощание.

– Это было... – я не договариваю фразу, с оторопелым видом уставившись на Вэл.

– Весело? Полезно? Занятно? – Подруга ухмыляется. – Не все здесь такие уж ужасные. Тем более что теперь ты знаешь, что поведение Стива вполне нормальное. Просто нужно придумать, как с ним поладить.

Все еще пребывая в смятении, я лишь киваю в ответ. Ну ладно, наверное, он и правда ведет себя *нормально*.

– Я говорю своим родителям то, что они хотят услышать, а потом делаю то, что хочу, – произносит знакомый ледяной голос.

Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда из одной кабинки выходит Джордан.

– Ты только что выползла из канализации или стояла там все время? – спрашиваю я.

– Сознаюсь, стояла там все это время и подслушивала, – как ни в чем не бывало отвечает она. – Значит, хочешь немного поразвлечься с Ридом Ройалом, хм?

Я молчу. Эта девчонка ненавидит меня с тех самых пор, как я ступила на территорию частной школы Астор-Парк. Когда меня попросили пройти прослушивание в группу поддержки, Джордан оставила мне костюм

стриптизерши. Думаю, она посчитала, что мне станет стыдно выходить в таком виде из раздевалки, но я надела костюм, вышла в зал и съездила ей по физиономии.

– Может быть, – наконец говорю я.

– Тогда тебе понадобится моя помощь.

Она отталкивает Вэл с дороги и протягивает ладони под автоматический дозатор мыла.

– Нет. Я обратилась за помощью к Вэл.

Джордан моет руки, стряхивает капли воды, а потом берет бумажное полотенце из стопки в корзинке рядом с раковиной.

– Но вот Вэл здесь, а еще были шесть девчонок из моей команды, но вы так и не смогли ничего придумать, – с нахальным видом говорит она. – Зато у меня нашлось совершенно идеальное решение.

Что-то я в этом сомневаюсь, но из-за ее уверенного тона мои ноги словно приклеиваются к полу.

– Зачем тебе помогать мне?

Я с подозрением рассматриваю ее, но на лице Джордан невозможно ничего прочесть. Черт, в покере ей не было бы равных!

Она бросает полотенце в мусорную корзину.

– Затем, что ты будешь мне должна.

Должна ей? Звучит жутко. Но... если у нее и правда есть решение моей проблемы?

– Что ты хочешь взамен? – настороженно спрашиваю я.

– Окажешь мне услугу потом.

Джордан вытаскивает из сумки маленькую баночку и наносит на свои идеальные губы немного блеска.

Я наблюдаю за ней, гадая, когда змея ужалит меня.

– Что за услугу?

– Пока не знаю. Будет зависеть от того, что я захочу.

– Сначала скажи мне, что ты придумала.

Я ожидаю, что она скажет «нет», но Джордан удивляет меня.

– Конечно. – Она убирает блеск. – Ты хорошо танцуешь. Лейла Ханселл недавно потянула лодыжку, прыгая на батуте со своей младшей сестрой. Ты могла бы занять место Лейлы в команде.

– Черт! – Это говорит Вэл.

Действительно черт! Это и правда идеальное решение! Стив хочет, чтобы я помимо школы занималась еще чем-то. Танцы – единственное, к чему у меня есть талант и лежит душа. Группа поддержки тоже поедет на выездной матч, я буду на поле, а Стива можно будет убедить, что я хочу

провести немного времени в компании остальных ребят из Астора.

Этот план просто дьявольски гениален.

Джордан самодовольно ухмыляется.

– Мне нужно получить твой ответ до конца дня. Можешь написать его Вэл. А теперь пока-пока.

Она, покачивая бедрами, выходит из туалета, ее темные волосы раскачиваются в такт шагам.

– Я стала ненавидеть ее еще больше, – говорю я Вэл.

– Понимаю тебя. – Подруга закидывает руку мне на плечо. – Но, черт подери, это отличная отмазка!

– Очень хорошая, – с мрачным видом соглашаюсь я. – Лучше не придумаешь.

Глава 19

Элла

– Что ты здесь делаешь? – восклицаю я, увидев Рида, который стоит, прислонившись к моей машине. – Тебя же отстранили от занятий!

Он закатывает глаза.

– Занятия закончились. И что они сделают? Снова отстранят меня за то, что я стою на парковке?

Действительно.

Я подхожу к нему и обнимаю, но он принимается целовать меня так долго, что мне становится нечем дышать. Когда Рид отпускает меня, я улыбаюсь глупой улыбкой.

– Ты выглядишь счастливой. – Он с подозрением прищуривает глаза. – Что случилось?

Я начинаю хохотать.

– А мне нельзя быть счастливой?

Он широко улыбается.

– Конечно, можно. Но только, когда мы разговаривали в последний раз, ты грозила дать Стиву по морде из-за всех его бредовых правил.

– Думаю, я нашла способ обойти его правила.

– Да? И как?

– Скоро узнаешь, – с загадочным видом отвечаю я, потому что хочу, чтобы все сработало. Я не до конца уверена в том, что Стив купится на это, и нет смысла заранее обнадеживать Рида. – Мы с Вэл работаем над секретным проектом.

– Что за проект?

– Я же только что сказала тебе, что он секретный.

Рид упирается локтем в крышу машины.

– Мне уже стоит начинать волноваться?

Проведя рукой по его груди, я опускаю ее на его ремень. Каким-то непостижимым образом Риду удастся даже в черных брюках карго и синем свитере выглядеть так же сногсшибательно, как если бы он был с голой грудью.

– Тебе всегда нужно волноваться, – поддразниваю я его, потянув за ремень.

Я устала все время нервничать, бояться и страдать. Я хочу наслаждаться обществом Рида и каждым мгновением, проводимым с ним. А весь остальной мир может катиться к чертям.

Мы прижимаемся друг к другу. Его ладонь ползет вниз вдоль моего тела и останавливается на попе. Мои губы приоткрываются в ожидании нового поцелуя, наше дыхание сливается в одно, мы словно отключились от реальности...

– Вы только посмотрите на них! – говорит кто-то, проходя мимо нас. – Сладкая парочка паршивых овец.

Рид поднимает голову.

– У тебя какие-то проблемы, Флеминг? Скажи мне их в лицо.

Я наблюдаю, как парень с темными короткими волосами вжимает голову в плечи и быстро уходит прочь.

– Ну да, так и думал, – бормочет Рид.

– Придурок, – со злостью говорю я.

Рид берет меня за подбородок.

– Не расстраивайся из-за этого, детка. Пусть себе говорят что хотят. Нам от этого ни холодно ни жарко.

Легонько ущипнув мою щеку, Рид целует меня в губы. Мне до смерти хочется продлить этот поцелуй, но тогда я опоздаю. Я неохотно отстраняюсь от него.

– Мне нужно возвращаться в гостиницу. Если я не появлюсь там ровно в четыре ноль ноль, Стив, наверное, запрет меня в подzemелье.

Рид усмехается.

– Позвонишь вечером?

– Конечно.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня на прощание, и по тому, как его пальцы впиваются в мои ягодицы, я понимаю, что это будет долгий, глубокий поцелуй. О боже. Мне нужно побыстрее выбираться из его объятий, пока я не растеклась, как мороженое на солнце.

– Ну все, напишу тебе попозже.

Он уходит к своему «роверу», а я, подождав, пока он уедет, набираю номер Вэл. Поставив телефон на громкую связь, я выезжаю с парковки.

– Какие могут быть минусы у этой сделки? – спрашиваю я, как только она берет трубку. – О каких услугах может попросить меня Джордан? Знаешь ли, мне совсем не хочется приклеивать к школьной стене какую-нибудь девчонку только потому, что она заговорила с парнем Джордан.

– Я думаю об этом с самого ланча, – отвечает Вэл.

– И?

– Мне кажется, что если она попросит тебя о чем-то, это еще не означает, что ты должна будешь выполнить просьбу. Ты должна ей ответную услугу – *любую*, а не какую-то особенную.

– Хороший аргумент. – Я давлю на педаль газа, хотя ненавижу быструю езду, да и вообще управлять машиной, но особенно ехать быстро. Однако если я не потороплюсь, то опоздаю. – Мне нравится ход твоих мыслей.

– Например, она попросит тебя сделать что-то, чего ты совершенно не хочешь. Тогда ты просто скажешь ей придумать что-нибудь другое.

– И правда. Так я сдержу слово, если соглашусь на ее предложение, но право вето на всякое дерьмо все равно позволит мне выполнить условия договора.

– Вот именно, – соглашается Вэл. – Значит, ты собираешься согласиться?

– Думаю, да.

Предложение Джордан решает все мои проблемы. Стив хочет, чтобы я включилась в общественную жизнь школы и из-за этого меньше виделась с Ройалами. Мне нравится танцевать. Пока что единственный минус здесь в том, что мне придется проводить время с Джордан.

– Это ведь временно, пока не вернется та девчонка, – говорю я. – Так что на самом деле я буду просто ее заменой.

– Ты хочешь, чтобы я передала ей твое «да»? – спрашивает Вэл.

– Она сейчас рядом с тобой? Дважды моргни, если ты в опасности, – въезжая в гараж отеля, шучу я.

Вэл смеется.

– Нет, она на тренировке. И знаешь, тебе это понравится. Джордан составила расписание так, что группа поддержки занимается в одно время с футболистами.

– Здорово! – Я улыбаюсь сама себе. – Ладно, скажи ей, что я в деле и выполню свою часть сделки, когда она захочет.

Вэл снова усмехается.

– Вас понял! Доставлю ей сообщение, когда она вернется домой.

* * *

Лифт не понимает, что я опаздываю уже минут на пять, и целую вечность поднимает меня на сорок какой-то там этаж. Но когда я вхожу в номер в десять минут пятого, Стива дома нет, только Дина.

– Ой, вы посмотрите на нее! – презрительно усмехается она с кожаного дивана. – Какая на удивление послушная! Как маленькая собачка, которая прибегает по первому зову, садится, когда ей приказывают сесть, встает, когда ей приказывают встать.

В ее руке очередной бокал, а может, это все тот же, что был утром, только Дина наполняла его в течение дня.

Меня так и подмывает съязвить, чтобы она нашла работу, но потом я напоминаю себе, что Дина совсем недавно потеряла подругу, а Стив то и дело издевается над ней. Однако он считает, что она пыталась убить его, а это может быть не так уж далеко от истины, принимая в расчет, какая она ведьма.

– Я иду в свою комнату, – проходя мимо, говорю я. – Мне нужно делать домашнюю работу.

Сочащийся ядом ответ прилетает мне в спину.

– Твой отец принес тебе подарок, принцесса. Он лежит на кровати.

То, каким тоном она это говорит, подсказывает мне, что этот подарок мне не понравится, чем бы он ни оказался.

И, конечно, вытряхнув на кровать содержимое пакета, я смотрю на три пары хлопчатобумажных штанов цвета хаки.

Жаль, что в этом номере нет камина.

– Слышала, на этой неделе у футбольной команды выездная игра, – встав в дверях, нараспев произносит Дина.

Я поднимаю на нее глаза. Она стоит, прислонившись к косяку: свободного края брюки скрывают длинные ноги, а сверху надет полупрозрачный топ с цветочным узором. Не слишком ли она разоделась, чтобы просто посидеть дома? Интересно, с кем она встречалась?

– И откуда ты это знаешь? Шантажируешь еще одного несчастного ученика Астора?

Дина ухмыляется.

– Думаешь, Гидеон только поэтому со мной спит? Дорогая, ты так очаровательно наивна! Ты когда-нибудь слышала, чтобы Ройалы делали то, чего не хотят? – Ее рука опускается на талию, словно она хочет лишний раз напомнить о своей стройности. – Гидеон никак не может насытиться мной.

Я сдерживаюсь, чтобы не изобразить рвотный позыв, и холодно отвечаю ей:

– Я знаю, что ты шантажируешь его.

– Он так пытается оправдаться? – Она выпячивает вперед свой аккуратный подбородок. – Он спит со мной, потому что хочет этого, потому что не может без меня.

Уф, я больше не в силах все это слушать!

– Тогда почему ты все еще замужем за Стивом? Это же очевидно, что вы двое не любите друг друга. – Я убираю штаны обратно в пакет и ставлю его на пол.

– О господи! Ты думаешь, люди поэтому женятся? Потому что любят друг друга? – Дина заливается смехом. – Я вышла замуж за Стива только ради его денег, и он это знает. Именно поэтому он обращается со мной как с куском дерьма, но не беспокойся, он заплатит за каждое сказанное им слово. – Она показывает рукой на свой наряд. – Нравится? Он обошелся ему в три тысячи долларов. И каждый раз, когда Стив ведет себя со мной как последний козел, я трачу чуть больше денег, чем обычно. А когда я с ним, то представляю себя с Гидеоном.

– Ну и мерзость!

Я подхожу к двери и выталкиваю ее из комнаты. Дина – мой главный подозреваемый на роль убийцы, но в большей степени лишь потому, что я на дух ее не выношу. А вот найти доказательства, которые бы указали на нее, – это проблема.

– Мне пора заниматься.

Я захлопываю дверь прямо у нее перед носом, а потом достаю листок бумаги, на котором вывожу «Дина». Под ее именем я пишу слова «средства», «мотив» и «возможность».

Потом я где-то час пялюсь на этот лист, так больше и не написав ни единой проклятой буквы.

* * *

Я все еще прячусь в своей комнате, разрисовывая листочек с надписью «Дина» под серию «Оранжевый – хит сезона»^[8], запущенную на ноутбуке, когда в мою дверь стучится Стив.

– К тебе можно? – спрашивает он.

Я засовываю листок бумаги под ноутбук и вскакиваю на ноги.

– Да.

– Как дела в школе? – просунув голову в дверь, спрашивает Стив.

– Хорошо. Как на работе?

Я беру со спинки стоящего у окна стула толстовку и натягиваю ее на себя.

Стив недовольно пялится на нее, угадав по размеру, что она принадлежит не мне, а Риду.

– Хорошо. Команда конструкторов приближается к окончанию работы над прототипом ультразвукового средства доставки.

Я поднимаю бровь.

– Это не опасно?

Стив пожимает плечами.

– В первую очередь это экспериментальный летательный аппарат, который иногда будет использоваться как БЛА. – Заметив мой непонимающий взгляд, он объясняет: – Беспилотный летательный аппарат.

– Дрон?

Стив задумчиво кивает головой.

– Можно и так сказать, но это будет не совсем точно. Задумка такая же, только наш намного сложнее. По сути, БЛА запускаются в верхние слои атмосферы, как ракета. Не так весело, как летать на самолете, но, к сожалению, большинство военных самолетов управляется автоматически.

Он выглядит расстроенным, и я сразу же вспоминаю, как Каллум рассказывал мне, что Стив обожает испытывать самолеты, но почти не проявляет интереса к их разработке, производству и продаже.

– Так, наверное, безопаснее, – говорю я первое, что приходит в голову.

– Наверное. – Уголки его губ кривятся в печальной усмешке. – Мне вскоре становится скучно. Каллум выгнал меня с заседания, потому что я пускал по комнате бумажные самолетики.

Скучно ему, значит? И потому он с такой энергией бросился играть роль отца? Это что-то новенькое, а он как раз пробовал найти то, что заинтересует его?

По-моему, именно это и пытались втолковать мне сегодня девчонки, так что, наверное, и во всем остальном они тоже правы. Я лишь должна научиться справляться с ним. А как только мне стукнет восемнадцать, я раз и навсегда верну себе контроль над собственной жизнью.

– Я подумала о том, что ты сказал мне сегодня утром, – объявляю я Стиву.

– Правда? – Он прислоняется к столу, его пальцы задевают край ноутбука. Показывается уголок листа с первой буквой «Д». Занервничав, я подхожу ближе.

– Да. Я собираюсь попробовать себя в группе поддержки. Думаю, это будет круто.

И тут я даже не вру. Судя по баннерам, развешенным рядом со спортзалом, команда Астор-Парка уже восемь лет подряд выигрывала танцевальные соревнования штата, проиграв лишь один раз. Мне сразу стало интересно, что за история кроется за этим проигрышем.

Стив выпрямляется, и на его лице появляется довольное выражение.

– Это же отлично! – Он подходит и притягивает меня к себе, чтобы обнять. – Старшая школа и колледж помогают нам набраться опыта, а я не хочу, чтобы ты что-то упустила.

Я позволяю ему обнять меня, хотя даже от этого проявления отцовской нежности чувствую себя неловко. Во внимании, которое ко мне обычно проявляли мужчины в возрасте Стива, не было ничего хорошего.

Отстранившись от него, я иду в гостиную, подальше от пустого листа, где должны были быть заметки по расследованию. Беру со стола меню доставки в номер. Я живу здесь совсем недолго, но уже начинаю уставать от этой еды.

– Как думаешь, когда мы вернемся в пентхаус? – спрашиваю я у Стива.

Если существуют хоть какие-то доказательства невиновности Рида, то они должны быть там.

– А что? Тебе уже здесь надоело? – Он стоит у бара и смешивает себе напиток. – Сегодня я говорил с детективом. Нам должны разрешить вернуться в конце этой недели.

Я притворяюсь, что с интересом изучаю меню.

– Как идет расследование?

Из Рида и Каллума ни слова не вытянешь, а мне до смерти хочется знать детали. А если совсем честно, я хочу, чтобы кто-нибудь сказал мне, что у копов ничего нет и дело вот-вот может развалиться.

– Тебе не о чем беспокоиться.

– А результаты вскрытия Брук уже готовы?

– Еще нет. – Стив возвращается ко мне, и можно даже не смотреть на его лицо, чтобы понять, что ему не хочется больше говорить на эту тему. – Расскажи мне об этой вашей группе поддержки.

– Ну, нужны будут деньги, потому что я должна купить себе форму. – На самом деле я понятия не имею, что к чему, и сейчас просто импровизирую. – И мы будем выезжать на соревнования.

– Это не проблема.

– Мы будем останавливаться в гостиницах, и единственным сопровождающим будет только наш тренер, – поясняю я.

Он отмахивается.

– Я доверяю тебе.

Что ж, сейчас идеальное время рассказать ему об остальном. Если подожду, его доверие может и испариться. Кстати, а доверяет ли он мне по-настоящему? Или это просто ложь? Хотя, если посмотреть с другой стороны, то, что я собираюсь сделать, определенно идет вразрез с его

правилами, а значит, у него есть все основания не доверять мне.

Но у меня есть цель – быть с Ридом. Я боюсь, что он может попасть в тюрьму, и сейчас хочу воспользоваться любой минуткой, которую мы можем провести вместе.

Отогнав от себя все пессимистичные мысли и натянув жизнерадостную улыбку, я беру быка за рога.

– Если быть совсем честной, группа поддержки выезжает на соревнования вместе с командой по футболу.

Рука со стаканом замирает на полпути.

– Неужели? – растягивая слово, спрашивает Стив, и у меня такое ощущение, что он видит меня насквозь и разгадал мой фарс.

– Да. И я знаю, что из-за этого буду часто встречаться с Ридом, чего ты как раз не хочешь. – Я чувствую, что краснею, потому что собираюсь сказать ему кое-что совсем личное. – Но про то, что тебя так тревожит: я ничего такого не делала ни с кем.

Стив ставит стакан на стол.

– Ты серьезно?

Я киваю, желая, чтобы этот неловкий разговор быстрее закончился.

– Пусть я ношу юбку в школу, – я иронично улыбаюсь, – но я не доступная. Наверное, это из-за мамы: у меня нет никакого желания пойти по ее стопам.

– Что ж. – Похоже, Стив не знает, какие слова подобрать. – Что ж, – повторяет он и усмехается сам себе. – Тем утром я вел себя совершенно бестактно, согласна? Позволил всем этим Дининым комментариям по поводу твоей юбки взять верх и взвился.

Я заставляю себя сидеть спокойно и не ерзать, потому что хотя я до сих пор девственница, но уже делала многое и у меня большие планы на этот уик-энд.

– Я сильно недооценил тебя, – с сожалением говорит Стив, – и прошу за это прощения. Я облажался по полной программе. Я прочитал одну книгу для родителей, и там говорилось, что я должен больше слушать. Так что впредь именно так я и собираюсь поступать, – объявляет он, и очередное обещание с легкостью летит по комнате, как его бумажные самолетики.

– Значит, ничего страшного, что мы будем разъезжать с футбольной командой? Вообще-то, мы почти не будем с ними видаться, да и автобусы у нас разные.

– Все будет хорошо.

Я мысленно вскидываю вверх кулак в знак триумфа. А теперь пришло

время нанести решающий удар.

– А еще я говорила с девчонками из команды, и они сказали, что все собираются переночевать в отеле, чтобы на следующий день отправиться в парк развлечений, он там рядом. – Я корчу рожицу, притворяясь недовольной. – Как дети малые, честное слово, но, видимо, это что-то типа тимбилдинга. Я уговорила Вэл поехать со мной, чтобы составить мне компанию.

Стив прищуривается.

– Футболисты тоже туда собираются?

– Нет, их автобус возвращается в Бэйвью ночью в ту же пятницу.

Но я не упоминаю о том, что половина стартового состава, включая Рида и Истона, останется. Я сказала лишь часть правды. Это считается?

– Ну ладно. – Стив кивает. – Я не против.

Тут он поднимает палец.

– погоди. Сейчас вернусь. У меня для тебя кое-что есть.

Я настороженно наблюдаю, как Стив бежит вверх по ступенькам. О боже, что он приготовил мне? Я слышу, как открывается и закрывается ящик, и вот спустя минуту Стив появляется в гостиной с небольшой кожаной папкой.

– Кое-какие мелочи, – говорит он мне. – Во-первых, Каллум сказал, что еще не сделал тебе кредитку, так что я об этом позаботился.

Он протягивает мне черную пластиковую карту.

Я с осторожностью беру ее в руку. Она тяжелая и блестящая. Но стоит мне обрадоваться, что теперь у меня есть кредитная карта, как я вижу большие золотые буквы, выгравированные на ней.

«ЭЛЛА О’ХАЛЛОРАН».

Стив замечает, что я нахмурилась, и с широкой улыбкой поясняет:

– Я уже поручил оформить документы на официальную смену фамилии. Решил, ты не будешь возражать.

У меня отвисает челюсть. Он издевается? Я прямым текстом сказала ему, что хочу сохранить мамину фамилию. Я Элла Харпер, а не О’Халлоран.

Но, прежде чем я успеваю возразить, Стив поворачивается в сторону лестницы.

– Дина, спустись вниз, – приказывает он. – Тебе я тоже кое-что приготовил.

Она появляется на верхней ступеньке, ее жесткий взгляд останавливается на Стиве.

– И что?

Он манит ее вниз.

– Спускайся.

Змея, что прячется внутри нее, кажется, готова наброситься на Стива, но Дине, видимо, удастся усмирить ее. Она спускается, распрямив плечи, и подходит к Стиву.

Ей он тоже протягивает кредитную карту. Но она серебристая, а не черная.

– Что это? – Дина смотрит на карту так, словно, если возьмет ее, та взорвется у нее в руке.

Стив сдержанно улыбается.

– Я просмотрел выписку по твоему счету, и оказалось, у тебя непомерно высокие расходы. Так что я отменил все твои карты. Теперь ты будешь пользоваться только этой.

Взгляд Дины вспыхивает яростью.

– Но это же обычная карта!

– Да, – соглашается Стив, – с лимитом в пять тысяч. Для тебя этого более чем достаточно.

Она открывает рот и закрывает, открывает и снова закрывает. Так продолжается несколько секунд. Я затаив дыхание изучаю ее лицо и жду, когда она сорвется. Для меня пять тысяч долларов – это целое состояние, но вот для Дины – сущие гроши. Ни за что на свете не поверю, что она воспримет это спокойно.

Однако... я ошибаюсь.

– Ты прав. Действительно, этого более чем достаточно, – сладким голосом отвечает она.

Но когда Стив опускает глаза, чтобы вытащить что-то еще из своей кожаной папки, Дина смотрит на меня таким ледяным взглядом, что по мне пробегают мурашки. А когда ее взгляд падает на черную карту в моей руке, я уже начинаю бояться, что она по-настоящему ударит меня.

– И последнее, – объявляет Стив, протянув мне листок бумаги.

Я смотрю на него и вижу, что это распечатка билета на самолет.

– Что это?

– Билеты в Лондон, – весело отвечает Стив. – Мы отправимся туда на праздники.

Я морщю лоб.

– Мы?

Стив поднимает свой стакан.

– Да. Мы остановимся в «Вальдорфе», посетим пару замков. Составь список того, что хотела бы увидеть, – предлагает он.

– Мы все едем?

Рид ничего не говорил мне о том, что на Рождество Ройалы едут в Лондон. Может, он не знает?

– Нет, только мы. Если будешь заказывать ужин, я взял бы лосося. – Стив кивает головой на меню, которое я оставила на краю стола.

– Зимний Лондон просто чудесен, – замечает Дина, ее настроение явно улучшилось. Она с язвительной улыбкой машет в воздухе своей серебристой картой. – Ну вот у меня и появится отличная возможность ею воспользоваться.

– Вообще-то, ты остаешься здесь. – Стив чуть ли не фыркает от смеха. Ему явно доставляет наслаждение издеваться над ней. – Едем только я и Элла. Так сказать, путешествие для укрепления родственных связей.

Я хмурюсь.

– А Ройалы?

– Что Ройалы?

– Они тоже едут? – Я возвращаю ему распечатку.

Стив убирает лист в кожаную папку и бросает ее на буфетный столик.

– Понятия не имею, что они будут делать в праздники. Но если помнишь, Риду нельзя выезжать из страны. Ему пришлось отдать свой паспорт окружному прокурору.

Я не могу скрыть своего разочарования. Ведь и правда Рид не может уехать из города.

Но я поверить не могу, что Стив собирается забрать меня отсюда на все праздники и у меня не будет первого Рождества с Ридом! Это так несправедливо!

Стив протягивает руку и берет меня за подбородок.

– Это всего лишь на неделю. – Он выгибает бровь. – Тем более что ты будешь видеть Рида на всех матчах, так что перерыв тебе не помешает, правда? Я даже могу устроить так, что мы вернемся после каникул...

Посыл ясен. Если я не поеду с ним в Лондон, то не смогу ездить с группой поддержки. Это так же далеко от совершенства, как моя сделка с Джордан, но я заставляю себя улыбнуться и кивнуть, потому что в конце концов получу то, что хочу.

– Нет, неделя – уже здорово! – с притворной радостью говорю я. – Буду ждать этой поездки с нетерпением, я еще никогда не выезжала за пределы страны.

Стив расплывается в широченной улыбке.

– Тебе очень понравится!

Дина тем временем смотрит на меня испепеляющим взглядом.

– Дорогая, ступай наверх и переоденься к ужину, – говорит Стив своей кипящей от злобы жене. – Я закажу тебе салат.

Она в гневе уходит прочь, я звоню и делаю заказ, а потом, пока мы ждем, когда нам его доставят, слушаю болтовню Стива. Когда ужин заканчивается, я сбегая в свою комнату и тут же пишу сообщение Риду.

«Мне разрешили поехать на игру! Будь готов. Захвати с собой большую коробку презервативов и съешь пару энергетических батончиков. Они тебе понадобятся».

«Для матча?»

«Матч ничто по сравнению с тем, что я хочу сделать с тобой после него».

«Ты хочешь, чтобы я ходил с постоянным стояком?»

«Ага».

«Мы хотели подождать».

«Я устала ждать. Приготовься».

Добавив в конце последней эсэмэски улыбающийся смайлик, я откладываю телефон и принимаюсь за домашнюю работу.

Глава 20

Элла

Можно что угодно говорить про Джордан, но эта девчонка – настоящий трудоголик. Всю оставшуюся неделю мне приходится выдерживать две тренировки в день: одну – утром, вторую – после уроков. И хотя мы тренируемся на том же поле и в том же зале, что и футбольная команда, я не успеваю даже взглянуть на Рида, что уж говорить о том, чтобы поболтать с ним.

Что еще хуже, у меня есть всего лишь три дня на то, чтобы выучить номера, которые девчонки исполняли в течение месяцев. Джордан так сильно нагружает меня, что когда я возвращаюсь вечерами домой, то едва чувствую свои конечности. Рид прикалывается надо мной, потому что каждый раз, когда мы разговариваем по телефону, я лежу, приложив лед к очередной части своего тела. Но Стив думает, что это круто. Он не перестает говорить мне, как гордится мною из-за того, что я так самоотверженно окунулась в эту внеклассную деятельность.

Узнай он истинную причину, почему я так выкладываюсь, у него, наверное, случился бы сердечный приступ.

Утром в пятницу у нас последняя официальная репетиция перед матчем. Когда мы заканчиваем, одна из девчонок, Хейли, отводит меня в сторону и шепчет:

– Ты так круто танцуешь! Надеюсь, тебя оставят в команде даже после выздоровления Лейлы.

Этот комплимент заставляет меня покраснеть от гордости – но лишь украдкой.

С безразличным видом пожав плечами, я отвечаю:

– Сомневаюсь. Вряд ли Джордан сможет терпеть меня больше, чем необходимо.

– Что ж, тогда Джордан тупица, – с ухмылкой шепчет Хейли.

Я пытаюсь сдержать смех, но мне это все равно не удается, и вот уже на нас сердито смотрят Рейчел Коэн и Шиа Монтгомери, старшая сестра Саванны.

– О чем это вы обе тут шепчетесь? – с подозрением спрашивает Шиа.

– Ни о чем, – улыбнувшись, отвечает ей Хейли.

Ладно, она мне нравится. Хейли, конечно, не Вэл, но она оказалась классной девчонкой, как и большинство из группы поддержки. За три последних дня я поняла, что грубая заносчивость Джордан на самом деле распространяется только на Шию, Рейчел и Эбби, бывшую девушку Рида. Эбби, слава богу, не в команде, но иногда она приходит на тренировки, чтобы просто посмотреть, и лично у меня это вызывает сильный дискомфорт.

Мне не нравится Эбби, и не только потому, что она бывшая девушка Рида. Эта девица как-то уж слишком пассивна. Она ходит с видом вечной жертвы, смотрит на всех своими печальными собачьими глазами и говорит тихим шепотом. Порой мне кажется, что все это – лишь игра, а на самом деле у нее коготки поострее, чем у Джордан.

Возвышаясь среди разбросанных по полу голубых матов, Джордан хлопает в ладоши, и этот звук громким эхом отскакивает от стен спортзала.

– Автобус отъезжает в пять, – объявляет она. – Если опоздаете, мы уедем без вас.

Она выразительно смотрит на меня.

Ха-ха! Как будто я собираюсь опаздывать! Я планирую приехать как можно раньше, чтобы автобус уж точно не укатил без меня. Но эта неожиданная любезность со стороны Джордан все равно не дает мне покоя: вдруг это все не по-настоящему, и она не хочет от меня никаких услуг, а планирует сегодня унижить меня самым отвратительным образом.

Но я все равно готова испытать судьбу. Стив постоянно следит за мной, так что это моя единственная возможность оказаться с Ридом наедине.

– Пока-пока, – говорит мне Хейли, когда десять минут спустя мы выходим из женской раздевалки.

Я машу ей рукой и иду на парковку, где Рид уже ждет меня рядом с моей машиной. Его внедорожник стоит на соседнем месте. Как бы мне хотелось по-прежнему жить у Ройалов и чтобы сейчас мы с Ридом поехали домой вместе, но приходится довольствоваться этими встречами украдкой.

Как только я подхожу к нему, он тут же заключает меня в объятия.

– Ты так круто смотрелась там, – хриплым голосом говорит Рид мне на ухо. – И мне понравились эти твои маленькие танцевальные шортики.

По моей спине пробегают мурашки.

– Ты тоже был ничего.

– Врушка. Ты даже ни разу не посмотрела в мою сторону. Джордан стояла над тобой как заправский сержант-инструктор.

– Но мысленно я смотрела только на тебя, – торжественно заявляю я.

Рид усмехается, а потом наклоняется, чтобы поцеловать.

– Все никак не могу поверить, что Стив разрешил тебе остаться там на ночь.

– Я тоже, – признаюсь я. Вдруг на меня накатывает волна паники. – А что ты сказал Каллуму о том, где вы будете ночевать? Он же не догадается, что ты тоже остановишься в том отеле, правда?

– А если и догадается, то ничего не скажет. – Рид пожимает плечами. – Я сказал ему, что мы с Истом заночуем у Уэйда. Типа не хотим ехать домой пьяными, потому что после матча наверняка будет вечеринка и мы напьемся.

Я хмурюсь.

– И ему действительно все равно, что вы напьетесь на вечеринке? А как же все эти лекции о том, что тебе нужно вести себя безупречно?

Рид снова пожимает плечами.

– По-моему, ему все равно, что я буду делать, главное – не ввязываться в драки. Слушай, вся эта фигня с сексом...

Я сердито смотрю на него.

– Ты говорил, что собираешься ждать до тех пор, пока я не буду готова. Что ж, я готова. У нас не будет секса, только если ты этого не хочешь.

На мой сердитый взгляд он отвечает своим недовольным.

– Ты же знаешь, что я умираю, как хочу этого.

– Ну вот и здорово. Значит, мы хотим одного и того же. – Я поднимаюсь на цыпочки и радостно целую его.

Руки Рида напрягаются, но через мгновение я тут же ощущаю, как напряжение покидает его. Он согласен, слава богу. А то я уже начала бояться, что Рид снова начнет сопротивляться, стараясь проявить благородство.

Моя наигранная веселость превращается в настоящую.

– Мне пора. Стив хочет, чтобы мы успели поужинать до отъезда.

Я обхожу машину, и Рид шлепает меня по попе.

– Скоро увидимся! – кричит он мне вслед.

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь.

– Еще как.

* * *

Футбольный матч проходит в городке под названием Гибсон, что в двух часах езды от Бэйвью. Я так надеялась поехать в машине с Вэл, но

Джордан совсем нелюбезно сказала: «Члены группы поддержки ездят все вместе, без исключений». Так что Вэл едет на моей машине, а я – в автобусе с командой.

Если честно, меня пугали два часа в автобусе в компании Джордан и ее подружек, но поездка оказывается, к моему удивлению, веселой.

– Я до сих пор не могу поверить, что ты на самом деле танцевала стриптиз, – говорит Хейли, которая сидит у окна. Она настояла на том, чтобы мы сели рядом, и я согласилась. – Представить не могу, каково это – снимать одежду перед незнакомыми людьми. Я слишком застенчивая.

Мои щеки вспыхивают.

– Я не снимала с себя всю одежду. В том клубе, где я работала, никогда не раздевались догола. Только до трусиков и накладок на соски.

– Все равно. Я бы все время в себе сомневалась. Было весело?

Отнюдь.

– Было не так уж и ужасно. Деньги платили приличные, плюс щедрые чаевые.

Джордан, которая сидит через проход, язвительно усмехается.

– Еще бы! Чего уж там, целых двадцать долларов, плюс несколько банкнот, засунутых тебе в трусы!

Я ошетиниваюсь.

– Двадцать баксов – большие деньги, когда тебе нужно работать, чтобы прокормить себя, – огрызаюсь я.

Она хлопает ресницами.

– Ну зато сейчас ты как сыр в масле катаешься. Готова поспорить, Рид платит тебе за услуги не меньше сотни.

Я показываю ей средний палец, не удостоив ответом. Не позволю этой стерве испортить мне настроение. Мне наконец-то удалось вырваться из-под всевидящего ока Стива, и меня ждет ночь с моим парнем. А Джордан может катиться ко всем чертям.

Я не могу поверить своим ушам, когда некоторые девчонки начинают вступаться за меня.

– Ха! Рид не платит ей ни пенни, – говорит брюнетка – по-моему, ее зовут Маделина, – которая сидит сразу за мной. – Парень по уши влюблен, это ЛЮ-БОВЬ, самая настоящая. Ты бы видела, как он смотрит на Эллу во время ланча.

Я снова краснею. Думала, я единственная, кто замечает, что страстный взгляд Рида всегда направлен лишь на меня.

– Какая милота, – сухо отвечает Джордан. – Любовь между убийцей и стриптизершей. Прямо как в кино канала «Лайфтайм».

– Рид никого не убивал, – вмешивается другая девчонка, ее тон не уступает тону Джордан. – И мы все это знаем.

Я в шоке смотрю на нее. Она и правда так думает или это всего лишь сарказм?

– Ну да, – соглашается еще кто-то. – Наверняка он никого не убивал.

– А даже если и убил, – поигрывая бровями, говорит та, первая, девчонка, – кому, черт возьми, какое дело? Плохие мальчики такие *сексуальные*.

– Убийцы – это убийцы, – презрительно усмехается Джордан, но ее голос уже больше не сочится ядом, а выражение лица какое-то... задумчивое.

К счастью, разговор заканчивается, потому что мы подъезжаем к пункту назначения. Автобус останавливается на парковке позади здания школы Гибсон-Хай, и мы все дружно вылезает из него, прихватив свои спортивные сумки. Еще одна сумка для ночевки есть только у меня.

Я взвизгиваю, когда замечаю неподалеку знакомую машину.

– Ты приехала раньше нас! – кричу я Вэл, которая спрыгивает с капота и идет мне навстречу.

Она обнимает меня.

– Детка, твоя машина создана для быстрой езды. Я отлично повеселилась на трассе, дав ей волю. У тебя будет время заскочить в отель перед разминкой? У меня кое-что есть для тебя.

– Подожди, спрошу у сатаны.

Вэл фыркает от смеха, а я подбегаю к толпе девчонок и постукиваю Джордан по плечу. Официально командой руководит тренер Келли, но я достаточно быстро поняла, что это лишь на бумаге. Всем здесь управляет Джордан.

Она поворачивается ко мне и с раздраженным видом рявкает:

– Что?

– Во сколько разминка? – спрашиваю я. – Мы с Вэл остаемся в городе на ночь и хотим сбросить свои шмотки в гостинице.

Джордан устраивает целое шоу, проверяя время на мобильнике, а потом тяжело вздыхает.

– Ладно. Но будь на месте в семь тридцать. Игра начинается в восемь.

– Да, сэр.

Я салютую ей и бегом бросаюсь обратно к Вэл.

Дорога от школы до гостиницы занимает всего три минуты. Это вытянутое трехэтажное здание с маленькими патио, прилегающими к номерам на первом этаже, и балконами на втором. Все выглядит

чистеньким, к тому же мы с Вэл поискали о нем информацию в Интернете и выяснили, что здесь вполне безопасно.

Мы регистрируемся, а потом поднимаемся по лестнице на третий этаж и складываем свои сумки на бежевый ковер в нашем номере. Я вытаскиваю телефон. Там уже мигает сообщение от Рида: футбольная команда приехала час назад и скоро начнет разминку.

– Мне нужно возвращаться, – с сожалением говорю я, наблюдая, как Вэл плюхается на половину двуспальной кровати.

– погоди, сначала ты должна открыть вот это!

Она расстегивает свой рюкзак и достает полосатый розовый пакет с надписью *Victoria's Secret*.

Я издаю стон.

– Что ты сделала? – сердито спрашиваю я.

Она широко улыбается.

– То, что сделала бы любая хорошая подруга для своей подруги, чтобы у той точно был секс.

Любозытство заставляет меня взять пакет. Я разворачиваю розовую упаковочную бумагу и вижу комплект нижнего белья в точности моего размера, хотя я понятия не имею, откуда Вэл знает размер чашечек моего лифчика. Деми-бюстгальтер цвета слоновой кости, с тоненькими бретелями, рельефными кружевами и без всяких вкладышей. Трусики в точности подходят к верху – крошечные лоскутки кружева такого же цвета, увидев которые я краснею.

– О боже мой! Когда ты успела?

– Сегодня после школы. Попросила тетюшку высадить меня у торгового центра.

При мысли о том, что мисс Карингтон выбирала мне белье вместе с Вэл, я бледнею.

Вэл спешит успокоить меня:

– Не волнуйся, она высадила меня и уехала. До дома я добралась на «убере». – Она широко улыбается мне. – Тебе нравится?

– Еще как! – признаюсь я, проводя пальцами по кружевному краю лифчика. Вдруг эмоции накатывают на меня. Раньше у меня никогда не было настоящих друзей, а теперь, похоже, я словно выиграла в лотерею. – Спасибо.

– Спасибо скажешь потом, – с ухмылкой отвечает Вэл. – Рид, наверное, с ума сойдет, когда увидит тебя в этом.

Мое лицо опять вспыхивает.

– И, кстати, я жду услышать все мельчайшие подробности. Это кодекс

лучших подружек.

– Я подумаю. – Я закатываю глаза и убираю эротичное белье обратно в пакет. – Но, знаешь ли, это работает в обе стороны. Я тоже жду услышать все детали.

– Детали чего?

– Ваших с Уэйдом отношений.

Улыбка Вэл тут же увядает.

– У нас с Уэйдом нет никаких отношений.

– Да ну? – я выгибаю бровь. – Тогда зачем ты ехала три часа, чтобы посмотреть, как он играет в футбол?

Она сердито пыхтит.

– Я приехала не ради *него*, а ради тебя!

– Угу, и пусть мы даже сегодня больше не увидимся, потому что я проведу ночь с Ридом?

Вэл сердито смотрит на меня.

– Но кому-то же нужно поддержать тебя на время матча. Вдруг Джордан попытается что-нибудь выкинуть?

Я усмехаюсь.

– Мы обе знаем, что я в состоянии справиться с Джордан. Ну почему ты просто не признаешься в этом? Ты приехала из-за Уэйда.

– Это первый матч в серии плей-офф, тем более на чужом поле, – ворчит она. – Астор-Парку нужна любая поддержка.

Я взрываюсь смехом.

– О, а теперь ты прониклась командным духом? Боже, Вэл, лгунья из тебя никудышная!

Она показывает мне средний палец.

– Знаешь что? Ты начинаешь нравиться мне все меньше и меньше. – Но, говоря это, подруга и сама смеется.

– Ничего страшного, – сладким голосом отвечаю я. – Ты можешь излить все свои нежные чувства на Уэйда, потому что мы обе знаем, что он тебе нравится.

В меня летит подушка. Я с легкостью перехватываю ее и бросаю обратно Вэл.

– Я просто дразню тебя, – успокаиваю я подругу. – Если Уэйд тебе нравится – отлично. Нет – тоже хорошо. Я поддержу тебя в любом случае.

Ее тон смягчается, но голос чуть подрагивает, когда она произносит:

– Спасибо.

Глава 21

Элла

Даже на разминке вместе с другими девчонками меня все равно не покидает подспудное ощущение какой-нибудь внезапной провокации. Делая растяжки, я все время смотрю на Джордан, но она, похоже, полностью сконцентрировалась на собственных упражнениях. Может, я излишне драматизирую? Мы тренировались вместе почти всю неделю, и я не заметила даже намека на то, что они что-то задумали. Остается молиться, чтобы во время исполнения кувырков никто не вылил на меня ведро свиной крови.

Когда мы с Хейли идем к скамейке, чтобы выпить воды, она наклоняется и шепчет:

– На тебя сейчас пялится как минимум сотня девчонок.

Я, нахмурившись, смотрю туда, куда она показала глазами. И точно, за мной наблюдает *море* женских глаз. Мужских – тоже, но это понятно: на мне мини-шорты и укороченный топ. Но девчонки-то таращатся на меня не из-за моей внешности – в их глазах читается... зависть!

Сначала я не могу понять, в чем дело, но потом, когда прохожу мимо занимающей первый ряд компании девчонок в футболках с эмблемой нашей школы, кусочки пазла складываются.

– Это его девушка! – громко шипит одна из них.

– Она *такая* хорошенькая, – шепчет в ответ ее подруга, и это звучит вполне искренне, без ноток ехидства.

– Даже больше того – счастливая! – отвечает первая девчонка. – Я готова умереть, лишь бы встретаться с Ридом Ройалом.

Так это все из-за Рида? Ничего себе! Наверное, та девчонка в автобусе была права: плохие мальчишки *реально* пользуются огромной популярностью у противоположного пола. Я смотрю на скамью команды гостей, где сидят Рид с Истоном, а потом на трибуны – и действительно, просто уйма девчонок поедает Рида глазами.

Вдруг откуда ни возьмись рядом со мной появляется Джордан.

– Хватит трахать глазами своего парня, – ворчит она. – Скоро наш выход.

Я смотрю на нее.

– Уверена, этим сейчас занимается каждая девчонка на стадионе. Оказывается, это мечта каждой – переспать с подозреваемым в убийстве, представляешь?

Моя заклятая противница фыркает от смеха, но тут же закрывает ладонью рот, осознав, что только что сделала. Я тоже немного удивлена, потому что обычно мы с Джордан не обмениваемся шуточками, как старые добрые подружки. Да мы и не подружки вовсе.

Собственное столь необычное поведение, видимо, выводит Джордан из себя, и она вдруг рывкает на меня.

– У тебя задрались шорты! Я вижу половину твоей задницы. Приведи себя в порядок, а!

Я изо всех сил стараюсь не улыбаться, когда она уходит: мы обе знаем, что слой двустороннего скотча на моей попе не позволит шортам сдвинуться ни на дюйм. Может, все это время я придерживалась неправильной стратегии? Вместо того чтобы оскорблять и злить Джордан, мне нужно было попробовать вести себя максимально мило и дружелюбно? Это будет сводить ее с ума.

Я снова разворачиваюсь к трибунам, чтобы отыскать глазами Вэл. Она сидит через несколько рядов от скамейки гостевой команды, и я весело машу ей рукой. Подруга машет мне в ответ и кричит:

– Удачи!

Ухмыляясь, я присоединяюсь к команде и переминаюсь с пяток на носки, мысленно готовясь к номеру. Мне кажется, я выучила все движения наизубок, и надеюсь, что ничего не забуду, раз уж все внимание приковано ко мне.

Это первая игра в серии плей-офф, так что шоу перед ней оказывается очень пафосным. Сначала выступают барабанщики, под конец их номера из огромных колонн, стоящих по краям поля, вырывается пламя, а рядом взрываются фейерверки. Команда чирлидеров школы Гибсон-Хай так много трясет задницами и виляет бедрами, что все парни подскакивают со своих мест и начинают свистеть и кричать им. Потом наступает наш черед. Мы выбегаем на поле. Встав рядом с Хейли, я перехватываю взгляд Рида.

Он поднимает вверх два больших пальца, и я отвечаю ему широченной улыбкой.

С первыми звуками музыки мы начинаем.

Стоит биту запульсировать в моей голове, как все волнение испаряется. Я справляюсь с каждым вращением и поворотом. Блестяще выполняю короткую серию кувырков вместе с Хейли. Внутри бурлит адреналин, сердце радостно бьется в ритме с быстрыми танцевальными

движениями, которые толпа приветствует оглушительными криками. Наша команда двигается с идеальной синхронностью, и, когда мы заканчиваем, все трибуны аплодируют нам стоя.

Теперь я понимаю, почему Астор-Парк выиграл все национальные чемпионаты. У этих девчонок *настоящий талант*. И пусть для меня это было прежде всего способом попасть на игру, не буду лгать: я горжусь, что стала частью этого великолепного выступления.

Даже Джордан в восторге. С сияющим лицом она дает пять всем членам команды и обнимает их, в том числе и меня. Да-да, она действительно *со всей искренностью* хлопает меня по поднятой вверх ладони. Наверное, ад вот-вот замерзнет.

Все мысли об убийстве, приговорах и тюрьме отодвинулись на второй план. Похоже, и остальных это тоже нисколько не заботит.

Когда мы уходим с поля, судьи и тренеры о чем-то переговариваются, потом в воздух взлетает монетка, и матч начинается. У «Райдерс» первыми играет защита, и я наблюдаю за Уэйдом, который выбегает на поле. Он высокий парень, но в форме и шлеме кажется просто огромным.

Во время первой четверти Уэйд делает короткий пас принимающему игроку, на футболке которого стоит фамилия Блэквуд. Блэквуд ловит мяч, а потом в игре наступает долгая и скучная пауза: рефери пытаются решить, заработал ли он достаточно ярдов для следующего дауна, – с терминами мне помогла разобраться Хейли, когда во время поездки в автобусе выяснилось, что я почти ничего не знаю про американский футбол. На поле выбегает маленький человечек и принимается измерять расстояние от мяча до линии, а потом поднимает вверх руки и подает какие-то сигналы, значение которых мне абсолютно непонятно. Их мы с Хейли как-то упустили.

Болельщики Астор-Парка одобрительно кричат. А я уже маюсь от скуки: как же много времени им требуется для того, чтобы решить, получили ли наши ребята еще каких-то парочку жалких ярдов. Я осматриваю боковую линию и нахожу глазами Рида. Вернее, я думаю, что это Рид, потому что там два игрока с фамилией Ройал и они стоят рядом, но, видимо, сейчас я с восхищением разглядывала задницу Истона. Второй парень поворачивает голову, и я вижу его профиль. Ну да, это Рид.

Он жует капу и вдруг, словно почувствовав, что я наблюдаю за ним, резко поворачивает голову. Капа торчит у него изо рта, и он откликается кривой, порочной усмешкой, предназначенной только мне.

Страсти накаляются еще больше, когда прямо перед завершением первой половины игры команда Гибсона пытается сровнять счет. Ответные

меры не заставляют себя долго ждать, и стоит их квотербеку снова оказаться на поле, как Рид и Истон сбивают его с ног, и тот выпускает мяч. Кто-то из защиты Астора поднимает его и бежит к зоне тачдауна.

Фанаты Астор-Парка взрываются криками. Фанаты домашней команды отвечают громким свистом, от которого дрожат трибуны. Кто-то из учеников Гибсона начинает кричать: «Убийца, убийца» – но администраторы быстро затыкают ему рот. Но эти слова, видимо, лишь еще больше подстегнули команду Астор-Парка.

В итоге матч выигрывают «Райдерс», а значит, они выходят в следующий раунд. Я улыбаюсь, наблюдая, как после победы тренер Льюс шлепает своих игроков по задницам. Американский футбол – чертовски странная игра.

Команды встают в две линии и обмениваются рукопожатиями. Но несколько игроков Гибсона не жмут руку Рида. Я уже начинаю нервничать, не закончится ли дело дракой, однако Риду, похоже, наплевать. Как только все это заканчивается, Истон сразу же бежит ко мне. Оторвав меня от земли, он тащит меня через поле, а потом кружит.

– Ты видела тот текл во втором периоде? – восклицает он.

Я вытягиваю голову в сторону Вэл, которая бежит по ступенькам к нам.

– Подожди Вэл! – кричу я Истону, но он несет меня по боковой линии и не отпускает до тех пор, пока мы не оказываемся рядом с тоннелем, ведущим в раздевалки.

Рид уже здесь, стоит со шлемом в руке, мокрые от пота волосы липнут к голове.

– Понравилась игра? – спрашивает он, а потом наклоняется и целует меня.

Хохочущая Вэл наконец догоняет нас, и они с Истоном начинают имитировать рвотные позывы, когда поцелуй Рида затягивается.

– Эй, ребята, мы тоже здесь, – объявляет Вэл. – Ройал, хватит уже пытаться съесть мою лучшую подругу! Так мы никогда не попадем в гостиницу.

Я отстраняюсь от Рида.

– Ты не на машине?

Вэл качает головой.

– Тут идти-то десять минут. Да и вряд ли поблизости нашлось бы место, чтобы припарковаться.

Рид сердито смотрит на меня.

– Я не хочу, чтобы вы возвращались в гостиницу вдвоем. Подождите

нас у входа на стадион, и мы пойдем все вместе.

– Да, сэр, – отсалютовав ему, отвечаю я.

Его губы снова находят мои. Но в этот раз поцелуй какой-то другой. В нем чувствуется обещание. Когда он отстраняется от меня, я вижу в его голубых глазах знакомый блеск. Особняк Ройалов далеко. Нам никто не сможет помешать: ни Каллум, ни Стив, ни кто-то другой. Все сомнения Рида о том, чтобы дотянуть до завершения расследования, остались в Бэйвью. Я присоединилась к группе поддержки Джордан только по одной причине, и это не простое желание пообниматься в постели.

Мы оба знаем, что случится сегодня ночью.

* * *

В отель мы с Ридом возвращаемся в компании Истона, Вэл и... Уэйда. Стоит ли говорить, что Вэл не в восторге от появления последнего.

Когда мы подходим к парковке, она останавливается и скрещивает руки на груди.

– Что он здесь делает? – Ее осуждающий взгляд пронзает меня насквозь. – Ты говорила, что будут только Рид и Истон.

Я поднимаю руки вверх.

– Я ничего не знала.

Уэйд кажется глубоко задетым, что совсем для него нетипично. Я всегда считала, что этого парня ничем не пронять, но его явно расстроило недовольство Вэл.

– Да ладно тебе, Вэл, – хриплым голосом говорит он. – Не будь такой.

Она кусает губу.

– Пожалуйста, – добавляет он. – Может, мы просто пойдем и поговорим?

– Ты все равно остаешься с нами, – вмешивается Истон, – так, может, вам, ребята, лучше заключить перемирие до начала нашей пижамной вечеринки?

Я с удивленным видом поворачиваюсь к Вэл.

– Разве мы не в одном номере?

Ее недовольное лицо на миг озаряется весельем.

– А я разве не сказала тебе? Мы с Ридом договорились, что я буду ночевать вместе с Истоном.

Я подозрительно смотрю на Вэл, потом на Рида. И когда это они успели все переиграть?

Лицо Вэл снова мрачнеет, а недавняя веселость испаряется.

– Но я не соглашалась ночевать еще и с *ним*.

На лице Уэйда вновь появляется расстроенное выражение.

– Вэл...

– Уэйд, – передразнивает его она.

Истон тяжело вздыхает.

– Так, все, я устал от ваших любовных ссор. Вы тут выясняйте отношения, а я пойду в бар. – Он ухмыляется Вэл. – И если в процессе вдруг решите, что хотите провести ночь наедине, напиши мне, и я сниму себе отдельный номер.

Истон ленивой походкой заходит в гостиницу, а мы вчетвером остаемся стоять на парковке.

– Вэл, – с нажимом продолжаю я.

Она долго молчит, потом стонет.

– Ой, ну ладно! Я поговорю с ним, – обращается она скорее ко мне, чем к Уэйду, чье лицо тут же озаряется, стоит ему услышать ее слова. – Но мне все равно нужно пойти наверх и взять свою сумку.

Мы поднимаемся на третий этаж, и я открываю дверь ключом-картой. Вэл скрывается внутри, чтобы взять свой рюкзак, а мы – я, Рид и Уэйд – торчим в дверях. И тут Уэйд решает поделиться с нами бесплатным советом.

– Смотри, чтобы мой старик не пропустил прелюдию. Это очень важно – подготовить твоё девственное тело.

Я резко разворачиваюсь к Риду.

– Ты рассказал ему, что я девственница?

Уэйд отвечает за него.

– Не, это Ист.

Чертов Истон! Никогда не может держать язык за зубами!

– А еще, – с серьезным видом продолжает Уэйд, – не пугайся, если в первый раз оргазм не накроет. Ты же будешь вся нервная, в напряжении. А Рид не продержится дольше двадцати секунд...

– Уэйд, – с раздражением обрывает его Рид.

– Оставь их в покое, – рывкает Вэл, надевая рюкзак на одно плечо. – Лучше побеспокойся о собственной технике. Судя по тому, что я видела в школьной кладовке, тебе еще работать и работать над собой.

Уэйд прижимает руку к сердцу, как будто она только что выпустила в него стрелу.

– Как тебе не стыдно, Каррингтон?! Я же Ромео нашего времени!

– Ромео умирает, – сухо отвечает Вэл.

Мне едва удастся сдержать улыбку, а эта парочка уже исчезает у лестницы. Уэйдун придется как следует попотеть, это точно. Вэл однозначно не собирается облегчать ему задачу.

Мы с Ридом улыбаемся друг другу и входим в номер. Он тут же садится на кровать и просит меня сесть рядом.

Внутри у меня все скручивается тугим узлом.

– Погоди... – Я немного смущена. – Дай мне минутку, ладно?

Я бросаюсь в ванную, прежде чем он успевает ответить. Оказавшись одна, я смотрю на свое отражение в зеркале и замечаю, как сильно покраснели щеки. Чувствую себя идиоткой. Мы же с Ридом делали уже многое, с чего мне так нервничать? И тем не менее это происходит.

Сделав глубокий вдох, я достаю из-под раковины розовый пакет и начинаю неторопливо приводить себя в порядок: расчесываю волосы, поправляю бретели бюстгалтера, чтобы они держались на плечах четко параллельно, а не как попало. Снова взглянув в зеркало, я признаюсь себе, что выгляжу чертовски сексуально.

Рид согласен с этим, потому что, как только я выхожу из ванной, он стонет:

– Офигеть, детка!

– Подумала, что мне стоит переодеться во что-то более удобное, – с иронией отвечаю я.

Рид хрипло усмехается. Он уже снял рубашку, пока я была в ванной, и сейчас поднимается с кровати в одних лишь джинсах, в который раз поражая меня красотой своего тела.

– Тебе нравится? – смущенно спрашиваю я.

– Еще как нравится!

Он подходит ко мне походкой голодного зверя, взгляд голубых глаз жадно блуждает по моему телу, и вот уже каждый его дюйм горит и изнывает от желания. Рид подходит еще ближе. Он такой высокий, намного выше и больше меня! Сильными руками притягивает меня к груди. Его губы опускаются на мою шею и целуют.

– Хочешь, скажу кое-что? – шепчет он в мою разгоряченную кожу. – Тебе необязательно наряжаться для меня. Ты красива в любой одежде.

Рид поднимает голову и криво ухмыляется мне.

– И еще красивее, когда совсем без одежды.

– Не порть этот момент, – сердито говорю я. – Я слишком сильно нервничаю. Мне нужно чувствовать себя красивой.

– Ты красивая. И не надо нервничать. Мы не станем делать ничего, чего ты не захочешь.

– Ты идешь на попятную?

– Ни за что. – Руки Рида скользят вдоль моего тела и останавливаются на талии. – Сейчас меня уже ничто и никто не остановит.

Я так сильно хочу этого, что уже едва могу дышать. Раньше я никогда особо не задумывалась о том, каким будет мой первый раз, не мечтала о розовых лепестках и свечах. Если уж совсем честно, я даже и не думала, что это будет с тем, кого я люблю.

– Хорошо, потому что я уже больше не могу ждать, – говорю я Риду.

– Ложись, – хриплым голосом отвечает он и подталкивает меня к кровати.

Я молча вытягиваюсь на спине, положив голову на подушку.

Рид стоит у края кровати, потом стягивает с себя джинсы.

Когда он ложится рядом, у меня перехватывает дыхание. Его губы накрывают мои, и Рид нежно целует меня, но это лишь поначалу. Когда я приоткрываю рот, его поцелуи становятся более страстными и настойчивыми.

Его твердый член прижимается к моему бедру, и по всему телу разливается желание, которое всю неделю пульсировало в моей крови, стоило мне лишь подумать об этой ночи. Рид языком проводит по моим губам, покрывает легкими поцелуями мою щеку. Руки исследуют мое тело, словно составляют карту из впадин и возвышенностей.

Прикосновение большого пальца к моему соску вызывает волну дрожи, которая прокатывается по всему телу. Поцелуй за ушком заставляет меня вытянуться в струнку от удовольствия.

Мы ласкаем друг друга, как мне кажется, очень долго, и вот уже оба задыхаемся и умираем от возбуждения.

Рид неожиданно отстраняется от меня.

– Я люблю тебя, – шепчет он.

– Я тоже тебя люблю.

Я прижимаюсь своими губами к его, и мы перестаем говорить. Мое сердце колотится в бешеном ритме, как и его. А его руки, начав свой путь вниз, дрожат.

К моей досаде, Рид не позволяет мне прикоснуться к нему. Каждый раз, как я хочу это сделать, он отталкивает меня.

– Сейчас это все для тебя, – шепчет он, когда я пытаюсь в третий раз. – Закрой глаза и наслаждайся, черт побери!

Боже, это я и делаю. Наслаждаюсь каждой мучительной секундой. Вскоре мое новенькое белье оказывается отброшенным в сторону. Я могу воспринимать лишь необыкновенные ощущения, которые вызывает во мне

Рид. Он и раньше касался меня там, в самых интимных местах, но сегодня все по-другому. Это начало чего-то, а не конец. Каждое прикосновение его рук и губ к моей коже – это обещание чего-то большего. И я уже едва могу ждать.

Два мозолистых пальца скользят вниз по моему животу. И вот он там, внутри меня, и я постанываю, когда наслаждение взрывается ослепляющей вспышкой. Ощущения словно выворачивают меня наизнанку. Губы Рида встречаются с моими, и он вбирает в себя каждый мой всхлип, подгоняя к краю. Мои бедра поднимаются вверх, чтобы встретиться с его пальцами, и он переживает каждое мгновение вместе со мной, когда по мне прокатывается волна дрожи.

Он даже не дает мне времени, чтобы прийти в себя. Мое тело еще содрогается, а Рид начинает опять, но в этот раз возносит меня на седьмое небо своим ртом. Он лижет, и целует, и дразнит меня до тех пор, пока попытка не становится совсем невыносимой. Очень много и хорошо, но недостаточно.

Я издаю отчаянный стон.

– Рид, – умоляю я, вцепившись в его широкие плечи и потянув его вверх.

Его тяжелое тело вдавливают меня в кровать.

– Ты готова? – хрипло спрашивает он. – По-настоящему готова?

Я молча киваю.

Он оставляет меня, но лишь на мгновение. Порывшись в карманах джинсов, Рид возвращается с презервативом.

У меня останавливается сердце.

– Ты как?

Его глубокий голос успокаивает меня, накрывает словно теплое одеяло.

– Хорошо. – Я тянусь к нему. – Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, – шепчет он, а потом, целуя, входит в меня.

Мы оба издаем сдавленные звуки: кажется, что там, внутри, невероятно тесно. Давление вызывает болезненные ощущения и странное чувство опустошенности.

– Элла, – выдыхает Рид, как будто это ему больно.

Он медлит в нерешительности, и я впираюсь ногтями в его плечи, требуя продолжать.

– Я в порядке. Все хорошо.

– Может быть больно.

Он продвигается чуть глубже.

Боль оказывается неожиданной, хоть я и ждала ее. Рид резко останавливается и внимательно изучает мое лицо. У него на лбу выступают капельки пота, руки трясутся – так сильно он сдерживает себя, давая мне время привыкнуть к этому сладостному вторжению.

Мы ждем до тех пор, пока боль не стихает, а ощущение опустошенности не пропадает, и вот остается лишь чувство удивительной полноты. Я осторожно приподнимаю бедра, и Рид издает стон.

– Как же хорошо, – сдавленным голосом произносит он.

Рид прав. Невероятно хорошо. Потом он начинает двигаться, и становится еще лучше. Немного болит, когда он уходит назад, и я инстинктивно обхватываю его ногами за талию. Мы стонем в унисон. Рид начинает двигаться быстрее. Я чувствую, как под моими ладонями сокращаются мышцы его спины, и он входит в меня снова, снова и снова.

Рид шепчет мне, как сильно любит меня. Я еще плотнее сжимаю его руками и ахаю при каждом его движении.

Он точно знает, что мне нужно. Слегка отодвинувшись от меня, Рид опускает руку между моих ног и прижимает к тому месту, которое так жаждет его внимания. Стоит ему это сделать, и меня словно охватывают языки пламени.

Больше ничего не существует – только Рид и те эмоции, которые он вызывает во мне.

– Боже, Элла.

Его грубый голос едва проникает сквозь окружающий меня жар блаженства.

Один последний рывок – и он уже дрожит, лежа на мне, наши рты прижимаются друг к другу, наши тела словно склеены вместе.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем мое сердце начинает биться в нормальном ритме. К этому времени Рид уже вышел из меня и позаботился об использованном презервативе, а когда вернулся, то прижал меня к своей груди. Он дышит так же тяжело, как и я. Когда в мое тело возвращаются сила и энергия, я приподнимаюсь на локте и улыбаюсь, глядя на его довольное, как у наевшегося сметаны кота, лицо.

– Ну и как, было нормально? – шутливо спрашиваю я.

Рид фыркает.

– Детка, тебе следует выкинуть слово «нормально» из своего словаря. Это было...

– Идеально? – счастливым шепотом подсказываю я.

Он прижимает меня к себе еще сильнее и соглашается:

– Идеально.

– А мы можем повторить? – с надеждой спрашиваю я.

Его смех щекочет мне лицо.

– Я только что создал монстра?

– Наверное!

Мы смеемся, и Рид перекачивается, чтобы поцеловать меня, но ничего не начинает, по крайней мере, пока. Мы просто целуемся, а потом просто лежим, прижавшись друг к другу, и он играет моими волосами, а я поглаживаю его грудь.

– Ты была поразительной, – говорит мне Рид.

– Для девственницы – имеешь в виду?

Рид снова фыркает.

– Нет. *Это* было даже больше, чем просто поразительно. И я говорил про ваше выступление. Я не мог оторвать от тебя глаз.

– Было здорово, – признаюсь я. – Я даже не думала, что будет настолько круто.

– Как думаешь, ты останешься в команде? Ну, если, конечно, сможешь терпеть Джордан – мне кажется, в таком случае ты должна остаться. Ты выглядела такой счастливой там, на поле.

– Я и *была* счастливой. – Я кусаю нижнюю губу. – Танец – это... нечто захватывающее. Я люблю танцевать больше всего на свете. Я всегда... – Я смущенно умолкаю, потому что мне неловко делиться с ним своими глупыми мечтами.

– Ты всегда что? – не отстает Рид.

Я выдыхаю.

– Я всегда мечтала, что когда-нибудь смогу брать настоящие уроки танцев, что у меня будет реальная профессиональная подготовка.

– Есть много колледжей искусств. Тебе следует подать документы на поступление, – тут же отвечает Рид.

Я снова приподнимаюсь на локте.

– Ты и правда так думаешь?

– Да, черт возьми! Ты чертовски талантлива, Элла! У тебя дар, и ты попросту растратишь его, если ничего не сделаешь.

В груди становится тепло. Кроме мамы, мне никто и никогда не говорил, что я талантлива.

– Может быть, так и сделаю, – с трудом произношу я.

Затем, поцеловав Рида, спрашиваю:

– А ты?

– Что я?

– О чем ты мечтаешь?

На его лице появляется досадливое выражение.

– Прямо сейчас? Я мечтаю не угодить в тюрьму.

И умиротворенная атмосфера, царившая в номере, вмиг становится напряженной. Черт, не нужно было мне ничего говорить. Просто все было так идеально, что я совершенно забыла о смерти Брук, о полицейском расследовании и о том, что сейчас будущее Рида под вопросом.

– Прости, – шепчу я. – Я забыла про это.

– Да, я тоже. – Он проводит своей огромной ладонью по моему обнаженному бедру. – Знаешь, если бы над моей головой не висели все эти обвинения, я бы хотел работать на «Атлантик Эвиэйшн».

Я изумленно смотрю на него.

– Seriously?

В его глазах появляется смущение.

– Только не смей говорить моему отцу! – приказывает Рид. – А то он устроит парад.

Я хихикаю.

– Ты же знаешь, что нет ничего плохого в том, чтобы угодить Каллуму. Пока ты сам этого хочешь, кому какая разница? – Я изучаю его лицо. – А ты действительно хочешь заниматься вашим семейным бизнесом?

Рид кивает.

– По-моему, это очень интересно. Правда, я не хотел бы ничего проектировать, меня больше привлекает коммерческая сторона дела. Наверное, я был бы не прочь получить в колледже бизнес-образование. – Но его лицо снова мрачнеет. – Но пока об этом даже не стоит и мечтать. Вдруг меня...

Вдруг его признают виновным в смерти Брук.

Вдруг его посадят в тюрьму.

Я гоню от себя эти мысли. Сейчас мне хочется сосредоточиться только на хорошем. Например, на том, как я счастлива лежать здесь с ним и какие невероятные ощущения испытываю, когда он внутри меня. Я залезаю на него верхом и заканчиваю наш разговор тем, что прижимаюсь своими губами к его.

– Второй раунд? – поддразнивая, шепчет он.

– Второй раунд, – соглашаюсь я.

И второй раунд начинается.

Глава 22

Рид

– Смотрю, ты в хорошем настроении, – замечает Истон воскресным утром.

Я выхожу к нему на террасу.

– Смузи? – спрашиваю я, вытягивая запасную бутылку, и, получив в ответ кивок, кидаю ее ему. – Жаловаться не на что.

Когда брат закатывает глаза, наблюдая за моей довольной рожей, я пытаюсь сдержать улыбку, но у меня не получается. Вообще-то, плевать я хотел на все, потому что из-за обвинения в убийстве и погоней Стива за званием «отец года» наши с Эллой отношения стали немного напряженными. Но после этих выходных у нас снова все наладилось. Так что сегодня ничто не сможет испортить мое отличное настроение.

Если Стив спросит, то я до чертиков уважал его дочь. Целых три раза.

– Отличная толстовка, кстати, – говорю я Исту. – В какой мусорке ты ее выкопал?

Он натягивает ткань на груди.

– Три года тому назад, летом надевал ее ловить крабов.

– Это когда Гидеона ущипнули за яйца?

Тем летом, еще до того, как умерла мама, мы всей семьей ездили на Внешние отмели^[9] и ловили крабов.

Истон начинает хохотать.

– О черт, я уже и забыл об этом! Он еще потом целый месяц ходил, закрывая рукой пах.

– А как это случилось?

Я до сих пор не могу понять, как крабу удалось выпрыгнуть из ведра на колени Гиду, но его полный боли крик заставил всех морских чаек в радиусе километра в ужасе улететь.

– Понятия не имею. Может, Сэв знает магию вуду и вонзила булавку в его куклу. – Одной рукой Ист держится за живот, а второй вытирает слезы.

– Тогда они еще только начали встречаться.

– Он всегда вел себя с ней как последний козел.

– Что правда, то правда.

Я никогда не понимал пару Гида и Сэв, но их отношения развивались

весьма захватывающе. Не стану винить девчонку за то, что она так враждебно настроена к нам.

– Значит, Уэйд и Вэл снова вместе? – с любопытством спрашивает Ист.

– Ну это тебе пришлось заказывать себе отдельный номер в пятницу вечером, поэтому лучше ты мне скажи.

– Думаю, они вместе.

– А почему ты спрашиваешь? Хочешь попытать счастья с Вэл?

Брат качает головой.

– Нет, я положил глаз на другую.

– Да? – Меня удивил его ответ, потому что Ист, кажется, никогда не остепенится. Такое ощущение, что он хочет перетрахать всех девчонок Астора. – И кто это?

Истон пожимает плечами, притворяясь, что увлечен своим смузи.

– Даже и намека не дашь?

– Я пока сомневаюсь в своих шансах.

Его необычайная скрытность лишь усиливает мой интерес.

– Ты же Истон Ройал. У тебя всегда есть шансы.

– Как ни странно, не все разделяют твою теорию. Они, конечно, ошибаются, но что поделать? – Ухмыльнувшись мне, он залпом допивает свой напиток.

– Я натравлю на тебя Эллу. Ты не устоишь против нее.

Он фыркает.

– Ты – тем более.

– А кто бы стал сопротивляться?

Какой бы остроумный ответ Ист ни приготовился сказать, его прерывает появившийся в дверях отец.

– Привет, пап. – Я поднимаю свою бутылку со смузи. – Мы как раз завтракаем...

Но я осекаюсь в своем радостном приветствии, когда замечаю его мрачное лицо.

– Что случилось?

– Здесь Хальстон, и он хочет поговорить с тобой. Сейчас же.

В воскресенье утром? Вот дерьмо!

Я даже не смотрю на Иста, который наверняка хмурится. Придав лицу непроницаемое выражение, я прохожу мимо папы, который отходит в сторону, чтобы пропустить меня.

– Что же все-таки случилось?

Я бы предпочел узнать, с чем мне предстоит иметь дело, но папа лишь качает головой.

– Не знаю. Но, что бы там ни было, мы с этим разберемся.

Значит, Гриер ничего ему не сказал. Замечательно.

Когда мы входим в кабинет, адвокат уже сидит на диване. Перед ним лежит высокая стопка бумаг.

– Здравствуй, сынок, – говорит он.

Сегодня воскресенье, и Гриер не в церкви. Это первый плохой знак. В местную церковь ходят все без исключения, кроме Ройалов. Когда мама была жива, мы не пропускали ни одной воскресной службы. Но, после того как мы похоронили ее, папа никогда больше не заставлял нас ходить туда. А какой смысл? Бог не смог спасти единственную стоящую душу из семейства Ройал, так что мы перестали верить, что когда-нибудь пройдем через райские врата.

– Доброе утро, сэр. Не знал, что адвокаты работают даже по воскресеньям.

– Вчера вечером я заехал в офис, чтобы кое-что захватить, и наткнулся на письмо от прокурора. Я всю ночь перечитывал его и в итоге решил, что утром мне следует приехать к вам. Тебе лучше присесть.

Он натянуто улыбается мне и показывает рукой на кресло напротив. Тут я замечаю, что Гриер одет не в костюм, а в брюки цвета хаки и рубашку на пуговицах. Это второй плохой знак. Значит, стоит готовиться к самому худшему.

Я неспешно опускаюсь в кресло.

– У меня такое ощущение, что мне не понравится то, о чем вы собираетесь нам сказать.

– Нет, тебе не понравится, но ты будешь внимательно слушать каждое слово. – Он показывает на стопку бумаг. – Последние две недели офис прокурора и полиция Бэйвью опрашивали твоих одноклассников, друзей, знакомых и врагов.

От желания схватить бумаги и кинуть их все в камин у меня покалывает кончики пальцев.

– У вас есть копии? Это законно? – Я протягиваю руку к стопке, но Гриер качает головой, и мне приходится откинуться на спинку кресла.

– Да, это часть твоих конституционных прав. Ты можешь получить доступ ко всей информации, которой они обладают, кроме той, которую судьи посчитают результатом работы адвоката. Нам предоставили показания свидетелей, чтобы мы могли подготовить твою защиту. Последнее, чего хочет прокурор, – это чтобы мы добились отмены приговора только потому, что они не поделились с нами необходимыми доказательствами до суда.

Стараясь заглушить громко колотящееся сердце, я спрашиваю:

– Это же хорошо, правда?

Гриер продолжает, как будто я ничего и не говорил:

– Еще это их способ показать нам, насколько сильными или слабыми доказательствами они обладают.

Мои пальцы сжимают коленки.

– И, судя по выражению вашего лица, у них против меня довольно веские аргументы?

– Давай я зачитаю тебе отрывки из показаний, а ты сам сделаешь выводы. Вот, например, из допроса Родни Харланда-третьего.

– Понятия не имею, кто это.

Почувствовав себя немного лучше, я вытираю вспотевшие ладони о спортивные штаны.

– Прозвище Харви.

– Все равно не припоминаю. Может, они допрашивали людей, которые даже меня не знают. – Но когда я говорю это вслух, идея кажется до смешного нелепой.

Гриер не отрывает глаз от страницы.

– Харви-третий, ростом один метр пятьдесят пять сантиметров, хотя любит говорить, что он чуть выше метра восемьдесят. Он широкоплечий, а не высокий, но из-за его массивного телосложения никто не оспаривает его явно ложное заявление. У него сломан нос, и он немного шепелявит.

– Погодите, и у него кудрявые темно-русые волосы?

Я вспоминаю, что видел похожего парня на боях в доках. Он нечасто выходит на ринг, потому что, несмотря на свои размеры, не любит, когда ему прилетает. Он уворачивается и убегает.

Гриер поднимает на меня глаза.

– Значит, ты все-таки знаешь его.

Я киваю.

– Мы с Харви пару раз дрались друг против друга.

И что мог сказать Харви? Он был замешан в этом дерьме по самые свои крохотные уши.

– Харви утверждает, что ты довольно часто дерешься в районе складов, обычно между восьмым и девятым доками. Это твое любимое место, потому что отец одного из других участников боев управляет доками.

– Да, отец Уилла Кендалла – начальник доков, – подтверждаю я, чувствуя себя уже не таким уверенным. Все парни, что приходят туда, дерутся лишь потому, что хотят этого. В согласованных боях нет ничего

противозаконного. – Ему все равно, что мы там делаем.

Гриер поднимает со стола свою блестящую ручку.

– Когда ты начал принимать участие в этих боях?

– Два года назад.

До смерти мамы, просто ее депрессия усиливалась с каждым днем, и мне нужно было как-то выпускать пар, чтобы не беситься.

Адвокат что-то записывает.

– Откуда ты узнал про них?

– Не помню. Может, услышал в раздевалке.

– И как часто ты ходишь туда теперь?

Я вздыхаю и потираю переносицу.

– Думал, мы уже прояснили этот вопрос.

Тема боев всплыла сразу же, как мы с Гриером встретились по поводу этого дела, которое, как мне ошибочно казалось, скоро закроют, потому что я никого не убивал.

– Тогда ты не станешь возражать, чтобы мы снова поговорили об этом, – неумолимо продолжает Гриер.

Его ручка в ожидании висит над столом.

– Обычно мы ходим туда после футбольных матчей. Деремся, а потом едем на какую-нибудь вечеринку, – бесцветным голосом повторяю я ответы.

– Харви говорит, ты был одним из постоянных участников. За ночь мог драться с двумя, а то и тремя парнями. И каждый из боев никогда не длился больше десяти минут. Обычно ты приезжал со своим братом Истоном. По словам Харви, Истон – настоящий ублюдок, а ты – самодовольный козел. – Гриер сдвигает очки и смотрит на меня поверх стекол. – Его слова, не мои.

– Харви – наркоман, и он начнет плакать, даже если просто посмотреть в его сторону, – натянуто отвечаю я.

Гриер на секунду поднимает брови, а потом поправляет очки.

– Вопрос: «Как вел себя мистер Ройал во время боев?» Ответ: «Обычно он притворялся, что спокоен».

– Притворялся? Но я и *был* спокоен! Это же бои в доках. На кону ничего не стояло. Не из-за чего было нервничать.

Гриер продолжает читать.

– «Обычно он притворялся, что спокоен, но стоило вам сказать хоть слово о его матери, он мигом слетал с катушек. Примерно год назад какой-то парень назвал его мать шлюхой. И он так отделал его, что бедняге пришлось лечь в больницу. После этого Ройалу запретили драться. Тому парню он сломал нос и выбил глаз». Вопрос: «Значит, потом он больше

никогда не дрался?» Ответ: «Нет. Спустия где-то шесть недель он вернулся. Разрешение на бои давал Уилл Кендалл, и он сказал, что Ройал может вернуться. Остальные не стали спорить. Но я думаю, что Ройал заплатил Кендаллу».

Я смотрю в пол, чтобы Гриер не увидел чувства вины в моих глазах. Я действительно заплатил Кендаллу. Парень хотел поставить на свою спортивную тачку новый двигатель, который обошелся бы ему в две штуки баксов. Я дал ему денег и вернулся в доки.

– Ничего не хочешь сказать? – спрашивает Гриер.

Я испытываю неловкость, пытаюсь придать своему лицу безразличный вид и пожимаю плечами.

– Да, все это правда.

Гриер делает очередную пометку.

– Кстати, раз уж речь зашла о твоих драках из-за матери... – Умолкнув, он поднимает еще один подшитый к делу документ. – Ломать челюсти, похоже, стало твоим хобби.

Я сжимаю зубы и с каменным лицом смотрю на адвоката. Уже понятно, о чем пойдет речь.

– Остин Маккорд девятнадцати лет до сих пор жалуется на проблемы с челюстью. Ему пришлось шесть месяцев питаться мягкой пищей, потому что его челюсть была зафиксирована проволокой. Ему понадобилось установить два зубных имплантата, и он по сей день испытывает трудности во время еды. Когда мистера Маккорда спросили о причинах его травмы, он... – Гриер встряхивает лист, – простите за каламбур, не мог открыть рот, но друг Маккорда объяснил, что у последнего произошла стычка с Ридом Ройалом, в результате чего он и получил эту серьезную лицевую травму.

– Зачем вы читаете мне это? Вы же лично заключили сделку с Маккордами и заверили нас, что она конфиденциальна.

Что касается самой сделки, то папа создал фонд, чтобы оплатить Маккорду четыре года обучения в университете Дьюка. Взглянув на своего отца, я вижу, что он тоже пребывает в смятении. Его губы сжаты в тонкую линию, глаза покраснели, как будто он не спал несколько ночей подряд.

– В случае уголовного дела конфиденциальность подобных сделок не имеет значения. Свидетельские показания Маккорда рано или поздно могут потребовать в суд в качестве доказательства против тебя.

Я снова поворачиваюсь к Гриеру.

– Он сам виноват.

– И снова лишь потому, что назвал твою маму плохим словом.

Что за бред?! Как будто Гриер не стал бы защищать свою мать,

которую грубо обозвали.

– Хотите сказать, что мужчина не вступится за честь женщины, тем более если она член семьи? Любой присяжный посчитал бы это оправданием.

Любой мужик с юга не оставил бы подобное оскорбление безнаказанным.

Именно поэтому Маккорды согласились на сделку. Они понимали, что в их случае никакого дела возбуждено не будет, особенно против моей семьи. Нельзя назвать чью-то мать наркозависимой шлюхой и выйти сухим из воды.

Черты лица Гриера каменеют.

– Если бы я знал, что ты будешь замешан в столь сомнительных деяниях, то не стал бы предлагать твоему отцу уладить это дело финансово. Я бы посоветовал ему военное училище.

– О, так это была ваша идея? Потому что папа всегда угрожает военным училищем, когда ему не нравится наше поведение. Значит, это вас нам нужно благодарить, – с сарказмом говорю я.

– Рид, – одергивает меня отец, стоящий у книжных полок.

Он впервые заговорил с тех пор, как мы вошли сюда, но я наблюдаю за его лицом – оно становится все мрачнее и мрачнее.

Гриер сердито смотрит на меня.

– Мы с тобой в одной команде. Не нужно ругаться со мной, мальчик.

– Не называйте меня мальчиком. – Я тоже сердито смотрю на него, опустив руки на колени.

– А то что? И мне сломаешь челюсть?

Его глаза опускаются на мои ладони, которые я непроизвольно сжал в кулаки.

– К чему вы ведете? – бормочу я.

– Я...

Ему мешает продолжить тихий звонок телефона.

– Мы сейчас продолжим. – Гриер берет со стола глянцевый мобильный телефон и смотрит на экран. Потом хмурится. – Мне нужно ответить, извините.

Когда адвокат выходит в коридор, мы с папой обмениваемся тревожными взглядами. Но он закрыл за собой дверь, и нам ничего не слышно.

– С такими показаниями мои дела плохи, – ровным голосом говорю я.

Папа угрюмо кивает.

– Да, похоже, что так.

– Если судить по тому, что там написано, то я какой-то псих. – От бессилия становится трудно дышать. – Но это же чертов бред! Ну и что с того, что мне нравится драться? Ведь есть парни, которые боями зарабатывают себе на жизнь: боксеры, бойцы ММА^[10], рестлеры – однако я ни разу не слышал, чтобы кто-то называл их кровожадными маньяками.

– Знаю. – Папин голос звучит необычно мягко. – Но дело не в боях, Рид. У тебя взрывной характер. Ты...

Он умолкает, потому что дверь распахивается, и в проеме появляется Гриер.

– Я только что говорил с помощником окружного прокурора, – говорит адвокат странным голосом. Он как будто озадачен чем-то. – Этим утром пришли результаты вскрытия Брук.

Мы с папой выпрямляем спины.

– Тест ДНК ребенка? – медленно выговаривая слова, спрашиваю я.

Гриер кивает.

Я делаю вдох.

– И кто же отец?

И вдруг мне становится... страшно. Я понимаю, что никак не могу быть отцом этого ребенка, но вдруг какой-нибудь продажный работник лаборатории подделал результаты? Что если Гриер сейчас откроет рот и произнесет...

– Ты.

До меня только через секунду доходит, что он обращается не ко мне, а к отцу.

Глава 23

Рид

В кабинете повисает тишина. Мой отец в изумлении таращится на адвоката. Я таращусь на отца.

– В смысле мой? – Замученный папа смотрит на Гриера. – Это невозможно. Я сделал...

«Вазэктомию», – мысленно заканчиваю я за него. Когда Брук объявила о том, что беременна, папа был уверен, что ребенок не его: он сделал операцию сразу после того, как мама родила близнецов. Я тоже был уверен, что ребенок не мой, потому что уже полгода как не прикасался к Брук.

Выходит, только один из нас был прав.

– Анализ это подтвердил, – отвечает Гриер. – Отец ты, Каллум.

Папа тяжело дышит. На мгновение его глаза словно застилает пелена.

– Пап, – робко зову я его.

Он смотрит на потолок, как будто ему слишком больно смотреть на меня. На его скулах ходят желваки, а потом отец судорожно вздыхает.

– Я думал, она лгала мне. Она не знала, что я сделал вазэктомию, и я думал... – Снова вдох. – Я думал, отец кто-то другой.

Да, он решил, что это я. Но я не могу винить отца за то, что он пришел к такому выводу. Он знал о нас с Брук, так что все вполне понятно. Однако он не мог допустить даже мысли о том, что ребенок может оказаться его.

Я сочувствую папе. Он хоть и не любил Брук, но мог бы стать хорошим отцом ее ребенку. Наверное, сейчас ощущение потери убивает его.

Папа тяжело вздыхает и только потом переводит взгляд на меня.

– Я еще нужен тебе или сам справишься?

– Сам справлюсь, – угрюмо отвечаю я, потому что он, очевидно, едва может держать себя в руках.

Отец кивает.

– Хорошо, крикни, если я тебе понадобится.

Он нетвердой походкой покидает кабинет. После секунды тишины Гриер спрашивает меня:

– Готов продолжить?

Я слабо киваю.

– Хорошо. Давай поговорим про Эллу О’Халлоран. – Порывшись в огромной гряде документов, адвокат вытаскивает еще несколько страниц. – Элла О’Халлоран, ранее известная как Элла Харпер, семнадцать лет. Сирота, три месяца назад ее нашли в Теннесси, где она танцевала в стриптиз-клубах, скрываясь под личностью тридцатипятилетней женщины.

Всего каких-то три месяца? У меня же такое чувство, будто Элла всегда была частью моей жизни. В висках начинает стучать злость.

– Не говорите о ней.

– Мне придется говорить о ней. Она замешана в этом деле, нравится тебе это или нет. Вообще-то, Харви упомянул, что ты несколько раз приводил ее с собой на бои. Но вид крови ее не пугает.

– К чему вы ведете? – сквозь зубы повторяю я свой недавний вопрос.

– Давай пройдемся по другим показаниям, ладно? – Он резко поднимает в воздух новый лист бумаги. – Вот это показания Джордан Каррингтон.

– Джордан Каррингтон до смерти ненавидит Эллу.

Но Гриер снова игнорирует мои замечания.

– «Мы пригласили Эллу на прослушивание в группу поддержки. Она вошла в зал и с гордым видом прошла по нему в одних только трусиках и лифчике. У нее нет ни стыда ни совести. Это же позор! Но Риду почему-то это нравится. Он никогда не вел себя так до тех пор, пока не появилась она. Раньше он всегда вел себя прилично, но она пробудила в нем самые худшие качества. Если она рядом, то он становится невообразимо грубым».

– Я в жизни не слышал подобного бреда! Джордан приклеила скотчем к стене Астор-Парка какую-то девятиклассницу, а я, значит, невообразимо грубый? Элла никак на меня не повлияла.

– То есть ты хочешь сказать, что склонность к насилию у тебя была еще до того, как появилась Элла?

– Вы переиначиваете мои слова, – огрызаюсь я.

Он резко смеется.

– Это все цветочки по сравнению с тем, что будет ждать тебя на суде. – Он откидывает в сторону показания Джордан и поднимает следующий лист. – Это показания Эбигейл Уэнтворт. Судя по всему, вы встречались, но лишь до тех пор, пока ты не причинил ей боль. Вопрос: «Какие чувства вы испытываете к Риду?» Ответ: «Он причинил мне боль. Очень-очень сильную боль».

– Я и пальцем ее не тронул, – горячо возражаю я.

– Вопрос: «Как именно он причинил вам боль?» Ответ: «Я не могу говорить об этом. Это очень мучительные воспоминания».

Я вскакиваю из кресла, но Гриер неумолим.

– «Допрос прерван, потому что допрашиваемая сильно расстроилась и никак не могла успокоиться. Необходимо будет вернуться к этому вопросу».

Я с силой сжимаю спинку кресла.

– Я бросил ее. Мы встречались, но потом я уже больше не испытывал к ней никаких чувств и бросил ее. Но я не причинял ей никакой физической боли. Я ранил ее чувства, и мне очень жаль, но вряд ли она так уж сильно горюет обо мне, потому что в прошлом месяце переспала с моим братом.

Гриер вскидывает левую бровь. У меня появляется непреодолимое желание связать его и сбрызнуть чертям любую растительность на его голове.

– Отлично. Присяжные с удовольствием послушают о твоих братьях, которые тоже склонны к девиантному поведению.

– Это с чего вдруг?

Адвокат снова шелестит бумагами.

– У меня здесь наберется штук десять показаний, где говорится о том, что двое из них встречаются с одной и той же девушкой.

– Какое отношение это имеет к делу?

– Это лишь покажет присяжным, в какой обстановке вы живете. Что ты подросток из привилегированной семьи, который то и дело влипает в неприятные ситуации. Твой отец подчищает за тобой концы, откупаясь от жалоб и судебных исков.

– Я ломаю челюсти, но не женщин.

– Ты был единственным, кого зафиксировали камеры на входе в здание в тот вечер, когда погибла Брук Дэвидсон. Значит, у тебя была потенциальная возможность. Она была беременна...

– Но ребенок не мой, – возражаю я, – а папин.

– Да, однако ты тем не менее занимался с ней сексом, и Дина О'Халлоран даст показания. Это мотив. Твою ДНК обнаружили у нее под ногтями, вполне возможно, что она пыталась бороться с тобой. Перевязка на твоём боку была сделана позже тем же вечером. В твоём прошлом немало случаев физического насилия, в частности, когда на словах порочат репутацию близкой тебе женщины. У твоей семьи, позволь мне процитировать мисс Каррингтон, нет ни стыда ни совести. Не будет преувеличением сказать, что ты мог и убить, если чувствовал, что тебе угрожают. Это средства. Ну и, наконец, у тебя нет алиби.

Когда мне было четыре или пять, Гидеон столкнул меня в бассейн. Тогда я еще плохо умел плавать, что небезопасно, если живешь на берегу океана. Я спорил с мамой, потому что не хотел залезать в воду, и вот

Гидеон поднял меня и бросил в бассейн. Вода накрыла меня с головой, попадая в уши. Я барахтался, как беспомощная глупая рыба на суше, и думал, что никогда не выберусь на поверхность. Я бы, наверное, так и вырос, боясь воды, если бы Гидеон не вытащил меня, а потом снова не бросил в бассейн, и так несколько раз, до тех пор пока я не усвоил, что вода не собирается убивать меня. Я по-прежнему помню свой страх и отчаяние.

То же самое, страх и отчаяние. Меня прошибает холодный пот, когда Гриер поднимает последнюю страницу.

– Это досудебное соглашение о сотрудничестве со стороной обвинения, – тихим голосом говорит он, словно понимая, как сильно я потрясен. – Мы с прокурором составили его сегодня утром. Ты признаешь себя виновным в убийстве по неосторожности. В таком случае обычно приговаривают к лишению свободы сроком на двадцать лет.

Я беспомощно сжимаю спинку стула.

– Но прокурор предложит десять лет. А если будешь хорошо себя вести, ни с кем не драться, ни с кем не пререкаться, то тебя могут выпустить и через пять.

В горле у меня пересохло, язык кажется слишком большим. Мне приходится силком выдавливать из себя каждое слово.

– А если я не признаю себя виновным?

– Около пятнадцати штатов в нашей стране отменили смертную казнь. – Гриер на мгновение умолкает. – Но Северная Каролина к ним не относится.

Глава 24

Элла

Мы со Стивом как раз закончили ужинать, когда мой телефон начинает вибрировать. Сообщение от Рида. Мне приходится собрать всю свою волю в кулак, чтобы не схватить мобильник и тут же не прочитать эсэмэску, потому что Стив рядом. Он понятия не имеет о том, что я провела всю ночь с пятницы на субботу (и еще половину субботы) в постели с Ридом, и мне совсем не хочется, чтобы он о чем-то догадался.

– Не хочешь прочитать, что там? – убирая с колен салфетку, спрашивает Стив.

На его тарелке не осталось ни крошки. Прожив со Стивом неделю, я выяснила, что он тот еще обжора.

– Позже, – безразличным тоном отвечаю я. – Это, наверное, Вэл.

Он кивает.

– Приятная девушка.

По-моему, за все это время Стив и Вэл и десятью словами не обмолвились, но он приветствует нашу с ней дружбу, и это уже хорошо. Потому что, видит бог, мне хватает и того, что мой отец не одобряет Рида.

Я снова бросаю взгляд на телефон. Мне требуется сила воли.

Но я просто *умираю* как хочу знать, что в сообщении. Мы с Ридом не виделись сегодня в школе, даже во время перерыва на ланч. Он точно был там, потому что срок его отстранения от занятий истек, к тому же я мельком видела его утром на футбольном поле. Мне начинает казаться, что он избегает меня, вот только не пойму, почему. Когда я спросила об этом Истона, он лишь пожал плечами и сказал: «Плей-офф».

Как будто это объясняет, почему Рид не звонил и не писал мне с вечера субботы. Ясное дело, что команда сейчас сосредоточена только на том, чтобы выиграть чемпионат, но Рид никогда раньше не позволял футболу выходить на первое место в ущерб нашим отношениям.

Крошечная, неуверенная в себе часть меня гадает: не из-за секса ли это? Вдруг ему было не так хорошо, как мне? Но это *не может* быть правдой. Я знаю, когда нравлюсь парню, а в этот уик-энд Рид совсем не стеснялся своих чувств.

Значит, дело в чем-то другом. Иначе никак.

– Я могу пойти в свою комнату? – быстро спрашиваю я и тут же начинаю проклинать себя за нетерпение.

В последнее время у нас со Стивом все было... нормально. Он по-прежнему не хочет, чтобы я виделась с Ридом, но зато счастлив, что я стала членом группы поддержки, и с тех пор, как я вернулась из Гибсона, ведет себя очень мило. Я не хочу ставить под угрозу установившееся между нами, пока еще такое хрупкое, доверие и нечаянно раскрыть свой обман насчет Рида.

– Домашняя работа? – с усмешкой спрашивает он.

– Просто уйма, – вру я. – И все нужно сделать к завтрашнему дню.

– Хорошо, иди, занимайся. Если вдруг понадобится, я наверху.

Уходя из гостиной, я изо всех сил стараюсь держаться невозмутимо. Но, оказавшись в коридоре, молнией бросаюсь в свою комнату и там сразу же читаю сообщение.

«Мы можем сегодня увидеться?»

Мой пульс тут же ускоряется. Боже, да! Я очень хочу увидеться с ним сегодня! И не только потому, что соскучилась, но и потому, что хочу знать, почему он вдруг стал избегать меня.

Но вот только правила Стива в отношении Рида четко определены. В том смысле, что я не смогу видаться с Ридом за пределами школы. Никогда.

«Да! Но как? С. не разрешит мне приехать к тебе. И я должна быть дома в десять».

Увидев ответ Рида, я удивленно поднимаю брови.

«Я уже все придумал. Скажи ему, что у тебя сегодня свидание».

Не понимая, что происходит, я торопливо захожу в ванную и открываю все краны, а потом набираю номер Рида. Будем надеяться, что звуки бегущей воды заглушат мой голос, если Стив вдруг будет проходить мимо моей комнаты.

– И с кем это у меня свидание? – шепчу я, как только Рид берет трубку.

– С Уэйдом, – отвечает он. – Но не волнуйся, это не настоящее свидание.

Я морщу лоб.

– То есть ты хочешь, чтобы я сказала Стиву, что сегодня у меня

свидание с Уэйдом?

– Ага. Вряд ли с этим будут какие-то проблемы. Он сказал, что тебе нельзя встречаться со *мною*. Но это не значит, что тебе нельзя встречаться с *другими*.

Верно.

– Хорошо, – медленно говорю я, обдумывая, как мне все это повернуть. – Может, мне использовать метод от обратного?

Рид усмехается.

– Нет, серьезно! Это же гениально! Я скажу ему, что кое-кто просит меня пойти с ним на свидание, но я очень, очень-преочень не хочу идти, потому что все еще испытываю к тебе чувства, бла-бла-бла. – Я ухмыляюсь собственному отражению в зеркале. – Готова поспорить, он будет *умолять* меня пойти на свидание с Уэйдом.

– Какой коварный план! Мне нравится. – Рид снова усмехается. – Напиши мне, если все получится. Уэйд сможет забрать тебя в семь, тайком доставит тебя ко мне, а потом привезет обратно в отель к десяти.

– И что с этого имеет Уэйд? – недоверчиво спрашиваю я. Рид молчит, а значит, я не зря заподозрила, что здесь что-то не так. – О нет! Что ты ему пообещал?

– Вэл, – признается Рид. – Я сказал ему, ты поговоришь с ней, чтобы она простила его.

Я сдерживаю вздох.

– Не уверена, что это возможно.

– Но они же переспали в этот уик-энд, – возражает Рид.

– Да, и теперь она проклинает себя за это. – Ее точные слова: «Какая же я безмозглая идиотка!» – Она не хочет быть очередной игрушкой Уэйда.

– И это не так, – уверяет меня он. – Честное слово, я *никогда* не видел, чтобы Уэйд Карлайл так утруждался ради девчонки. Она ему правда очень нравится.

– Ты говоришь так лишь затем, чтобы мы смогли сегодня увидеться?

– Нет, ты что! Клянусь тебе, детка. Я бы ни за что не подставил твою лучшую подругу. Уэйд хочет все исправить. Он чувствует себя последним дерьмом из-за того, как вел себя с ней.

Я прислоняюсь к шкафчику иправляю за ухо прядь волос.

– Давай я позвоню ей, и посмотрим, захочет ли она поговорить с ним. Если она откажется, мы должны будем проявить уважение к ее желанию.

Даже если это значит, что Уэйду не придется выполнять свое обещание. Но я надеюсь, что он все равно поможет нам, даже если Вэл скажет «нет».

Голос Рида становится серьезным.

– Детка, постарайся сделать так, чтобы это случилось. Я... – Повисает пауза. – Мне очень нужно с тобой увидеться.

Когда мы вешаем трубки, в моей голове звучит тревожный звоночек. Он хочет расстаться со мной?

Нет, ну конечно же, нет. Это бред.

Но почему тогда у него был такой грустный голос? И почему он не попытался увидеться со мной в школе?

Отбросив страхи, я звоню Вэл.

* * *

Вэл соглашается. Я даже немного ошарашена тем, с какой готовностью подруга поддалась на мои уговоры выслушать Уэйда, но, похоже, она не так уж сильно жалеет о той ночи этим уик-эндом, как рассказывала мне сегодня в школе.

Теперь пришла очередь обработать Стива, к чему я немедленно и приступаю. Я прохожу мимо спальни, которую он использует в качестве кабинета, и иду нарочно медленно, при этом притворяясь, что разговариваю по телефону.

– Я еще не готова! – громко говорю я. – Уф, все, я вешаю трубку. Пока, Вэл!

И тут же преувеличенно тяжело вздыхаю.

Естественно, мой рассерженный вздох заставляет Стива покинуть свой кабинет.

– Все в порядке? – обеспокоенно спрашивает он.

– Да, – бормочу я. – Просто Вэл сошла с ума.

На его губах появляется улыбка.

– Почему это?

– Она хочет, чтобы я... – Я намеренно обрываю фразу, а потом ворчу: – Да пустяки. Не бери в голову. Я собиралась на кухню, а то пить ужасно хочется.

Стив усмехается и спускается вслед за мной на первый этаж, собственно, как я и надеялась.

– Ты же знаешь, что всегда можешь поговорить со мной. Я же твой отец и могу дать тебе мудрый совет, кучу советов.

Я закатываю глаза.

– Ты говоришь в точности как Вэл. Она тоже пыталась дать мне

«мудрый совет». – Я показываю пальцами кавычки.

– Понятно. И по какому поводу?

– Из-за парня вообще-то. – Я подхожу к холодильнику и беру бутылку воды. – Ты не захочешь все это слушать.

Он тут же с подозрением прищуривается.

– Ты ведь больше не встречаешься с Ридом? – Это звучит как вопрос, но мы оба понимаем, что оно задумано как утверждение.

– Нет, между нами все кончено. – Я стискиваю челюсти. – Благодаря тебе.

– Элла...

– Ладно, Стив, проехали. Я все поняла. Ты не хочешь, чтобы я встречалась с Ридом. Я и не встречаюсь. Ты победил, все.

Он досадливо вздыхает.

– Дело не в том, кто победил, а кто проиграл. Я просто хочу защитить тебя. – Он опирается обеими руками на гранитную столешницу. – Этот мальчишка может оказаться в тюрьме, Элла. Мы не можем просто взять и закрыть на это глаза.

– Ладно-ладно, проехали, – снова ворчу я. А потом распрямляю спину и с вызовом смотрю на него. – А если я начну встречаться с нашим квотербеком? Как тебе это понравится, а? – Я издаю звук отвращения. – Конечно, ты будешь только «за», потому что это не Рид.

Стив моргает.

– Не понимаю.

– Уэйд Карлайл пригласил меня сегодня вечером в кино, – мрачно отвечаю я. – Из-за этого мы с Вэл спорили. Она считает, что мне следует пойти, но я сказала «нет».

Стив морщит лоб. Он, кажется, задумался над чем-то, но потом его словно осеняет.

– Ты сказала «нет», – эхом повторяет он мои слова.

– Да, я сказала «нет»! – Я с силой ставлю бутылку на кухонную столешницу. – Я все еще влюблена в Рида, если ты пока не понял.

Судя по блеску в его глазах, он уже все просчитал.

– Иногда лучший способ забыть кого-то – это начать встречаться с кем-то другим.

– Отличный совет. – Я пожимаю плечами. – Жаль, что я им не воспользуюсь. Уэйд Карлайл меня ни капли не интересует.

– Но почему нет? Он из хорошей семьи. Член школьной футбольной команды. – Стив поднимает бровь. – И не находится под следствием по делу об убийстве.

Он бабник. Ему нравится моя лучшая подруга. Он лучший друг Риды.

Я могу назвать миллион причин, по которым *не должна* идти на свидание с Уэйдом, но, чтобы Стив ничего не заподозрил, притворяюсь, что обдумываю его слова.

– Может, все и так, но я едва его знаю.

– Так не в этом ли вся суть свиданий? – парирует Стив. – Узнать кого-то получше?

Стив хлопает в ладоши и сплетает пальцы.

– По-моему, ты должна пойти.

– С каких это пор? – дерзким тоном спрашиваю я. – Ты же хочешь, чтобы я ни с кем не встречалась! Или уже забыл?

– Нет, я не хочу, чтобы ты встречалась с Ридом, – поправляет он меня. – Послушай, Элла. Я люблю мальчишек Ройалов больше жизни, я их крестный отец, ради всего святого, но они съехали с катушек еще даже до того, как умерла их мать. У них черт-те что в головах, и я считаю, что они влияют на тебя не самым лучшим образом, понимаешь?

Я с вызовом смотрю на него.

– И хотя мне кажется, что в твоем возрасте еще рано вступать в серьезные отношения, я предпочитаю, чтобы, прежде чем объявить о своей вечной любви к Риду Ройалу, ты поняла, что вокруг много других достойных парней, – сухим тоном говорит Стив.

Я по-прежнему молчу.

– Уэйд Карлайл... Он пригласил тебя в кино, ты сказала?

Я неохотно киваю.

– Сегодня вечером?

Снова кивок.

Стив кивает в ответ.

– Я не против, чтобы ты пошла, но при условии, что будешь дома к одиннадцати.

Ого, значит, уже одиннадцать? Забавно, ведь когда я была с Ридом, то должна была быть дома в *десять*. Я *и есть* с Ридом. Мы еще вместе, слава богу. Просто Стив об этом не знает.

– Даже не знаю... – я снова имитирую нежелание куда-либо идти.

– Подумай об этом, – направляясь к двери, советует Стив. – Если решишь пойти, дай мне знать.

Я жду, когда он выйдет из комнаты, и потом улыбаюсь во весь рот. Приходится взять себя в руки и не пуститься в радостный пляс. Затем достаю из кармана телефон и пишу Риду.

«Сработало. Скажи Уэйдуну быть у меня в семь».

Глава 25

Элла

Ровно в семь в наш в номер звонит портье, чтобы доложить о прибытии Уэйда Карлайла.

– Пусть поднимается, – говорит Стив, кладет трубку и оценивающе разглядывает мой наряд для «свидания».

Я решила, что мне стоит выглядеть благопристойно, и поэтому надела джинсы скинни, свободный серый свитер и черные ботинки на плоской подошве. Волосы я оставила распущенными, но убрала с лица двумя зелеными заколками. Вид у меня до тошноты милый.

Стив явно одобряет мой образ.

– Отлично выглядишь!

– Спасибо. – Я притворяюсь, что нервничаю, и дергаю низ свитера. – Но я все еще не уверена, что мне стоит идти.

– Повеселишься как следует, – твердо заявляет Стив. – Тебе это пойдет на пользу.

Когда раздается стук в дверь, мы вместе идем к ней. Стив первым дотягивается до ручки, открывает, и на пороге появляется Уэйд с вежливой улыбкой на симпатичном лице.

– Здравствуйте, – говорит он моему отцу. – Я Уэйд, приехал за Эллой.

– Стив О’Халлоран.

Пока они жмут друг другу руки, я наблюдаю за Стивом. Он явно под впечатлением от аккуратного внешнего вида Уэйда и его классической красоты. Пару минут они обсуждают серию плей-офф, затем мы с Уэйдом уходим, в то время как Стив не так уж и тайно показывает мне два поднятых вверх больших пальца.

Как только мы входим в лифт, я закатываю глаза.

– Он так старается быть настоящим отцом, – со вздохом говорю я.

Уэйд усмехается.

– Но он *и есть* твой отец.

Мы спускаемся в вестибюль, и все это время я стою так, чтобы между мной и Уэйдом было не меньше метра. По какой-то идиотской причине у меня паранойя, что Стив имеет доступ к камерам в лифте, поэтому я не хочу ни сделать, ни сказать ничего, что могло бы показаться странным.

Но как только мы оказываемся в безопасности, усевшись в «мерседес» Уэйда, я первым делом бросаюсь ему на шею.

– Огромное тебе спасибо за это!

– Пожалуйста, – отвечает он, а потом его улыбка немного увядает. – Ты поговорила с Вэл?

Я киваю.

– Она сказала, чтобы ты позвонил ей, как только высадишь меня у Рида.

Его лицо светится надеждой.

– Да?

– Ага. – Я похлопываю его по руке. – Не облажайся, Карлайл. Вэл очень хорошая.

– Я знаю. – Он издает досадливый стон. – Но до того, как вы начали дружить, я видел в ней лишь бедную кузину Джордан, понимаешь?

От удивления я даже открываю рот.

– О боже! Какие ужасные вещи ты сейчас говоришь!

– Но это правда. – Он заводит двигатель и съезжает с обочины. – Я не замечал ее до тех пор, пока ты не переехала в наш город и не замутила с Ридом. И вот вдруг она стала сидеть с нами за ланчем, и... – Он пожимает плечами. – Она правда очень классная. И такая горячая штучка!

– Она действительно тебе нравится или это всего лишь игра?

– Она мне нравится, – уверяет он меня. – По-настоящему.

– Это хорошо. И поэтому, повторюсь, не облажайся.

Поездка пролетает почти незаметно. Когда Уэйд въезжает на дорогу, ведущую к особняку Ройалов, я уже превратилась в один большой комок нервов. Я вылетаю из машины еще до того, как Уэйд окончательно тормозит, и он начинает ржать как припадочный.

– Боже, никогда не видел, чтобы девчонке так не терпелось заняться сексом, – говорит он, догоняя меня на ступеньках, ведущих в замок Ройалов.

– Мне не терпится увидеть своего парня, – чопорно отвечаю я. – К сексу это не имеет никакого отношения.

– Ну-ну, убеждай себя в этом сколько хочешь.

Как только мы подходим к входной двери, она тут же распахивается, и я оказываюсь в объятиях Рида, а он утыкается лицом мне в шею.

Я резко дергаюсь назад и с тревогой всматриваюсь в пустую гостиную.

– Каллум дома?

– Он позвонил и сказал, что сегодня будет работать допоздна, – отвечает Рид, снова притягивая меня к себе.

Наши губы встречаются, и в этом поцелуе столько обжигающей страсти, что температура в гостиной резко подскакивает. Уэйд горестно стонет.

– Ребята, хватит! Никогда не думал, что скажу это, но, может, вы уединитесь?

Я смеюсь и поворачиваюсь к Уэйду.

– По-моему, ты всегда был только за публичную демонстрацию чувств, – поддразниваю я его.

Он надувает губы.

– Раз я не в деле, то какое это веселье?

Продолжая обнимать меня рукой за талию, Рид хлопает ладонью свободной руки по ладони Уэйда.

– Спасибо, что помог нам!

– Да без проблем. Я вернусь через пару часов, пойдет?

Нет, но нам придется смириться с этим.

– Еще как, – отвечаю я. – А теперь иди, звони Вэл.

Радостно отсалютовав нам, Уэйд выбегает за дверь. Рид запирает ее и тут же подхватывает меня на руки.

– Куда мы идем? – цепляясь руками за его шею, спрашиваю я.

Он поднимается по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

– Смотреть кино с Истоном.

– Серьезно? – У меня опускается сердце. Я была уверена, что мы будем наслаждаться этими счастливыми часами только вдвоем.

– Вообще-то, нет, – со смехом отвечает он. – Я пошутил.

Поднявшись на второй этаж, Рид проходит мимо моей спальни, затаскивает меня в свою и там ставит меня на пол. Я жду, когда он обнимет меня, снимет с меня свитер, с себя – футболку, но ничего из этого не происходит.

Я робко оглядываюсь по сторонам.

– Что-то не так?

– Я хочу поговорить с тобой по поводу дела и о других вещах тоже, – признается Рид.

Сцепив руки в замок за головой, он грустно смотрит на меня.

– Значит, никакого веселья? – с разочарованием спрашиваю я тихим голосом.

Не то чтобы я не переживу, если у нас не будет секса, но, пока я в его объятиях, в наших жизнях не существует ничего плохого. Только мы двое.

– Пока нет. – Он старается улыбнуться, но улыбка почти сразу же гаснет. Похоже, он понимает, что фальшивые улыбки со мной не

прокатывают. – Может, сядешь?

В комнате Рида не так много вариантов, куда можно сесть. Обстановка тут почти спартанская: большая кровать, комод и небольшой диван на двоих перед огромным телевизором на стене. Я опускаюсь на кровать, и мне хочется лишь одного – забраться под одеяло и сидеть там, пока весь этот кошмар не закончится.

– Пришли результаты вскрытия Брук, – начинает Рид.

У меня останавливается сердце. О нет. Печаль в его глазах подсказывает мне, что хороших новостей ждать не стоит, и внезапно меня начинает подташнивать. Нет, не может быть, чтобы отцом ребенка был Рид...

– Это папин ребенок, – заканчивает он.

Во мне борются облегчение и шок.

– Что? Seriously?

Рид кивает.

– Видимо, вазэктомия оказалась неэффективной.

– А такое вообще возможно?

– В некоторых случаях – да. – Рид засовывает руки в карманы. – И папа тяжело воспринял эту новость. В том смысле, что он не хотел быть с Брук, но для их ребенка был готов на все. Мне кажется, сейчас, когда он узнал об отцовстве, ему трудно смириться с его гибелью.

Я кладу руку на грудь. Бедняга Каллум!

– Мне так жаль его!

– Мне тоже. Но самое печальное, неважно, кто действительно отец ребенка, – Брук угрожала им только *мне*, и я по-прежнему единственный, у кого был мотив, и единственный, кого в ту ночь запечатлели камеры видеонаблюдения.

Я закусываю губу.

– Когда пришли результаты теста на отцовство?

– Вчера.

Я сердито смотрю на него.

– И ты решил сказать мне только сейчас?

– Я ждал папу. Но он даже Истону и близнецам пока ничего не сказал. Говорю же, он чертовски расстроен. Но тебе я должен был рассказать. Ведь я пообещал, что больше не буду хранить от тебя секреты, помнишь?

Я испытываю досаду.

– Ты весь день избегал меня в школе, – обвиняющим тоном говорю я.

Рид вздыхает.

– Да, знаю. Прости. Я просто пытался придумать, как рассказать тебе о

других вещах.

По спине бегут мурашки.

– Каких еще других вещах?

– Слушание по моему делу назначили на май, – признается он.

Я вскакиваю с кровати.

– Через целых шесть месяцев?!

Рид мрачно улыбается.

– Гриер говорит, что у меня есть конституционное право потребовать безотлагательного судебного разбирательства.

В животе все словно переворачивается.

– Скажи, что парни Каллума что-нибудь нашли! Они же разыскали меня, в конце концов!

– Ничего. – На лице Рида ни проблеска надежды. – Они ничего не нашли.

Он на секунду умолкает.

– Гриер говорит, что я могу не выиграть.

Я начинаю ненавидеть каждое предложение, которое начинается со слов «Гриер говорит...».

– И что теперь?

Слезы жгут глаза, и я пристально рассматриваю ковер. Зачем добавлять к мукам, которые я слышу в его голосе, еще и свои переживания?

– Он хочет, чтобы я признал себя виновным.

Тут я уже больше не в состоянии сдержать стон отчаяния.

– Нет!

– Это двадцать лет тюремного заключения, но команда окружного прокурора будет рекомендовать десять. Из-за того, что тюрьмы переполнены, Гриер говорит, меня могут выпустить лет через пять. Я думаю, мне стоит...

Я подлетаю к нему и закрываю его рот своей рукой. Я не хочу, чтобы он произносил это вслух. Если он скажет, что собирается заключить сделку со следствием, оставить меня, я ничего не смогу сделать, чтобы заставить его передумать. Поэтому я притягиваю его голову к себе и прижимаюсь к его губам своими, заставляя его молчать единственным способом, который знаю.

Рид приоткрывает рот, и я иду на штурм, используя любые доступные средства: язык, губы, руки – все что могу.

– Элла, остановись, – стонет он.

Но если у Рида и есть какая-то слабость, то это я, и мне ничего не остается, как безжалостно воспользоваться этой уязвимостью.

Мои руки в его штанах. И вот я уже стою перед ним на коленях, вбирая его член целиком в рот. Глядя на него снизу вверх, я бросаю ему вызов остановить меня прямо сейчас.

Чего Рид не делает. Наоборот, он проталкивается все глубже, стонет, а потом поднимает меня и бросает на кровать.

Сама я уже изнемогаю от желания.

– Этого ты хочешь? – рычит он.

– Да, – яростно отвечаю я, обхватывая его ногами за талию. – Докажи, как сильно меня любишь.

В его глазах вспыхивает вождение. Может, он и хотел поговорить, но теперь совершенно позабыл об этом.

Когда мгновение спустя он входит в меня, я жду наслаждения, которое прогонит грусть, но боль не отступает. Она наполняет мое сердце, и даже его сильное тело, вжимающее меня в кровать, не в силах вытеснить ее.

Он занимается со мной любовью исступленно, неистово, как будто думает, что это последний раз, когда мы вместе. Его тело врезается в меня с силой, глубоко, и я уже не могу дышать. Но во мне столько же бешеной страсти. Мои ногти вонзаются в его плечи. Мои ноги сжимают его талию. Какой-то крошечной частичкой сознания я чувствую, что люблю его так сильно и буду любить так долго, что смогу удерживать его рядом с собой вечно.

Когда молния пронзает мое тело и блаженство наконец-то берет верх над болью, я забываю, почему злилась, и позволяю волнам наслаждения унести меня прочь.

Когда я опускаюсь с небес на землю, вспотевшая, но не насытившаяся, то снова тянусь к нему, желая лишь одного – остаться в этом чувственном забытьи, где существуем только Рид и я. Но, в отличие от той ночи после матча, Рид отодвигается от меня.

– Элла, – нежно говорит он, проводя рукой по моему свитеру, который я даже не удосужилась снять, – мы не можем решить все проблемы сексом.

Задетая его словами, я резко отвечаю:

– Ну извини, что мне хотелось быть ближе к тебе.

– Элла...

Я сажусь и тут понимаю, что вся нижняя часть моего тела голая. Наклонившись, я хватаю с пола джинсы и натягиваю их.

– Если ты так хочешь, чтобы тебя упекли за решетку на двадцать лет, то почему мне нельзя получить весь свой секс сейчас? Потому что потом меня будут согревать только мои воспоминания.

Рид кусает губу.

- Ты собираешься ждать меня?
- Я непонимающе смотрю на него.
- Конечно. А что мне еще делать?

И тут до меня доходит. Он даже толком ничего не обдумал. Не взвесил все «за» и «против» своего признания. Воодушевленная этим открытием, я решаю поднажать.

- Еще бы! Мы ведь расстанемся на целых двадцать лет!
- Пять, – рассеянно поправляет меня Рид.
- Пять, если нам повезет. Пять, если судебная система, или кто там за это отвечает, решит, что ты заслуживаешь выйти на свободу. Ты сам сказал, что приговор предусматривает двадцать лет. Когда ты выйдешь, мне будет около сорока.

Рид первый, кроме мамы, кого я люблю по-настоящему. До встречи с ним в моем будущем не фигурировали мужчины. Насмотревшись на маминых дружков, я решила, что без мужчины мне будет лучше. Но теперь я не вижу своего будущего без Рида, однако предстоящий нам путь угнетает, и надо мной снова нависает сокрушительное чувство одиночества, с которым я жила после маминой смерти.

Если я потеряю и Рида, то не знаю, как смогу с этим справиться.

Борясь с нахлынувшей паникой, я сажусь на колени на кровати рядом с ним.

– Давай убежим. Прямо сейчас. Только заберем мой рюкзак и сбежим отсюда.

Он выглядит разочарованным.

– Я не могу. Я люблю тебя, Элла, но уже говорил: бегство не избавит нас от всего этого. Будет только хуже, если я сбегу. Мы никогда больше не сможем увидеться с моей семьей, будем жить в вечном страхе, что нас поймают. Я люблю тебя, – повторяет он, – но мы не можем сбежать.

Глава 26

Рид

Когда на следующий день я возвращаюсь из школы, в гостиной уже сидит Хальстон Гриер. Вчерашнее свидание с Эллой, даже несмотря на секс, было пронизано болезненным напряжением, и теперь я вдруг понимаю, почему.

Что бы мы ни делали, тень этого дела будет висеть над нашими головами до тех пор, пока все это дерьмо не разрешится.

– Новые свидетельские показания? – В мой вопрос просочилось куда больше яда, чем я планировал.

Гриер и папа обмениваются тяжелыми взглядами, и отец поднимается на ноги. Он хватает меня за плечи и притягивает к себе, как будто ему хочется обнять меня, но вдруг останавливается.

– Я поддержу любое твое решение, – угрюмо говорит он и выходит из комнаты.

Гриер молча показывает на диван. Он ждет, пока я сяду, а потом вытаскивает из дипломата, стоящего на полу возле его ног, лист с протоколом свидетельского допроса.

Если я больше никогда не увижу очередную копию, то умру счастливым.

Адвокат, подавшись вперед, протягивает мне лист с показаниями.

– Больше не будете читать мне вслух? – спрашиваю я и пробегаю глазами по шапке документа, где сказано, что это свидетельские показания некой Руби Майерс.

– Никогда о ней не слышал. Это чья-то мама? – Я пытаюсь припомнить, знаю ли кого-то с такой фамилией. – В одиннадцатом классе учится какой-то Майерс. По-моему, он играет в лакросс...

– Просто прочти.

Я усаживаюсь поудобнее и принимаюсь читать аккуратно напечатанные слова.

Я, Руби Майерс, осознавая возможность наказания за лжесвидетельство, подтверждаю, что все нижеприведенные факты являются подлинным и точным изложением известной мне информации.

Мне уже есть восемнадцать лет, и я имею право давать показания по собственной воле.

Я проживаю по адресу: Эйт-стрит, дом 1501, квартира 5б, Бэйвью, Северная Каролина.

Меня наняли обслуживать частный прием по адресу: Лэйкфронт-роуд, 12, Бэйвью, Северная Каролина. Меня подвезла подруга, потому что моя машина была не на ходу: мне сказали, что-то с генератором.

Это мой адрес. Я роюсь в памяти, чтобы припомнить последний раз, когда нас обслуживал нанятый персонал. Наверное, это было в тот вечер, когда у нас ужинали Брук и Дина. Но я не могу вспомнить ничего стоящего, о чем можно было бы рассказать полиции. Ист и Элла застукали Гидеона с Диной, когда те трахались в уборной. Это, что ли? Но какое отношение имеет к моему делу секс этих двоих?

Я уже открываю рот, чтобы спросить, но тут мое внимание привлекает следующий пункт.

После ужина, примерно в девять часов пять минут, я воспользовалась уборной на втором этаже. Меня заинтересовал дом, потому что он был очень красивым, и мне стало любопытно, как выглядят другие комнаты. Ужин уже закончился, и я прокралась наверх, хоть и не должна была. Я услышала, как в одной из спален переговариваются двое людей, и украдкой заглянула туда. Это были второй из старших сыновей, Рид, и та светловолосая леди, которая умерла.

Больше я не читаю ни слова. Отложив в сторону два листа письменных показаний, я спокойным голосом говорю:

– Это все ложь. Той ночью я не поднимался наверх с Брук. За последние шесть месяцев она оказывалась в моей комнате лишь раз – в ту ночь, когда сбежала Элла.

Адвокат лишь слегка пожимает плечами – эта его манера чертовски бесит меня.

– Руби Майерс – приятная женщина, которая трудится на двух работах, чтобы прокормить своих детей. Муж ушел от нее около пяти лет назад. Все ее соседи говорят, что в мире нет лучше матери-одиночки, чем Руби Майерс.

– Женщина с принципами и моральными устоями? – передразниваю я Джордан Каррингтон, переиначив цитату из ее показаний.

Я протягиваю бумаги Гриеру, но он не берет их.

– Читай дальше.

Я уныло продолжаю читать остальные пункты.

Та светловолосая леди, Брук, говорила, что соскучилась по мальчику. Я посчитала, что когда-то они были вместе. Он спросил, какого черта она делает в его комнате, и приказал убираться. Она на мгновение надулась, а потом сказала, что раньше он никогда не жаловался.

– На мгновение надулась? Кто додумался написать такое дерьмо?

– Мы предлагаем свидетелям самим писать свои показания. Звучит более аутентично, как будто это его собственный голос.

Если бы Гриер не должен был меня спасти, думаю, я сейчас сломал бы ему челюсть.

Брук утверждала, что беременна и что отец ребенка – Рид. Он ответил, что ребенок не его, и пожелал ей удачи в жизни. Она сказала, что ей не нужна удача, потому что у нее есть он. Он продолжал говорить леди, чтобы она убиралась, потому что скоро должна была вернуться домой его девушка.

– Какое наказание полагается за лжесвидетельство? – спрашиваю я. – Потому что ничего этого не было. Примерно в тех числах у нас был ужин с Брук и Диной, но я ни с кем из них приватно не разговаривал.

Гриер лишь снова пожимает плечами.

Я продолжаю читать дальше.

Леди хотела, чтобы он помог ей выйти замуж за его отца. Рид отказался и сказал, что она станет членом их семьи только через его труп.

Я услышала шум и подумала, что меня могу поймать, поэтому побежала вниз и помогла убрать посуду и оборудование. Затем я залезла в фургон. Моя подруга высадила меня у моего дома.

– Это бред сивой кобылы. – Я бросаю полные лжи бумаги на кофейный столик и провожу рукой по лицу. – Я даже не знаю, кто такая эта Майерс. И наш с Брук разговор, который она описывает, случился в ту ночь, когда сбежала Элла. Дома никого не было. Понятия не имею, откуда ей все это известно.

– Значит, это было?

– Я никогда не говорил, что она станет членом нашей семьи через... –

Я хватаю листок и читаю лживые слова: – «через его труп».

– Но тогда откуда ей все известно?

В горле пересохло.

– Понятия не имею. Наверное, она каким-то образом была знакома с Брук. Вы не можете отследить мобильники и узнать, контактировали ли они с Брук? – Я понимаю, что хватаюсь за соломинку, но просто уже чувствую, как стены вокруг меня начинают сжиматься.

– В свете последних событий... – Гриер толкает бумаги с показаниями в мою сторону до тех пор, пока они уже чуть не валятся со стола. – Соглашайся на сделку с обвинением, Рид. Ты выйдешь к своему двадцать третьему дню рождения. – Он пытается улыбаться. – Посмотри на это как на продолжение образования, только немного в других условиях. Ты сможешь получить диплом, даже степень. Мы сделаем все, чтобы твоя жизнь там протекала максимально комфортно.

– Вы даже не можете снять с меня обвинение в том, чего я не совершал, – огрызаюсь я. – Как вообще я могу вам доверять?

Он наклоняется и берет свой дипломат, на его лице читается разочарование.

– Я предлагаю тебе самое лучшее решение, какое только может быть. Менее щепетильный адвокат довел бы дело до суда и вытащил бы из твоего отца чертову уйму денег. Я советую тебе пойти на сделку с обвинением и признать себя виновным, потому что аргументов в твою защиту нет.

– Я говорю вам правду. Я никогда не лгал вам. – Меня охватывает злоба.

Гриер скорбно глядит на меня поверх своих идиотских очков.

– Иногда невинные тоже садятся на долгий срок. Я верю тебе и считаю, что команда прокурора – тоже, поэтому я и смог добиться для тебя этой сделки. За непредумышленное убийство обычно дают двадцать лет лишения свободы. Десять лет – очень щедрое предложение. И лучше этой сделки у нас ничего нет.

– Мой отец знает об этом? – Я киваю на копию свидетельских показаний Руби Майерс.

Гриер перекладывает дипломат из одной руки в другую.

– Да. Я дал их ему почитать до твоего приезда.

– Мне нужно подумать, – подавленно говорю я.

– Предложение Делакурта больше не в силе. Слишком много улик, – добавляет Гриер, как будто я когда-то собирался рассматривать вариант с Делакуртом. Ему прекрасно известно, что я не позволю Дэниелу вернуться и портить жизнь Элле.

Я чувствую, как земля ускользает из-под ног. Мне восемнадцать, а мой мир, который недавно казался безграничным, сузился до выбора: провести в тюрьме пять лет или рискнуть испытать судьбу и состариться в крошечной цементной камере.

– Если я... – Мне больно говорить, и я со стыдом понимаю, что глаза жжет от навернувшихся слез. Я заставляю себя договорить. – Если я пойду на сделку, то когда начну отбывать свой приговор?

Плечи Гриера с облегчением опускаются.

– Я порекомендовал, и сторона обвинения во главе с окружным прокурором, кажется, не против, чтобы ты начал отбывать приговор сразу после первого января. Ты сможешь доучиться до конца семестра и провести праздники со своей семьей. – Адвокат шагает вперед, в его голосе даже появляется некое воодушевление. – Думаю, что смогу определить тебя в тюрьму с общим режимом. Там содержатся в основном лица, обвиненные в распространении наркотиков и совершившие должностные преступления, и совсем мало тех, кто совершил преступление сексуального характера. Довольно безобидные товарищи.

Он улыбается так, будто я должен вознаградить его за столь щедрый подарок.

– Жду не дождусь, – бормочу я себе под нос.

Потом протягиваю руку, вспомнив о хороших манерах, которые привила нам мама.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Мыжимаем друг другу руки, и Гриер поворачивается, чтобы уйти, но останавливается в дверях.

– Я понимаю, что твой первый порыв – вступить в схватку. И это замечательно. Но в этот единственный раз тебе нужно уступить.

* * *

Спустя десять минут в гостиную входит отец, а я стою в той же позе, словно выросший в пол. До меня доходит весь чудовищный беспредел происходящего.

– Рид, – тихо окликает меня папа.

Я поднимаю на него свой недоуменный взгляд. Мы с папой примерно одного роста и телосложения. Я немного тяжелее, потому что качаюсь. Но я помню, что когда был маленьким, то катался на его плечах и думал, что он

убережет меня от всего.

– Как думаешь, что мне делать?

– Я не хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму, но это и не поездка в Вегас, где мы можем поставить на кон пусть даже несколько миллионов. Выбрав слушание в суде, мы поставим на кон твою жизнь. – Он выглядит таким же постаревшим, усталым и побежденным, каким себя чувствую и я.

– Я этого не делал. – И впервые за все время мне кажется очень важным сказать ему это, чтобы он поверил.

– Я знаю. Я знаю, что ты никогда бы не причинил ей вреда. – Уголок его рта чуть приподнимается. – И неважно, насколько сильно она того заслуживала.

– Да. – Я засовываю руки в карманы. – Я хочу поговорить с Эллой. Как считаешь, Стив будет очень недоволен?

Если у меня осталось так мало времени, я хочу провести его с теми, кто мне дорог больше всех.

– Я все устрою. – Он запускает руку во внутренний карман пиджака и достает свой телефон. – Хочешь поговорить со своими братьями? Тебе необязательно. По крайней мере, до тех пор, пока не примешь окончательное решение.

– Они заслуживают быть в курсе всего. Но я хотел бы пройти через это только раз и поэтому подожду, когда приедет Элла.

Мы выходим в холл. Я ставлю ногу на первую ступеньку, когда вдруг кое-что приходит на ум.

– Ты расскажешь об этом Стиву? – Я показываю рукой в сторону гостиной, где Гриер только что обрушил на меня последние шокирующие новости.

Папа качает головой.

– Это касается только Ройалов. – Он снова криво улыбается. – Поэтому Элла должна приехать.

– Ты прав.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и, оказавшись на втором этаже, сразу же отправляю сообщение Элле.

«Папа договорится, чтобы ты смогла к нам приехать».

«Правда?:) У меня такое ощущение, как будто я под домашним арестом. Я не жалею, но, когда Стив сказал, что этот номер очень маленький, я подумала, что он спятил. Спустя три недели мне самой уже кажется, что я живу в коробке из-под крекеров».

Интересно, а насколько большие камеры в тюрьмах?
Пишу в ответ:

«Понимаю тебя».

Я задумываюсь о сделке с обвинением, лихорадочно перебирая свои возможности. Если я соглашусь на нее, то меня засунут в цементную комнатку и продержат там пять лет. Это где-то две тысячи дней. Могу ли я пойти на это? Переживу ли я это?

Сердце вдруг начинает биться так сильно, что я боюсь, как бы меня не хватил сердечный приступ.

Я снова набираю сообщение.

«Когда вам можно будет вернуться в пентхаус?»

«Надеюсь, что скоро. Г. хочет, чтобы я поискала его фотки. Думаешь, мне стоит?»

«Конечно, это же очевидно».

Проклятье, как же мне хочется избавиться от этой власти, которой обладают над нашей семьей Дина и Брук! Снять с себя обвинение в убийстве будет первым шагом в эту сторону. Я мог бы бороться, но какой смысл? Гриер говорит, мое дело безнадежно.

Я не хочу, чтобы во время судебного слушания мою семью смешали с дерьмом. Я не хочу, чтобы свидетели один за другим говорили о проблемах Истона с азартными играми, алкоголем и наркотиками, о личной жизни близнецов, смаковали подробности историй Гидеона и Дины, меня, Брук и папы. И, потом, у Эллы тоже есть прошлое. Она не заслуживает, чтобы ее снова втоптывали в грязь.

Наша семья уже и так прошла через многое. Если дело дойдет до суда, сторона обвинения начнет копать в деталях маминой смерти. И все, что нам с таким трудом удавалось сдерживать за закрытыми дверями, выльется наружу.

У меня есть возможность сделать так, чтобы ничего этого не было. Цена за все эти секреты – кусочек моей свободы. Подумаешь, каких-то пять лет. *Пять лет, если повезет.* Я смогу это пережить. Маленькая частичка целой жизни. Но что она по сравнению с тем ущербом, который нанесет

нашей семье суд?

Ничто.

Да, я сделал свой выбор. Это будет верное решение. Я уверен.

Теперь мне лишь остается убедить в этом Эллу и моих братьев.

* * *

Элла приезжает час спустя. Как только она влетает в дом, мне сразу же становится легче дышать. Я едва успеваю взять себя в руки, как она уже кидается мне на шею. После протяженного и очень возбуждающего поцелуя в губы Эллы освобождается из моих объятий.

– Боже, ты как ледяная глыба. – Она щиплет меня за голую руку. – Оденься, а.

– А по-моему, тебе нравилось, когда на мне нет одежды, – парирую я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно. – Помнится, ты даже как-то сказала, что я совершаю преступление, когда надеваю рубашку.

Она морщит нос, но ничего не отрицает.

– Как думаешь, что Каллум сказал Стиву? Стив разрешил мне приехать к вам и даже не стал закатывать скандал. Может, он тоже приедет?

Элла так широко улыбается – наверное, думает, что у меня для нее хорошие новости. Я не хочу ее разочаровывать, но у меня нет другого выхода. Это и ее будущее тоже.

– Пойдем. – Я беру ее за руку и тяну вверх по лестнице. – Предлагаю в твою комнату.

Я прохожу мимо комнат братьев и, постучав в каждую, ору:

– Элла приехала!

Братья тут же выскакивают из своих спален.

– Сестренка!

Я наблюдаю, как Истон притягивает Эллу в свои медвежьи объятия, а потом передает ее Сойеру и Себу, и у меня прямо скулы сводит от ревности. Но это даже хорошо, что они так сблизились, особенно для Истона.

Повернувшись к ним спиной, я вхожу в комнату Эллы и заставляю себя отбросить все плохие мысли. Они будут нужны друг другу, когда я сяду. Я не могу на них злиться из-за этого.

Я единственный, кто виноват во всей этой ситуации. Меня никто не заставлял спать с Брук. А потом последовали глупости, одна за другой. Игра в «что если», наверное, сведет меня с ума, пока я буду в тюрьме. *Что*

если бы я полетел на ужин в Вашингтон вместе со своей семьей? Что если бы я не ответил на звонок Брук? Что если я не поехал бы к Брук, решив, что смогу договориться с ней?

А все моя проклятая гордость!

Я жду, когда все войдут.

– Я хотел рассказать вам последние новости по делу.

Братья сразу оживляются. Им не терпится узнать все подробности. Но Элла исподлобья глядит на меня.

– Это касается... – Она не заканчивает вопрос, посмотрев на моих братьев, потом опять на меня, видимо, сомневаясь, что я уже рассказал им о сделке со следствием.

Я киваю.

– Да. И появилось еще одно новое обстоятельство.

Я начинаю пересказывать им показания свидетелей, которые перечитывал так много раз, что уже выучил наизусть, но только основные моменты, умалчивая о всякой фигне про Истона и отношения близнецов и Лорен. Затем перечисляю улики, которые собрала против меня полиция, и заканчиваю показаниями Руби Майерс.

С каждой минутой Элла становится все бледнее и бледнее.

– Просто невероятная чушь! – объявляет Истон, когда я умолкаю.

– Если бы Брук была сейчас жива, я бы сама ее убила, – мрачно произносит Элла.

– Не говорит так, – обрываю ее я.

– Мы тоже должны дать показания, – предлагает она.

– Точно! – Истон кивает. – Потому что того, о чем рассказывает официантка, никогда не было.

Себ и Соьер соглашаются с ними и клянутся, что тоже готовы дать показания. Я понимаю, что пора их остановить, пока эти доморощенные юристы что-нибудь не придумали.

– Я собираюсь согласиться на сделку с обвинением и признать свою вину, – объявляю я.

У Истона отвисает челюсть.

– Какого хрена?!

Он и близнецы таращатся на меня так, будто я сошел с ума, а сам я не могу оторвать глаз от Эллы, на лице которой отражается страх.

– Ты не можешь, – говорит она. – А что насчет сделки с Делакортом?

Истон тут же поднимает голову.

– А это еще что?

Я не успеваю закрыть эту тему, как Элла принимается рассказывать

им, что к чему.

– Судья Делакорт предложил потерять улики, если Дэниела вернут домой из этой военной колонии и если я соглашусь признаться, что солгала про наркотики. – Она скрещивает руки на груди. – Я голосую за этот вариант.

– Согласны, – поддерживает ее Себ, и Сойер яростно кивает.

– Этого не будет. Ни за что. – Я гневно смотрю на своих братьев, пока они не опускают свои загоревшиеся надеждой взгляды в пол.

Элла поднимает руки, изображая весы правосудия.

– Ты сядешь в тюрьму на двадцать лет или в моей жизни снова появится Дэниел. – Ее левая рука опускается, а глаза метают в меня молнии. – Согласись на сделку с Делакортом.

– Если я даже хотя бы на секунду задумаюсь о том, чего никогда не будет, у следствия слишком много улик. Больше нет никакой сделки с Делакортом, – отвечаю я сквозь зубы. – Им больше не на кого повесить это дело. Гриер говорит, что у них против меня есть все: средства, мотив и возможность, а чтобы осудить меня, большего и не надо.

– Ты не станешь признавать себя виновным, Рид! – В голосе Эллы звучат стальные нотки.

Проглотив ком в горле, я смотрю ей прямо в глаза и говорю:

– Нет, стану.

Глава 27

Элла

Во мне сейчас смешались все эмоции. Я ненавижу Рида за то, что он подумал, будто я смирюсь с его идиотским решением пойти на сделку с обвинением и признать себя виновным, но я люблю его за то, что он хочет покончить со всем этим беспределом. Я понимаю, почему он отказывается бороться за себя. Он вбил себе в голову, что ему необходимо спасти репутацию своей семьи.

Я понимаю его решение, но ненавижу его.

– К твоему сведению, я абсолютно против, – говорит Истон на всю комнату.

– Мы тоже, – в унисон поддакивают ему близнецы.

Рид кивает им.

– Я вас услышал. Но это случится независимо от того, нравится вам или нет.

К горлу подступает желчь. Что ж, это воля Ройала, и плевать на то, что думают об этом остальные, верно?

Раздается тихий стук в дверь, и мы дружно поворачиваемся на звук.

– Как у вас тут дела? – спрашивает Каллум, его голос звучит необычно мягко.

Но никто ему не отвечает.

Он вздыхает.

– Я так полагаю, Рид рассказал вам о сделке?

Истон хмуро смотрит на своего отца.

– И ты не против?

– Нет, но это решение твоего брата. Я поддержу его в любом случае.

Суровый взгляд Каллума говорит нам, что мы должны сделать то же самое – поддержать Рида.

– Я могу поговорить с Ридом наедине? – натянуто спрашиваю я.

Сначала никто не двигается, но потом они замечают выражение моего лица, и, что бы там ни было, это заставляет их шевелиться.

– Мальчики, пойдемте на кухню, посмотрим, чем можно поужинать, – говорит Каллум сыновьям. Но, прежде чем выйти из комнаты, он обращается ко мне. – Элла, я уже договорился со Стивом, так что ты

можешь переночевать здесь. Я отправил Дюрана в отель за твоей школьной формой.

– И Стив согласился? – Я в шоке.

– Я не оставил ему выбора. – Криво улыбнувшись, Каллум уходит и закрывает за собой дверь.

Оказавшись с Ридом наедине, я уже больше не в силах сдерживать свой гнев.

– Это же сумасшествие! Ты не убивал ее! Так зачем тебе признавать свою вину? *В чем?!*

Рид медленно опускается рядом со мной.

– Это единственный вариант, детка. Пять лет в тюрьме – это еще не конец света. Но вот альтернатива – сидеть за решеткой до конца моей жизни – это точно *конец!* Я не могу так рисковать.

– Но ты невиновен. Будет суд присяжных, и ты...

– Проиграю, – безжизненным голосом отвечает он. – Я проиграю.

– Ты не можешь этого знать.

– Показания Руби Майерс слишком дискредитирующие. Она скажет присяжным, что я угрожал убить Брук. – В его голосе слышатся нотки беспомощности. – Не знаю, почему эта женщина хочет оклеветать меня, но ее показания упекут меня за решетку.

– Тогда давай докажем, что она лжет! – отчаянно говорю я.

– Как? – Он говорит тихо, смирившись с поражением. – Она подписала свои показания.

Рид берет меня за руку и с силой стискивает ее.

– Все решено, Элла. Я соглашаюсь на сделку. Понимаю, тебе это не нравится, но мне очень, очень нужна твоя поддержка.

Ни за что.

Но вслух у меня получается лишь слабое:

– Я не хочу потерять тебя.

– И ты не потеряешь меня. Всего каких-то пять лет. Они пролетят так быстро, что не заметишь. – Вдруг он в нерешительности умолкает и проводит рукой по своим темным волосам. – Только если...

Я прищуриваюсь.

– Только если что?

– Только если ты не передумала и правда будешь ждать меня, – грустно добавляет он.

Я смотрю на него, открыв рот.

– Ты сейчас издеваешься, что ли?

– Я не стану винить тебя. – Рид переплетает наши пальцы. – И ничего

от тебя не жду. Если ты хочешь расстаться, я пой...

Не веря своим ушам, я обрываю его фразу яростным поцелуем.

– Я не собираюсь расставаться с тобой, – со злостью говорю я. – Так что выкинь эту дурацкую мысль из своей головы, Рид Ройал.

Но вместо ответа Рид рывком притягивает меня к себе и впивается в губы. Его сильное тело вдавливают меня в кровать, и он так глубоко целует меня, что в легких не остается воздуха, чтобы дышать.

Его руки в моих штанах. Мои пытаются снять с него футболку. Он отстраняется от меня ровно на секунду, чтобы стянуть ее через голову. И вот мы снова целуемся. Его рука проскальзывает у меня между ног. Я поднимаю свои бедра навстречу его возбужденному члену.

Мы падаем на матрас, и Рид прижимается ко мне всем телом. Моя футболка улетает в сторону. Его бедро проталкивается между моих ног, а рот находит мою грудь и не скупится на ласки изнывающим от желания вершинам. Легкое покусывание зубами – и я выгибаюсь на кровати, выкрикивая его имя.

– Рид, пожалуйста!

Рид языком прокладывает дорожку вниз, чтобы ослабить это невыносимое напряжение и подарить другой поцелуй, – он сводит меня с ума до тех пор, пока я не разбиваюсь на тысячи маленьких кусочков. Рид поднимается на колени и берет с тумбочки презерватив. Я в своем полубессознательном состоянии даже не подумала об этом, в отличие от него. Рид не разрушитель. Он ничего никогда не разрушал; он всегда защитник, даже когда ему приходится бороться с собственной страстью.

Я протягиваю руку между нами и направляю его между ног. Массивная головка вонзается в мое тело, но в этот раз я не чувствую боли. На лбу Рида выступают капельки пота, а его тело подрагивает от напряжения, пока он позволяет мне найти нужный ритм. Медленно, нежно, отчаянно он входит в меня снова и снова, пока во мне вновь не взрывается наслаждение.

Он утыкается лицом мне в шею.

– Я люблю тебя, детка. Чертовски сильно люблю.

– Я тоже тебя люблю.

Хорошо, что он не смотрит на меня, потому что я не в силах справиться с наворачнувшимися на глаза слезами. Я прижимаю его к себе, обхватывая руками и ногами, как будто могу вечно удерживать его здесь, рядом с собой, в безопасности.

Ночью он будит меня еще дважды, чтобы ртом, руками, всем телом показать, как сильно любит меня, как отчаянно нуждается во мне, как не

может жить без меня. Я говорю ему все то же самое, слово в слово, и вот мы уже настолько устаем, что не в состоянии больше держать глаза открытыми.

Но я не знаю, верит ли кто-то из нас всем этим словам. Мы два комка необузданных эмоций, потерявших надежду и пытающихся найти успокоение в телах друг друга. Однако, как бы сильно мы ни старались забыться, у нас не получается.

Потому что Рид скоро сядет в тюрьму, а это хуже смерти.

* * *

Утром Рид и Истон отвозят меня в школу. На тренировке я едва слежу за тем, что делает группа поддержки, потому что все мое внимание приковано к противоположному концу зала, где выполняют силовые упражнения футболисты. Я смотрю в спину Рида, и Джордан, наконец не выдержав, рывкает на меня.

– Я понимаю, что твой бойфренд-уголовник тоже здесь, но, может, ты хотя бы на секунду отвлечешься на свою команду?

– Что я вообще здесь делаю? – огрызаюсь я в ответ. – Лейла уже в порядке.

Я показываю на ученицу выпускного класса, которая заматывает пластырем свою лодыжку.

Джордан надувает губы и упирается руками в свою тонкую талию.

– Потому что ты согласилась стать частью команды, а не просто потусоваться с нами во время выездного матча.

– Да срать я хотела на вашу команду!

Несколько девчонок позади меня ахают, и я тут же жалею об этой вспышке злости. Если честно, команда мне вовсе *не безразлична*. Пусть все это и начиналось как сделка с дьяволом, но я получила неопишуемое наслаждение от каждой секунды представления на выездной игре. Я даже хотела примириться с Джордан, только чтобы делать то, что люблю больше всего на свете.

Но уже слишком поздно. Глаза Джордан вспыхивают.

– Тогда убирайся отсюда! – сердито говорит она и показывает рукой в сторону раздевалок. – Ты официально исключена из команды.

– Вот и отлично.

На глаза наворачиваются слезы, но я ни за что не позволю Джордан увидеть, как сильно расстроена. Забрав бутылку с водой, я марширую через

спортзал.

И только оказавшись в раздевалке, позволяю своим эмоциям взять верх. Глаза щиплет от слез. Мне хочется ударить себя за то, что я выплеснула свою злость на Джордан. Иногда она, конечно, заслуживает хорошей взбучки, но не когда речь идет о танцах. На самом деле Джордан – хороший капитан и, как я сама убедилась, делает только то, что лучше для команды. Было ошибкой вот так взять и наорать на нее. Теперь она никогда не позволит мне вернуться.

Рид перехватывает меня у шкафчиков до начала занятий и внимательно изучает мое лицо.

– Что произошло на тренировке? Джордан что-то сказала тебе? – Он уже на взводе, готов кинуться защищать меня.

Я похлопываю его ладонью по плечу, чтобы успокоить.

– Нет, я сама виновата, – признаюсь я. – Накинулась на нее ни за что ни про что, и она выкинула меня из команды.

Рид вздыхает.

– Ой, детка, мне так жаль!

– Ладно, плевать десять раз, – снова вру я. – Пустяки. Все равно я присоединилась к ним, только чтобы поехать на выездную игру.

Я забираю учебники и захлопываю дверцу шкафчика.

– Ну тогда ладно. – Рукой он скользит по моим волосам и обхватывает за затылок. – Увидимся за ланчем?

– Угу, я займу тебе место. Или мы можем сесть на одно – я посижу у тебя на коленках.

В ответ Рид наклоняется и целует меня, так сильно, что я забываю о своей перепалке с Джордан, о том, что мы не должны демонстрировать свои чувства в школе, и о своих тревогах по поводу нашего будущего. На несколько секунд я даже, по-моему, забываю, как меня зовут.

Когда он наконец отстраняется от меня, я смотрю на него стеклянными глазами и дрожу. Потом до меня доходит, что колокольчики в моей голове – это школьный звонок. Урок скоро начнется.

– Сейчас ты выглядишь просто сногшибательно. – Рид опять наклоняется ко мне и шепчет на ухо: – Я слышал, что свидания в тюрьмах проходят очень горячо.

И тут же мое блаженство сменяется досадой.

– Не говори так!

Лицо Рида становится серьезным.

– Прости, но...

– Да, тебе есть за что извиняться.

– ...если я не буду шутить, то, наверное, начну плакать, а это не вариант.

Он выглядит таким несчастным, и я чувствую себя виноватой, что отчитала его. Боже, сегодня утром я набрасываюсь на всех и каждого.

Просто я отказываюсь мириться с тем фактом, что Рид скоро окажется в тюрьме. Я не могу этого допустить.

Не могу.

* * *

Теперь мне больше не надо ходить на тренировки после занятий, и я собираюсь провести операцию «Правосудие», как ее назвала. Я беру с собой Вэл, но не только потому, что мне нужно прикрытие, а потому что надеюсь, что, когда мы окажемся в машине, она наконец расскажет мне, что происходит между ней и Уэйдом. Я знаю лишь то, что они встретились и поговорили, но без подробностей.

– Ну что, как прошел разговор с Уэйдом? – Выезжая со школьной парковки, я сразу же начинаю допрос.

– Потрясающе.

Ее голос не выражает никаких эмоций, и я пристально смотрю на нее.

– Не могу понять, это сейчас был сарказм?

– И да, и нет. – Вэл вздыхает. – Он все говорил правильно, но я не знаю...

– Не знаешь, верить ли ему? – заканчиваю я за нее.

– Точно. Или хочу ли я зайти с ним так далеко. Ну, в смысле отношений.

– Это потому что ты еще не забыла Тэма?

– Нет, я думаю, что уже забыла Тэма. Просто я еще не уверена, что хочу быть с Уэйдом.

Мы обе фыркаем.

– Если хочешь, я больше не буду спрашивать тебя об этом. Заткнусь и все, честно. Но если хочешь поговорить, я готова тебя выслушать.

Переключиться со своих проблем на проблемы Вэл будет настоящим облегчением.

– Нет, ты можешь спрашивать о чем хочешь. Просто мне кажется, что мы с Уэйдом не совсем подходим друг другу. Он веселый и все такое, но в том-то и дело: с ним можно *только* веселиться. А на этом далеко не уедешь. – Она слабо улыбается мне, в этот раз глядя прямо на меня, и я

вижу, насколько Вэл сама озадачена тем, что происходит.

– Мне кажется, Уэйд не такой уж и поверхностный. Просто он боится показывать свои чувства, – высказываю я предположение.

– Может. – В голосе Вэл звучит сомнение.

– Ты с ним пойдешь на Зимний бал? Рид сказал, что он пригласил тебя. Вэл морщится.

– Нет, я останусь дома. Ненавижу Зимний бал.

– Неужели там все так плохо? Все в Асторе ведут себя так, будто это самое лучшее событие в их жизни.

– Это же юг. Все только и рады любому шансу разрядиться в пух и прах и щеголять перед остальными.

– Но не ты.

– Нет, я это терпеть не могу. А Стив разрешит тебе пойти с Ридом?

– Хм, сомневаюсь. Я еще не говорила с ним об этом, но не думаю, что он согласится. К тому же у меня даже нет платья. Ты никогда не говорила мне, что понадобится платье для Зимнего бала.

Мы улыбаемся друг другу. Когда мы только познакомились, Вэл сказала, что у меня должно быть платье на любой случай, от свадьбы до похорон, но вот про платье для школьного бала упомянуть забыла.

– Значит, мы купим его, – говорит она.

– М-м-м, – отвечаю я со всем энтузиазмом, на который способна.

Танцы, платья, вечеринки сейчас интересуют меня меньше всего на свете: мне нужно найти улики, чтобы вытащить Рида. Я не позволю невинному сесть в тюрьму. Может, остальные Ройалы и согласились с решением Рида, но только не я.

Спустя десять минут я останавливаю машину перед невысоким зданием в одном из районов города. Заглушив двигатель, я смотрю на Вэл.

– Готова?

– Напомни, зачем мы здесь?

– Мне нужно кое с кем поговорить.

– А позвонить нельзя?

– Не думаю, что она ответит на мой звонок, – признаюсь я и отворачиваюсь к окну.

Все показания свидетелей, о которых нам рассказывал Рид, в общем и целом правдивы или хотя бы отчасти. Но показания этой женщины, по словам Рида, – сплошная ложь. К тому же никто из нас не помнит, что видел наверху эту официантку. И я решила разыскать ее. Хочу, чтобы она повторила эту ложь мне в лицо.

– Сомнительное местечко, – замечает Вэл, наклонившись вперед и

глядя через мое окно на длинное жилое здание.

Она права. Все дома в этом районе выглядят старыми и обветшалыми. Цементный тротуар весь в трещинах и выбоинах. Сорняки тянутся по забору из проволоочной сетки, которым огорожена парковка между зданиями. Но я жила в местах и похуже.

– Как думаешь, мне постучаться или подождать, пока она выйдет? – спрашиваю я.

– Ты знаешь, как она выглядит?

– Да, она была одной из официанток, которые как-то обслуживали наш ужин. Я узнаю ее, если уже видела.

– Тогда давай подождем. Если она не будет отвечать на твои звонки, то уж тем более не откроет дверь.

– Согласна. – Я нетерпеливо стучу пальцами по рулю.

– Ты когда-нибудь думала, что это все-таки Рид? – тихо спрашивает Вэл через несколько минут.

– Да, думала. – Все время об этом думаю.

– И?

– Мне все равно. – И, чтобы Вэл поняла меня, отворачиваюсь от окна и смотрю на нее. – Я не думаю, что он убил ее. Но если вдруг окажется, что это был несчастный случай, что они поссорились, она упала и ударилась головой, я все равно не понимаю, почему Рида нужно наказывать за это. Может, я ужасный человек, но все равно буду на стороне Рида.

Вэл улыбается и накрывает мою руку своей.

– Если что, я тоже на стороне Рида.

– Спасибо. – Я сжимаю ее руку и поворачиваюсь к окну как раз в тот момент, когда открывается дверь квартиры 5б. – Вот она!

Я вылезаю из машины так быстро, что чуть не падаю на тротуар.

– Мисс Майерс, – кричу я.

Миниатюрная черноволосая женщина останавливается. Она только что вошла на парковку.

– Да?

– Я Элла Харпер.

К моему облегчению, она не узнает меня. Я расправляю свой пиджак – мне пришлось оторвать нашивку с логотипом Астор-Парка – надеюсь, что похожа на журналистку.

– Я репортер газеты «Бэйвью Ньюз». У вас найдется минутка?

Ее лицо тут же меняется.

– Нет, я занята.

Она отворачивается, но я резко выкрикиваю ее имя.

– Руби Майерс, я бы хотела задать вам несколько вопросов о показаниях, которые вы дали по делу об убийстве Дэвидсон.

Мне видна только часть ее лица, но я замечаю, как она побледнела и испугалась. Вот это уже точно подозрительно!

– М-мне нечего вам сказать, – запинаясь, говорит Руби Майерс и, вжав голову в плечи, бежит к своей машине, припаркованной через три места от меня.

Мне лишь остается смотреть, как она садится за руль и уносится с парковки.

– Ты это видела? – спрашивает Вэл.

Я оборачиваюсь – подруга стоит совсем рядом со мной.

– Что именно? Что следователь из меня никакой? – Мне хочется топнуть ногой, как капризному ребенку. – Я не добилаь ни одного ответа.

– Нет. Ты видела, на чем она уехала?

– Боже, нет, и ты туда же! Рид вечно донимает меня тем, что я не вижу разницы между грузовиком и машиной. Это был внедорожник?

– Это «линкольн навигатор», и он сто́ит от шестидесяти штук баксов. А этот весь сияет и блестит, значит, он новенький. Ты говорила, что она работает официанткой, верно? А теперь скажи, откуда у нее могут быть такие деньжищи?

– Думаешь, кто-то заплатил ей, чтобы она оклеветала Рида?

– Возможно.

Я обдумываю эту мысль, а потом со свистом выдыхаю.

– Есть только один человек, которому выгодно повесить это дело на Рида.

– И кто это?

Я смотрю Вэл в глаза.

– Моя мачеха.

Глава 28

Элла

Высадив Вэл у ее дома, я сразу же на всех парах мчусь в отель. На то, чтобы найти Дину, у меня уходит всего две секунды. Когда я вваливаюсь в наш номер, она сидит на диване, откинувшись на спинку, с остекленевшим взглядом и спутанными волосами.

– Где Стив? – оглядываясь по сторонам, спрашиваю я.

Мне хочется в открытую выяснить у Дины, не она ли подкупила Руби Майерс, и для этого нам не нужны посторонние. Стив лишь разозлит ее, и она никогда ничего не скажет.

Дина приподнимает одно плечо, лямка ее пеньюара соскальзывает вниз по тонкой руке.

– Кто его знает? Наверное, покупает себе шестнадцатилетнюю проститутку на причале. Знаешь, он любит молоденьких. Я удивляюсь, как он еще не забрался в твою постель.

Меня подташнивает от отвращения.

– Ты еще хоть чем-то занимаешься, кроме того, что целыми днями просиживаешь задницу на диване?

– Конечно, а как же. Я хожу по магазинам, в спортзал, а иногда трахаюсь с твоим сводным братом Гидеоном. – Она раздражается пьяным смехом.

Я встаю над диваном, скрестив руки на груди, но никак не могу решиться. Я собиралась зайти и сразу же в лоб спросить ее про Майерс, но сейчас не знаю, с чего начать. Как она заплатила Майерс? Наверняка наличными. Интересно, позволит ли Стив взглянуть на выписки с их банковских счетов? Или она всегда таскает с собой несколько пачек наличных?

Но, вместо того чтобы напрямую обвинить ее в подкупе, я решаю использовать другой подход. Пьяные люди лишены бдительности. Может, мне удастся выудить из нее хоть сколько-то информации так, что она даже этого не заметит?

Я сажусь в другом конце дивана и жду, когда Дина снова заговорит.

– Как тренировка? Что-то ты не выглядишь особо уставшей.

Я пожимаю плечами.

– Я ушла из команды.

– Ха! – чрезмерно громко восклицает она и тычет в меня трясущимся пальцем. – Я говорила Стиву, что ты записалась туда, только чтобы переспать со своим дружкой.

Я снова пожимаю плечами.

– Какая тебе разница, чем мы с Ридом занимаемся?

– Мне плевать, если честно. Просто я люблю, когда Ройалы страдают. А то, что плохо еще и тебе, лишь добавляет всему этому пикантности.

– Как мило, – язвительно отвечаю я.

– Будь милой – и никогда ничего не добьешься! – огрызается Дина.

Тут же ее лицо морщится, и я вдруг замечая, что от нее не только разит как от ликеро-водочного завода, но и глаза у нее красные-прекрасные.

– Ты в порядке? – с тревогой спрашиваю я.

– Нет, я не в порядке, – рявкает она, но в этот раз ее голос слегка дрожит. – Я скучаю по Брук, очень сильно скучаю. Ну вот зачем она была такой жадной и такой глупой?

Я стараюсь не показать, насколько шокирована. Поверить не могу, что она сама подняла эту тему! Просто идеально! Я украдкой засовываю руку в карман и нащупываю телефон. У меня есть приложение с диктофоном? Я смогу заставить Дину сказать что-нибудь, изобличающее ее?

– Что ты имеешь в виду?

Дина смотрит как будто куда-то вдаль.

– Она говорила, что ты такая же, как и мы. Это правда?

– Нет, – вырывается из меня, о чем я тут же жалею.

Проклятье! Нужно было сказать «да»!

Но Дина, похоже, совсем перенеслась в свой мир и даже не заметила, что я ответила.

– Тебе нужно быть осторожнее с этими Ройалами. Сначала они примут тебя с распростертыми объятиями, а потом воткнут нож в спину.

В этот раз я слежу за тем, что говорю.

– Как это?

– Так было со мной.

До или после того, как ты переспала с Гидеоном? До или после того, как ты решила уничтожить Ройалов?

– Что произошло? – спрашиваю я.

Она вертит одно из увесистых колец на своей руке.

– Я знала Марию Ройал. Она была королевой Бэйвью. Все любили ее, но никто не замечал ее печали, кроме меня.

Я хмурюсь. К чему она ведет?

– Я сказала ей, что знаю, откуда она родом, и понимаю, какой одинокой себя чувствуешь, если не рожден в этих кругах. Я пыталась быть дружелюбной, – шепчет Дина. – И что, она оценила это?

– Нет?

– Нет! Конечно, нет! – Дина так сильно бьет рукой по кофейному столику, что я испуганно вздрагиваю. – Ройалы – они как то яблоко из сказки. Золотистые снаружи и сгнившие внутри. Мария не была из богатой семьи. Она была нищеводкой с причала, которая в нужное время раздвинула ноги перед нужным мужиком – Каллумом Ройалом. Когда она забеременела, ему пришлось жениться на ней. Но преданности одного Каллума Марии было мало. Она всегда хотела большего, и горе было той женщине, которая вставала на ее пути: Мария ни с кем не хотела делить свою безоговорочную власть над мужчинами, окружавшими ее. Эта стерва обожала манипулировать людьми, ей нравилось играть на две стороны. С женщинами она была злобной и жестокой, уничтожая своих соперниц. С мужчинами – сплошь ласковые слова и комплименты.

Вот это да! Об этой стороне Марии Ройал я еще не слышала. Рид и его братья считают ее святой. Но тут же в голове вспыхивает фраза, которую сказал мне Стив в тот день, когда забрал меня из школы.

Но живой человек не может быть святым.

Однако Дина меньше всех заслуживает доверия. И еще она, возможно, подкупила человека, чтобы отправить Рида в тюрьму. Я буду полной идиоткой, если стану верить всему, что она скажет.

Пусть даже Мария и *была* стервой, Динина одержимость Ройалами все равно остается мне непонятной.

– Значит, вы с Брук взъелись на Ройалов и Стива, потому что когда-то Мария Ройал нагрубила тебе? – удивленно спрашиваю я.

Дина тяжело вздыхает.

– Нет, милая. Мария Ройал олицетворяет любую богатую стерву в этом городе. Ты уже сталкивалась с такими в школе. Они из тех, кто не верит, что их дерьмо тоже воняет.

Ну да, типа Джордан Каррингтон. Похоже, Дина несет не полный бред. Но мы отличаемся тем, что мне плевать на Джордан, а вот Дину явно заботило мнение Марии.

– А когда я снова попыталась подружиться с ней, она оскорбила меня. Назвала шлюхой и сказала, что я ей и в подметки не гожусь.

– Жаль, что так получилось.

Но, видимо, мои слова звучат недостаточно искренне, потому что Дина начинает плакать. Она всхлипывает, а по ее щекам катятся огромные слезы.

– Нет, ничего тебе не жаль! Ты не понимаешь. Все еще считаешь Ройалов чудесными. Брук была единственной, кто меня понимал, но она умерла. Ее больше нет.

Вот она, прекрасная возможность, и я решаю тут же воспользоваться ею.

– Так ты поэтому убила Брук? Потому что она замахнулась на твой кусок пирога?

– Нет же, черт тебя подери, я не убивала ее! – Голос Дины сочится гневом. – Это сделал твой драгоценный Рид!

– Нет, это не он, – сквозь зубы говорю я.

– Продолжай говорить себе это, солнышко.

Я смотрю на нее в упор, не обращая внимания на ее насмешку.

– Ты заплатила Руби Майерс, чтобы она сказала, что Рид угрожал убить Брук? Это ты?

Дина улыбается холодно и презрительно.

– А что если и я? Как ты это докажешь?

– Проверю ее финансовую отчетность. Детективы Каллума выяснят правду.

– Думаешь? – Злобно усмехнувшись, она протягивает свою трясущуюся руку и хватается меня за подбородок. – Всех богатств Ройалов не хватит, чтобы купить свободу Рида. Я сделаю все что угодно, чтобы этот убийца, этот кусок дерьма, сидел за решеткой, пусть даже это будет последним, что я сделаю в своей жизни.

Я отбиваю ее руку и соскакиваю с дивана.

– У тебя не получится повесить это дело на Рида! – выкрикиваю я. – Я собираюсь доказать, что ты подкупила Руби Майерс. И, возможно, даже докажу, что это ты убила Брук.

– Вперед, принцесса! Ты ничего не найдешь на меня. – Она залпом осушает стакан и снова наполняет его.

Меня уже начинает тошнить от ее самодовольного, мерзкого лица, я быстро ухожу в свою комнату и с силой хлопаю дверью. Успокоившись до состояния, когда смогу держать в руке телефон и не уронить его, я звоню Риду.

– Как дела? – спрашивает он.

– Я ездила к Руби Майерс и...

– Что?!

Он кричит так громко, что мне приходится отодвинуть телефон от уха.

– Ты издеваешься? Чего добиваешься? Хочешь, чтобы тебя тоже убили?

– Мы с тобой оба знаем, что ее показания – ложь, – парирую я и, понизив голос до шепота, говорю: – Дина замешана в этом по самые уши. Она фактически призналась в том, что подкупила Майерс.

– Элла, черт тебя подери, держись подальше от всего этого! Папины детективы изучили это дело вдоль и поперек, но мы так и не смогли получить никаких новых сведений. Если Дина действительно замешана, тогда ты ворошишь осиное гнездо и можешь сама пострадать. Я не могу допустить этого.

– Просто я не могу сидеть и ждать.

Я подхожу к окну и рывком раздвигаю шторы. По какой-то идиотской причине горничные все время сдвигают их.

Рид вздыхает.

– Слушай, я все понимаю. Я знаю, как тебе тяжело. Но тебе уже надо признать, что это правильное решение для всех нас. Если я соглашусь на сделку с обвинением, все это прекратится. Вместо года в подвешенном состоянии, а потом еще нескольких лет, когда все наше грязное белье будет на первых полосах газет, мы покончим с этим сейчас и будем жить дальше, – потом он тихо добавляет, – время пролетит очень быстро.

На глаза наворачиваются слезы.

– Нет, это неправильное решение. И я не хочу расставаться с тобой даже на день.

– Я знаю, малышка.

Знает ли? Его голос звучит отчужденно, как будто он уже проложил дистанцию между нами.

– Я люблю тебя, – начиная терять надежду, говорю я.

– Я тоже тебя люблю. – Он говорит грубо, низко, хрипло. – Давай не будем ссориться, а попытаемся отстраниться от этого и наслаждаться тем временем, которое у меня еще есть. Ты даже глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь. – Он на секунду умолкает. – Все будет хорошо.

Но я уже не верю ему.

* * *

На следующий день я стараюсь вести себя так, будто этого кошмара не существует и Рид не говорил, что собирается сесть в тюрьму как минимум на пять лет, а мое сердце не разрывается на кусочки каждый раз, когда я смотрю на него.

Он прав только в одном: если мы собираемся следующие недели пять

или около того провести, заиклившись на нашем ужасном будущем, то он с успехом может отправляться за решетку прямо сейчас.

В школе я делаю все на автомате, словно ничего не происходит, но, когда звенит последний звонок, у меня уже нет сил притворяться и нестерпимо хочется домой.

Я уже на середине парковки, когда меня окликает резкий голос.

Я застываю на месте. Отлично, Джордан.

– Нам нужно поговорить, – говорит она, когда между нами остается около десяти метров.

Я пытаюсь открыть дверь машины, но Джордан оказывается рядом до того, как мне удастся сбежать. Вздохнув, я поворачиваюсь к ней.

– Что тебе нужно?

Ее глаза зловеще поблескивают.

– Ты должна вернуть мне должок.

Каждый мой нерв натягивается как струна. Черт, я так сильно надеялась, что она забудет об этом! Но мне стоило догадаться, что Джордан Каррингтон ничего не забывает, особенно если это в ее интересах.

– Ладно. – Я фальшиво улыбаюсь ей. – И кого я должна приклеить на скотч к школьным дверям?

Она закатывает глаза.

– Мне не нужны непрофессионалы в этом деле. – Махнув рукой с идеальным маникюром, Джордан говорит: – По-моему, тебе даже понравится моя просьба. Тебе и делать-то ничего не придется.

Я с подозрением смотрю на нее.

– Что тебе нужно? – повторяю я.

Джордан широко улыбается мне.

– Рид Ройал.

Глава 29

Элла

Мне требуется несколько секунд, чтобы переварить слова Джордан. Осознав их смысл, я взрываюсь смехом. Она хочет Рида? Ну да, размечталась! Забудь про него, стерва.

– Я даже знать не хочу, что все это значит, но в любом случае Рид даже не обсуждается, – все еще веселясь, говорю я. – Так что тебе лучше придумать что-нибудь другое.

Она выгибает бровь.

– Либо это, либо ничего.

Я ухмыляюсь.

– Тогда я выбираю «ничего».

Джордан смеется, то ли над моими словами, то ли вообще надо мной.

– Прости, я сказала «ничего»? Ой, я имела в виду, что если ты не выполнишь свою часть обязательств, то в твоей личной жизни больше не будет «ничего». Я расскажу твоему отцу о том, что ты обманула его и попросилась в группу поддержки, только чтобы потрахаться в гостинице со своим бойфрендом. Если он узнает обо всем этом, то ты всю жизнь проведешь под домашним арестом. – Она хлопает ресницами. – А может, он вообще увезет тебя в другой штат. Я даже могла бы именно это ему и посоветовать, дала бы ему парочку брошюр очень хороших частных школ на севере.

Будь она проклята! Стив именно это и сделает: насильно переведет меня в другую школу. Если он узнает, что я соврала ему про тот выездной матч и провела ночь с Ридом, то чертовски взбесится.

– Ну так что? – с улыбкой спрашивает она. – Мне рассказать тебе детали?

– Что тебе нужно от Рида? – сквозь зубы спрашиваю я.

– Я хочу, чтобы он был моей парой на Зимнем балу.

У меня отвисает челюсть. Она совсем спятила?

Джордан закатывает глаза.

– А что? Ты же с ним все равно не пойдешь. Или твой папочка вдруг передумал и разрешил тебе встречаться с убийцей?

Я гневно смотрю на нее.

– А как же твоя пламенная речь о том, что *ты* не хочешь встречаться с убийцей?

Она пожимает плечами.

– Я передумала.

– Да? И почему же? – бормочу я.

– Потому что Рид еще никогда не был так популярен. – Она перебрасывает свои темные блестящие волосы через плечо. – Когда его арестовали в первый раз, то его репутация заметно ухудшилась, но сейчас все эти жалкие девицы только о нем и говорят. Тебе, отребью, может, и все равно, а для меня важно мое место в обществе.

Джордан снова пожимает плечами.

– Я хочу пойти на бал с Ридом. Пришло время платить по счетам.

Не веря своим ушам, я начинаю смеяться.

– Я не собираюсь одалживать тебе своего парня, пусть даже на вечер!

Она с раздражением смотрит на меня.

– Он же трофей, тупица! Ты этого не понимаешь?

«Рид – не трофей!» – хочется крикнуть мне. Он – человек. Он умный и красивый, и милый, когда позволяет себе скинуть маску жесткого парня. И он *мой*. Эта девица сошла с ума, если думает, что я соглашусь на это.

Видя мое каменное выражение лица, Джордан вздыхает.

– Давай так: я найду тебе место в группе поддержки.

– Что, черт возьми, это значит?

– Это значит, что я позволю тебе вернуться в команду, – раздраженно отвечает она. – Боже, ты вообще тупая? Мы обе знаем, что ты не хотела уходить, – ты наорала на меня просто так, ни за что. Короче, ты сможешь вернуться, если захочешь.

Я медлю в нерешительности. Мне правда очень нравилось в этой дурацкой команде по танцам.

– И я больше не попрошу тебя ни о каких услугах, – говорит она, сияя улыбкой. – Я хочу лишь одного: чтобы Рид пошел на Зимний бал со мной.

Она хочет *лишь* этого? Боже, как мало она просит. Шутка.

Я упираюсь руками в бедра.

– И что потом?

– В смысле?

– Что будет после бала? Ты же не думаешь, что потом он станет твоим парнем? Потому что он им не станет.

Джордан фыркает.

– Кому нужен парень, который будет сидеть в тюрьме до конца своей жизни? Я хочу стать Королевой снежинок, вот и все.

– Королевой снежинок? – непонимающе повторяю я.

– Во время Зимнего бала выбирают короля и королеву. Как на балу выпускников. – Она снова перебрасывает волосы через плечо. – Я хочу стать королевой.

Ну еще бы она не хотела.

– Я уверена, что стану ею, но если приду с Ридом, то это случится на сто процентов. Многие говорили, что будут голосовать за него, потому что им его жалко.

Детишки в Астор-Парке чертовски странные. Я изучаю ее лицо.

– Если я соглашусь, мы квиты?

– В расчете, – щебечет Джордан.

Проглотив раздражение, я рывком открываю дверь машины и прыгаю за руль.

– Ну? – Джордан нависает над кабриолетом, на ее лице застыло ожидание.

– Я подумаю, – выплевываю я каждое слово.

Потом завожу мотор и уезжаю, чтобы не слышать ее смеха.

Рид

Когда после тренировки я возвращаюсь домой, Элла – в моей комнате, свернувшись калачиком на кровати. На ней, похоже, мои старые спортивные штаны и крошечная маечка. Я не ожидал увидеть ее здесь.

– Стив знает, что ты у нас? – настороженно спрашиваю я.

Она кивает.

– Я сказала ему, что мне нужно подготовиться к тесту по химии с Истоном.

Учебник по химии лежит на кровати рядом с ней, а вот Истона нигде не видно.

Я ухмыляюсь.

– Тебе правда нужно позаниматься или это всего лишь предлог?

– Да, мне правда нужно позаниматься, – мрачно отвечает она. – Но мы оба знаем, что твой безголовый брат мне в этом не поможет. Я решила, что если позанимаюсь здесь, то хотя бы смогу увидеть тебя. Кстати, Стив внизу, так что нам нужно вести себя тихо.

Я подхожу к кровати и быстро целую ее.

– Давай я переоденусь и помогу тебе. В прошлом году у меня тоже была химия, и я все помню.

Я уже собираюсь нырнуть в ванную, когда Элла садится на кровать и говорит:

– погоди. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Мой взгляд опускается на почти ничего не скрывающую маечку. Зная, что у нас с Эллой осталось всего несколько недель, каждый раз, когда я смотрю на нее, я хочу ее все больше и больше.

– А ты можешь сказать мне это, сняв с себя майку?

Она ухмыляется.

– Нет.

– Ладно. Пусть будет так. – Я запрыгиваю на кровать, ложусь на спину и складываю руки на животе. – Что ты хотела сказать?

Она откашливается.

– Ты должен пойти на Зимний бал с Джордан.

Я резко сажусь.

– Ты с ума сошла? – Я потрясенно смотрю на Эллу. – Я даже не знал, что мы туда собираемся. Думал, что придумаем что-нибудь особенное, только для нас двоих.

Я до смерти ненавижу Зимний бал.

– Я думала, все идут. – Элла бросает мне свой телефон. – Видишь?

Я ловлю его и пролистываю историю Астор-Парка в «Инстаграме», где полно фотографий подготовки к Зимнему балу. Все в школе просто одержимы этим событием, и я даже немного рад этому, потому что Элла и братья хоть немного отвлеклись от моего дела.

– Девчонки идут, потому что это главное светское мероприятие семестра. Парни – чтобы потом с кем-нибудь потрахаться, – прямым текстом отвечаю я.

– Как мило. Ну, тебе не придется спать с Джордан после бала. Мы договорились только о том, что ты сопровождаешь ее на балу, и все.

– Договорились? – Я теряю ход мыслей, потому что майка Эллы приподнялась, обнажая полоску кожи на животе.

– Да, чтобы я попала в группу поддержки и поехала на выездной матч.

Я едва сдерживаю стон.

– Так ты это ей пообещала? Что я пойду с ней на Зимний бал?

– Нет, я пообещала оказать ей ответную услугу, о которой она попросит потом.

– Почему она так хочет пойти со мной? Я думал, она меня ненавидит.

– Не думаю, что она ненавидит тебя. Может показаться странным, но это связано с твоей скандальной репутацией. Ты пойдешь с ней, и она будет хвастаться тобой, как собакой на поводке. Что-то типа Красавицы и

Чудовища.

– Чудовище – она, я полагаю?

Элла щипает меня за сосок. Черт, а это больно.

– Да, еще она хочет заполучить корону Королевы снежинок, что ли, – добавляет Элла. – Думает, если пойдет с тобой, ее шансы возрастут.

Я хватаю ее пальцы и тяну их к своему рту.

– Я не хочу идти на бал с Джордан. А если и пойду, то поводок будешь держать ты.

– Я не люблю поводки.

Я кладу ее руку себе на грудь, сразу под шеей.

– Я принадлежу тебе. Все в Асторе это знают.

Элла мило краснеет.

– Я тоже принадлежу тебе. Но мы заключили сделку.

– Зачем тебе вообще выполнять свою часть? Никто тебя не заставит.

Она проводит кончиками пальцев по моей ключице, отчего вдоль позвоночника бегут мурашки.

– Потому что сделка есть сделка. А я всегда держу свое слово.

– Сделка с дьяволом не считается.

– Если ты этого не сделаешь, она собирается рассказать Стиву, что я обманула его с выездным матчем, – убирая руку, признается Элла. – И она сказала, что постарается убедить его перевести меня в другую школу, может, даже в другом штате.

Другая школа – это еще ладно, тем более что с января меня здесь не будет. Но другой штат! Ну уж нет. Это значит, что Элла не сможет навещать меня. К тому же она нужна моим братьям, а они нужны ей. Это ее семья. Она ничем не заслужила, чтобы ее разделили с ними.

Но я прямо-таки вижу, как Стив делает что-нибудь в этом духе. Когда папа рассказал ему про сделку с обвинением, Стив сжалился и позволил Элле приезжать к нам, но он все равно не хочет, чтобы мы встречались. Он выразил свое мнение более чем ясно. А если он узнает, что я лишил ее девственности во время выездного матча? Черт, да он убьет меня!

Элла садится на кровать и перекидывает ногу через мою талию.

– Рид, ты должен. Пожалуйста!

Я уже знаю, что если Элла вбила что-то себе в голову, то ее не отговорить. Она очень упрямая. Она выполнит свою часть сделки с Джордан любой ценой, и, думаю, эта цена не так уж высока.

Я хватаю ее за бедра и усаживаю на себя верхом.

– А у этой сделки есть какие-нибудь детали? Что я должен буду делать?

Элла поднимает с кровати телефон и открывает сообщения.

– Она сказала, что ты должен надеть что-то. Но не помню, что.

– Ты что, согласилась на это еще до того, как спросить у меня? – возмущенно спрашиваю я.

– Нет, клянусь. Я просто сказала ей, что буду не против, но ты должен сам согласиться.

Элла кладет руки мне на грудь. Ее бедра начинают двигаться.

Мои веки, затрепетав, закрываются, и я слышу собственный голос:

– Мы всегда надеваем смокинги. Какого черта ей еще надо? – Тут мне в голову приходит новая мысль. Я резко открываю глаза. – А ты тоже планируешь идти или собираешься оставить меня на съедение Джордан?

– О, я бы никогда тебя не оставила! Наверное, пойду с Уэйдом. Вэл все равно не идет, а так я смогу присмотреть за ним.

О нет, черт! Только не это. Мне совсем не нравится этот план.

– Уэйд не может удержать свой член в штанах, – рычу я.

– Знаю. Почему, думаешь, Вэл не идет?

– Значит, я пойду с сатаной в юбке, а ты – с парнем, который собирается перетрахать всех свободных девушек вдоль Атлантического побережья?

– Ты плохо думаешь о своем друге, – строго говорит мне Элла. – Уэйд знает, что ко мне лучше не подкатывать.

– Надеюсь, – угрюмо говорю я.

Она наклоняется, чтобы поцеловать меня, и почти сразу же отстраняется, не дав мне возможности ответить на поцелуй.

– Так, значит, ты это сделаешь?

– Да, – ворчу я, – хотя до сих пор не могу поверить, что ты так спокойно отпускаешь меня на бал с Джордан.

– Эй, ты хотя бы идешь не с Эбби, – ворчит она в ответ. – Я могу примириться с Джордан, потому что знаю, как ты ненавидишь ее, но вот Эбби заставила бы меня поволноваться.

– Потому что она моя бывшая?

– Потому что она твоя бывшая.

– Но она же *бывшая*. Значит, я больше не встречаюсь с ней, причем уже очень давно, и больше никогда не захочу этого делать. Поняла?

Элла издает звук, похожий на рычание.

– Ей лучше держаться от тебя подальше.

Я усмехаюсь.

– Мне нравится ревнивая Элла. – Я задумываюсь. Зимний бал состоится через два дня, и Элла заговорила о нем только сейчас. – А у тебя

уже есть платье?

– Я не могу купить его в торговом центре?

– Ой, детка! Ты так еще ничему не научилась? – Я поднимаю ее со своего изнывающего от желания члена и пересаживаю на край кровати. Потом подхожу к комоду и вытаскиваю для нее толстовку. – Надень. Мы поговорим с папой.

– Прямо сейчас? Но все магазины уже закрыты.

Она стоит на месте, и я натягиваю толстовку ей на голову.

– Зимний бал – это как выпускной, только еще более навороченный. Девчонки тратят на свои платья столько денег, сколько обычные люди – на машину. – Я просовываю ее руки в рукава и закатываю их. – Я не хочу, чтобы тебя затравили.

– Господи, Вэл была права. У вас, богатеев, есть наряд на каждый случай. И где мне тогда достать платье, если не в ближайшем молле? Ну, знаешь, такое место, где продаются сотни, тысячи платьев?

– Я не знаю, где ты его купишь, зато знает папа.

Спустившись на первый этаж, мы находим папу и Стива в кабинете. Они склонились над какими-то бумагами, напоминающими план полетов.

– Есть минутка? – постучавшись в дверь, спрашиваю я.

Стив сразу же мрачнеет, увидев Эллу в моей одежде.

– Ничего страшного не случилось, – оправдываюсь я. – Мы говорили про Зимний бал, и Элла сказала, что у нее нет платья.

– Вы собираетесь идти на Зимний бал вместе? – спрашивает папа, глядя на нас поверх своих документов.

– Черта с два они пойдут вместе! – резко говорит Стив.

Элла сердито смотрит на своего отца.

– Мы идем не вместе. Рид пригласил Джордан Каррингтон, а я пойду с Уэйдом.

Стив тут же расслабляется.

– Ну ладно.

Мне приходится скрыть свое недовольство его видимым облегчением.

– Какая разница, кто с кем идет! Элле нужно платье, – бубню я.

– Неужели это прямо так важно? – раздраженно спрашивает она. – У меня есть платье.

– Не знаю, – задумчиво произносит папа, – но когда я следил за порядком на выпускном пару лет назад, то видел немало дизайнерских платьев. Если Рид говорит, что тебе нужно платье, полагаю, так и есть.

Он потирает подбородок и поворачивается к Стиву.

– Ты встречался с одной женщиной... Пэтти, Пэгги...

– Пэрри Мендес? – спрашивает Стив. – Да, она была владелицей «Бэйвью-Бутик».

– И она по-прежнему им владеет. Пару недель назад я видел ее на ужине в Торговой палате. Давайте узнаем, сможет ли она нам чем-нибудь помочь. – Папа показывает Элле подойти к столу. – Садись и посмотри сайт Пэрри. Выбери платье, которое тебе понравится, и мы его купим.

Элла садится.

– Что я должна искать?

– Роскошное и модное, – советую я. – Как для конкурса красоты.

Она пролистывает несколько фотографий и вдруг останавливается.

– Мне нравится это.

Я не вижу, какое именно, потому что ее рука загораживает экран.

– Сохрани фотографию, а я отправлю ее Пэрри, – говорит ей отец.

– Спасибо.

– Говорил же, что папа все решит, – улыбаюсь я ей.

Она поднимается со стула, и мы вдвоем собираемся уходить из кабинета, но нас останавливает резкий голос Стива.

– И куда это вы собрались?

– В мою комнату. Не волнуйся, Истон уже там, – отвечает Элла, уже перешагнув порог.

Стив хмурится.

– Оставь дверь открытой. Твой новый бойфренд вряд ли будет рад узнать, как много времени ты проводишь в компании Рида.

Папа выглядит расстроенным, а я смотрю на Эллу в недоумении. *Новый бойфренд?* Господи, что она наговорила Стиву?

Элла тянет меня наверх по лестнице и на ходу объясняет.

– Стив думает, что Уэйд – мой новый парень, ну, из-за того фальшивого свидания. А теперь, когда он узнал, что я иду с ним на бал, похоже, мы официально стали парой.

– Вы не пара, – объявляю я ей.

– Да ну?

Когда мы оказываемся наедине, я, не теряя времени даром, помогаю ей избавиться от толстовки и целую ее, своими губами напоминая ей, кто ее бойфренд.

– Мы не оставили дверь открытой, – шепчет она.

– Знаю, – говорю я ей в грудь. – Хочешь, чтобы я остановился?

– Черт, нет.

Проходит не больше пяти минут, как в комнату врывается Истон.

– Я ничему не помешал, нет? – без капли раскаяния спрашивает он. –

Оказывается, я смотрю с вами телик.

Элла кидает подушку ему в голову, но двигается, чтобы освободить для него место. Я щелкаю пультом телевизора. Экран загорается, и моя девочка забирается мне под руку.

У меня осталось не так уж много времени, скоро я сяду в тюрьму. Мне не хочется тратить эти драгоценные часы на Джордан, пусть даже я должен провести с ней всего один вечер. Но придется смириться ради Эллы.

Потому что моя цель – сделать так, чтобы Элла Харпер была счастлива каждую секунду каждого дня оставшихся нам нескольких недель.

Глава 30

Элла

Вечером в пятницу Стив везет меня к Ройалам, не переставая ворчать.

– В мои времена парень приезжал за девушкой к ней домой, а не в дом своего лучшего друга.

– Так проще. Уйду не придется ехать за мной через весь город, – пожимая плечами, отвечаю я.

А еще мне очень хотелось взглянуть на Рида в смокинге. Но об этом я вслух не говорю.

Когда мы проезжаем через ворота Ройалов, я невольно задумываюсь о том, как круто изменилась моя жизнь с того дня, как я впервые приехала сюда. Еще несколько месяцев назад я танцевала стриптиз в злачном клубе под названием «Дэдди-Джи». Сегодня я сижу в невообразимо дорогой машине, на мне платье, которое, по словам Вэл, стоит дороже, чем год обучения в Астор-Парке, и туфли, украшенные кристаллами известного бренда. Вэл три раза произносила его название, но мне так и не удалось запомнить. Я выгляжу как Золушка, только из реального мира: при мне и бальное платье, и хрустальные туфельки. Вот только не знаю, кто в этой ситуации фея-крестная – Каллум или Стив.

Спортивная машина Стива объезжает фонтан во внутреннем дворе. Мы останавливаемся перед парадной лестницей, и я распахиваю дверь, но чертова машина такая низкая, что мне, облаченной в сотни слоев шифона, никак не выбраться.

Стив усмехается.

– Погоди. Сейчас вытащу тебя.

Он поднимает меня и ставит на мои десятисантиметровые каблуки.

– Что думаешь? – спрашиваю я, вытягивая руки в стороны.

– Красавица!

Я краснею от этого комплимента. Невероятно, что сейчас передо мной стоит мой отец и смотрит на меня с благоговением и гордостью.

Он берет меня под руку и помогает подняться по широким ступеням. Мы входим как раз в тот момент, когда Рид спускается по лестнице. Он так хорош в своем черном смокинге, что мне приходится силой заставить себя не пускать слюни.

– Привет, Рид. Отлично выглядишь, – с деланным безразличием говорю я, потому что Стив стоит рядом.

– Ты тоже, – отвечает он таким же безразличным тоном.

Но его горящие глаза говорят совсем другое.

– Я буду в кабинете Каллума, – говорит нам Стив. – Элла, зайди за мной, когда приедет твой парень.

Он исчезает в коридоре, что удивительно: отцу не нравится, когда мы с Ридом остаемся наедине, и у него есть на то причины. Стоит Стиву уйти, как Рид наклоняется и прижимается губами к моей шее. От его обжигающего поцелуя в пульсирующую венку подгибаются колени.

Рид прижимает меня спиной к стене и продолжает покрывать поцелуями кожу, которая так кстати обнажена благодаря вырезу в форме сердечка и отсутствию бретелей. Мои руки опускаются на накрахмаленную ткань его белой рубашки. С каждой секундой мысль о том, чтобы снять с него всю одежду становится все более привлекательной. Но, к сожалению, все портит доносящийся снаружи рев двигателя.

Услышав сигнал клаксона, Рид неохотно поднимает голову от моей груди.

– Твой кавалер приехал.

– А поцеловать в губы? – Я улыбаюсь, стараясь выровнять дыхание.

Он прижимает большой палец к уголку моих губ.

– Не хочу испортить твою помаду.

– Порть сколько хочешь, – разрешаю я.

Его губы изгибаются в ухмылке.

– Сейчас я бы поцеловал тебя и в другие части тела.

Рука Рида опускается на мою грудь, все еще мокрую от его поцелуев. Я ахаю, когда его длинный палец проскальзывает под тугой корсет и задевает мой сосок.

– Привет, мужик! Не помни платье моей дамы! – требует Уэйд, вваливаясь в холл без стука.

Рид вздыхает, убирает руку и, покачиваясь на каблуках, говорит:

– Я всего лишь восхищаюсь роскошным телом своей девушки.

Я делаю глубокий вдох, чтобы прийти в себя, и только потом поворачиваюсь к Уэйду. Слава богу, корсаж платья сделан из плотного шелка, и мое возбуждение не заметно.

– Раз мы сегодня пара, я надеюсь, что ты принес мне восхитительный букет. Мне сказали, что размер члена парня можно определить по количеству цветов, которые он покупает.

Уэйд замирает, его глаза опускаются на длинную белую коробку,

которую он держит в руках.

– Правда? Так говорят?

Рид и Уэйд обмениваются тревожными взглядами, и я чуть не умираю со смеху, глядя на них.

– Ты злая!

Уэйд марширует мимо меня, так и не отдав коробку.

Мы дружно поворачиваемся на звук шагов по лестнице. Появляются Истон и близнецы, тоже в смокингах.

Сойер кивает, увидев нас с Уэйдом.

– Наконец-то! Ну что, двигаемся? Нам еще нужно заехать за Лорен.

Все идут к двери, мы с Истоном оказываемся в самом конце. Улыбаясь, он протягивает руку и щелкает по юбке моего платья.

– Думал, ты выберешь что-нибудь облегающее и сексуальное.

– Хватит с меня вызывающих нарядов. У меня никогда не было платья принцессы. – Я трясущим платьем, в которое влюбилась сразу же, как только вытащила его из коробки.

Открытые плечи делают его в меру сексуальным, но даже если бы оно было с высоким воротником и длинными рукавами, я все равно бы взяла его из-за этой пышной юбки из сотни слоев шифона, которые шуршат в такт моим шагам.

Истон ухмыляется.

– Ты всегда делаешь то, чего от тебя меньше всего ожидают. Девчонки будут рвать на себе волосы.

– Просто я делаю то, что хочу. Им тоже стоит попробовать.

Я выбрала это платье не потому, что хотела утереть нос всему Астор-Парку, а потому что оно выглядело как платье мечты. И если это единственный Зимний бал, на который я приду с Ридом, пусть официально мы и не пара, мне хотелось, чтобы у меня было самое прекрасное платье в мире.

– Неважно. Если бы ты надела обтягивающее платье, они назвали бы тебя шлюхой, а теперь они будут звать тебя как-нибудь по-другому, но я позабочусь об этом, пока Рида не будет.

От слов Истона внутри разливается тепло. Не потому, что мне нужно, чтобы за мной приглядывали, а потому что я чувствую, что Ист вырастет. И я вдруг понимаю, что Истону тоже нужен кто-то, кто будет приглядывать за ним и заботиться о нем. Это точно не я, но до тех пор, пока он не найдет ту самую, мы будем приглядывать друг за другом.

– Я тоже буду заботиться о тебе, – обещаю я.

– По рукам.

И мы пожимаем руки.

Когда мы уже во внутреннем дворе, из дома выходят Каллум и Стив.

– Уезжаете? – спрашивает нас Каллум.

– Да, – отвечает Истон.

Уэйд останавливается у «бугатти» Стива. Он проводит рукой над капотом, не осмеливаясь прикоснуться.

– Думаю, вы должны разрешить мне сесть за руль, мистер О’Халлоран. Ради вашей дочери.

– А я думаю, что вам пора перестать вздыхать по моему автомобилю за два миллиона долларов, мистер Карлайл, и отвезти мою дочь на бал.

Святая Дева Мария! Я смотрю на отца, открыв рот.

– Два миллиона?

Все мужчины смотрят на меня так, будто это самый нелепый в мире вопрос. Но, как по мне, то это они ведут себя нелепо. Два миллиона баксов за тачку? У этих людей слишком много денег.

– Попытка не пытка. – Ухмыляясь, Уэйд подбегает к своему собственному спорткару и открывает мне дверь. – Карета ждет, миледи.

* * *

– Слушай, – спустя пятнадцать минут говорит Уэйд, пока мы стоим в длинном ряду машин и ждем своей очереди, чтобы заехать в загородный клуб, – хочу, чтобы ты знала: ты можешь прийти ко мне с любыми проблемами.

Я хмурюсь.

– Что ты имеешь в виду?

– В следующем семестре, – поясняет он, – когда, ну, Рида не будет.

– И с какими это проблемами? Например, если я забуду тампон, у тебя в шкафчике найдутся запасные?

Уэйд резко дергается.

– Рид хранит для тебя в шкафчике тампоны?

– Нет, дурила, и таким же дурацким я считаю твое предложение. Я сама в состоянии о себе позаботиться. – Но его слова чем-то напоминают мне недавнее обещание Истоны, и в душу закрадывается подозрение. – Это Рид тебя надоумил?

Уэйд смотрит в окно.

– На что Рид меня надоумил?

– Хватит строить из себя дурачка.

Его плечи опускаются.

– Ладно, может быть.

– Он собирается отдавать распоряжения из своей тюремной камеры, как босс мафии?

Чрезмерная опека Рида, наверное, станет еще сильнее, когда он не сможет видеть меня каждый день. Наверное, какая-нибудь другая девчонка на моем месте почувствовала бы, что задыхается, но мне это приятно. Я не собираюсь позволять ему контролировать всю мою жизнь, но ценю его старания.

– Не знаю, может быть. – Похоже, Уэйда это ничуть не беспокоит. Поерзав на сиденье, он бросает на меня лукавый взгляд. – Значит... тюремные свидания?

Я закатываю глаза.

– Что вам всем дались эти тюремные свидания?

– Не знаю, – повторяет Уэйд. – Необычно.

Его взгляд становится рассеянным: видимо, он погрузился в мир своих фантазий, где фигурируют тюремные камеры и сексуальные игры.

Я не хочу сидеть рядом с Уэйдом, когда он проигрывает в голове какое-нибудь порно, и поэтому спрашиваю:

– Кстати, о необычном. Как дела у вас с Вэл?

Он поджимает губы.

– Что, язык проглотил? – шучу я, но его рот словно замазали клеем.

Значит, будем говорить обо всем, кроме Вэл, да? Очень, очень интересно.

– Ладно, давай не будем говорить об этом, но знай: Вэл потрясающая. Не играй с ней.

Это не прямая угроза, но Уэйд уже должен хорошо знать меня. Ему не поздоровится, если он обидит ее.

– Значит, ты так думаешь? – вдруг взрывается он. – Что проблема во мне? Женщины... – бормочет Уэйд и добавляет еще что-то, но так тихо, что я не могу разобрать.

Я поднимаю брови, но он включает музыку. Можно оставить этот разговор: эмоциональная вспышка Уэйда ответила за него.

Когда мы въезжаем на территорию загородного клуба Бэйвью, к Уэиду возвращается его обычное веселое настроение. Скованность исчезла, и на его лице вновь сияет фирменная беззаботная улыбка.

– Прости, что набросился на тебя. У нас с Вэл... все сложно.

– И ты прости, что устроила тебе допрос. Просто я люблю Вэл и хочу, чтобы она была счастлива.

– А как же я? – с притворной обидой спрашивает он. – Разве ты не хочешь, чтобы я тоже был счастлив?

– Конечно, хочу. – Я сжимаю его руку. – Я хочу, чтобы все были счастливы.

– Даже Джордан?

– Особенно она, – отвечаю я, когда Уэйд останавливает машину перед входом в клуб. – Если она будет счастлива, то, наверное, перестанет терроризировать остальных.

Уэйд фыркает, не соглашаясь со мной.

– Сомневаюсь. Она питается страхами и несчастьями других людей.

Парковщик открывает мне дверь, прежде чем я успеваю ответить, но каким бы печальным ни было мнение Уэйда, он прав. Похоже, что Джордан становится счастливее, когда люди вокруг нее страдают.

– Поосторожнее. Это моя малышка, – говорит Уэйд парковщику и бросает ему ключи. Затем, ласково похлопав по капоту, подмигивает мне. – С машинами куда проще, чем с женщинами.

– Но с машиной не будет тюремных свиданий, – напоминаю я ему.

Он усмехается.

– Дело говоришь.

Я никогда не была в этом загородном клубе, поэтому не знаю, как он выглядит, когда не украшен в фирменные цвета Астор-Парка, синий и золотой, но сегодня здесь очень красиво. Широкие белые полосы ткани свисают из центра в разные стороны зала, делая его похожим на огромную роскошную палатку. Рядом с ними развешены маленькие рождественские гирлянды. По залу расставлены круглые столы, накрытые белоснежными скатертями, а вокруг них – стулья с огромными блестящими золотистосиними бантами. Но, несмотря на длинную очередь машин снаружи, здесь удивительно пусто.

– Где все? – спрашиваю я Уэйда.

– Сейчас увидишь, – загадочно отвечает он и ведет меня к столу в центре.

Сидящие за столом мужчина и женщина поднимаются, как только мы подходим к ним.

– Добро пожаловать на Зимний бал частной школы Астор-Парк, – щебечет дама. – Ваши имена, пожалуйста.

– Уэйд Карлайл и Элла... – Он умолкает и вопросительно смотрит на меня. – Ройал? Харпер? О'Халлоран?

– Есть Элла Харпер.

Женщина протягивает мне мешочек из шелка и маленькую бутылочку

игристого сидра, на котором написано мое имя.

– Что это? – медленно спрашиваю я.

Уэйд забирает все и уводит меня от стола, чтобы стоящая за нами пара тоже могла получить свои подарки. Он засовывает бутылки в один карман, а мешочки – в другой.

– Тебе дают фишки общей стоимостью пятьсот долларов, чтобы здесь на них можно было играть.

«Здесь» оказывается комнатой, где стоят обитые сукном игорные столы и столько народа, что мне становится нечем дышать. Повсюду красиво одетые девушки, большинство в облегающих платьях с разрезами сбоку, и парни в смокингах. Похоже на сцену из какого-нибудь фильма.

– Как бы я хотела, чтобы Вэл тоже была здесь, – шепчу я.

– И я, – по-моему, говорит Уэйд, но я не уверена.

– Значит, я пользуюсь фишками, чтобы играть во все эти игры? – Я показываю рукой на столы, как в казино, пытаюсь отвлечь нас обоих от мыслей об отсутствующей подруге.

– Да, а потом выкупаешь разную фигню.

Мы проходим вглубь комнаты. Там стоят два стола. За одним ребята играют в покер, за другим – в блэкджек.

– Какую, например?

– Путешествия, ювелирные украшения, типа того.

– Кто за это платит?

– Это все пожертвования. Но за твои фишки платят родители или опекуны, я так думаю.

– Значит, поэтому тут нет танцев?

В самом дальнем углу комнаты я вижу стол, полный сумок, конвертов и корзин. Похоже на вещевую лотерею, только предметы поизысканнее.

– Почему, танцы – в обеденном зале.

Я смутно припоминаю небольшой квадрат свободного пространства между столами.

– Но там так мало места!

– Вряд ли кто-то будет танцевать.

Ну конечно, кто захочет танцевать, когда можно поиграть в азартные игры?

– Когда это началось?

– Может, лет десять назад. – Уэйд хлопает по руке одного из футболистов, мимо которого мы проходим. – Никто из парней не танцевал, и вскоре они вообще перестали приходить, почти все. И вот кто-то додумался устроить здесь казино. Бум! И парни снова в деле.

Мы останавливаемся рядом с одним из столов. Здесь есть все: от сумок до ювелирных украшений и рекламных проспектов с надписями типа «Аспен», «Лас-Вегас» или «Пуэрто-Вальярта». Теперь понятно, о чем говорил Уэйд.

– Здесь ничто не стоит пять сотен, – говорю я ему, показывая на выделенные жирным шрифтом цифры, напечатанные внизу каждого листа, с пояснениями.

– Да, но ты типа должна выиграть еще фишки, а тот, с кем ты пришла, должен отдать тебе свои.

– Совсем никакой дискриминации, – бормочу я себе под нос.

Уэйд фыркает от смеха.

– В Асторе не все свободны от предрассудков. Ты разве только сейчас заметила?

Я задумываюсь: не потому ли не пришла Вэл? Кроме платья нужно потратиться и заплатить пятьсот долларов за фишки, на которые можно купить всякое барахло.

– Отстойно быть тем, кто учится по стипендии.

Уэйд хмурится.

– Тебе необязательно играть.

Я оборачиваюсь по сторонам.

– И Лиам Хантера нигде не видно. По-моему, он тоже на стипендии, как и Вэл, да?

– Хм.

Глаза Уэйда расширяются, когда до него доходит, кто именно присутствует на всех этих благотворительных балах.

Все подстроено так, чтобы бедным детишкам было не попасть сюда, и волшебные чары мигом рассеиваются.

Я нетерпеливо поглядываю на дверь.

– Ну где же Рид?

Когда он рядом, я могу стерпеть все что угодно. Но только если он настоит на своем, скоро его со мной рядом больше не будет.

Я отгоняю эту гнетущую мысль.

Уэйд пожимает плечами.

– Он точно опоздает. Джордан любит появляться эффектно.

Глава 31

Рид

– Ты опоздал, – рывкает Джордан, распахивая передо мной дверь особняка.

Я смотрю на часы.

– Ровно на одну минуту, – закатив глаза, отвечаю я.

И хотя ее грубый тон действует мне на нервы, эта сделка с дьяволом чертовски того стоит. Я не умру, если буду более галантным.

– Ты готова? – вежливо спрашиваю я.

Джордан осматривает меня с головы до ног.

– Где твой золотой галстук?

Неожиданный вопрос. Я смотрю на свой черный.

– По-моему, у меня нет золотого галстука.

Ее глаза становятся похожи на две узкие щелочки.

– Это было частью договора. Ты должен был надеть золотой галстук, под цвет моего платья.

Я следую взглядом за ее рукой, которой она проводит вдоль тела в духе Ванны Уайт^[11]. Такое ощущение, что Джордан обернули в золотую шелковую бумагу, очень тонкую. Черт, это что, ее соски? Я пытаюсь не глазеть на них, но это непросто.

Отводя взгляд, я замечаю на лице Джордан самодовольную усмешку.

– Нравится то, что видишь?

– Ты про свои сиськи? Джордан, они есть у каждой девушки.

Ее усмешка из самодовольной превращается в издевательскую.

– Передай Элле, что сделка отменяется и она по-прежнему должна мне.

Дверь начинает закрываться прямо у меня перед носом. Упираясь рукой в деревянный проем, я протискиваюсь внутрь. *Веди себя вежливо, Рид. Ты не умрешь, если будешь милым с этой девчонкой.*

– Отлично выглядишь, – через силу выжимаю я из себя.

– О, ну вот, другое дело! – Демон похлопывает меня по руке, и мне приходится призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не передернуться. – Неужели было так тяжело?

Да, очень тяжело. И я не хочу, чтобы меня трогала она или любая

другая девушка, если ее не зовут Элла Харпер. Но Джордан я этого, конечно, не говорю, а лишь повторяю свой вопрос:

– Ты готова?

Учитывая, как она разозлилась из-за того, что я опоздал, жду, что в ответ прозвучит «да». Но не тут-то было.

– Мы никуда не поедем до тех пор, пока ты не наденешь золотой галстук.

Мать твою, эта девица вообще в своем уме?

– У меня такого нет, а даже если бы и был, я не собираюсь тратить лишние двадцать минут и ехать за ним. Бери сумку или что там тебе нужно, и поехали.

Джордан упрямо выставляет подбородок.

– Нет, сначала мы сфотографируемся. Мам! – кричит она. – Приехал Рид Ройал. Мы готовы фотографироваться.

Сжав пальцами переносицу, я молю Бога дать мне еще терпения. Мне не хочется выполнять роль манекена, пока Джордан будет увековечивать в памяти этот балаган.

– На фотографии я не подписывался. Я приехал, чтобы отвезти тебя на бал. Таким был уговор.

– Как я скажу, таким этот договор и будет, – шипит Джордан.

– Мы оба знаем, что Элла единственная, кто выполнит свою часть сделки. Остальные послали бы тебя куда подальше. – Включая меня, но я стараюсь вести себя безупречно и свести оскорбления к минимуму. – Я здесь. Я хочу отвезти тебя на танцы. Я буду сидеть с тобой за ужином и отдам свой мешочек с фишками, чтобы ты купила все, что твоей душе захочется. Точка. Так что мы либо продолжаем ссориться еще часа два, либо валим на вечеринку. Если поторопимся, то даже сможем успеть к ужину.

– Я заслуживаю фотки, – настаивает она.

И как по сигналу из-за угла появляются миссис и мистер Каррингтон, у которого в руках фотоаппарат.

Я вздыхаю. Если не уступлю ей, то мы всю ночь проведем здесь.

– Ладно, делаем фотографию и едем.

– Пять фотографий.

– Одну.

На лице ее матери застыло смятение.

– Что ж, может, нам сделать пару фотографий у камина? – тихо предлагает она.

– Да, начнем оттуда, – соглашается Джордан.

– Несколько правил, – шепчу я ей, чтобы еще больше не смущать ее родителей. Они и так не понимают, что происходит. – Мы не целуемся, не обнимаемся, не делаем ничего, что делают парочки.

– Ты обнимешь меня, и тебе это понравится, – язвительно бросает она и хватается меня за рукав, чтобы притянуть к себе.

Я спокойно вытягиваю тонкую шерсть смокинга из ее хватки.

– Поосторожнее. Том Форд не дешев.

Мой смокинг пошит на заказ. Ежегодно каждый из нас получает новый. Папа глубоко убежден, что нужно иметь одежду на любой случай жизни.

– Готовы? – спрашивает миссис Каррингтон, жестом показывая своему мужу с фотоаппаратом подойти ближе.

После череды уверток и ухищрений, когда Джордан пыталась тереться своей задницей о мой член, а я старался сделать так, чтобы мы не касались друг друга даже одеждой, фотографии сделаны, и мы стоим у дверей.

Марк Каррингтон громко откашливается.

– Мистер Ройал, я не одобряю выбор моей дочери, учитывая ваше текущее положение, но хочу, чтобы она была счастлива.

– Папа, – вмешивается Джордан.

Но ее отец не обращает на нее никакого внимания и смотрит мне прямо в глаза. Я уважаю это.

– Не волнуйтесь, – успокаиваю я его. – Она будет дома к десяти.

Я протискиваюсь за дверь и сбегая вниз по ступенькам, Джордан обиженно пыхтит у меня за спиной.

– Вечеринка не закончится до полуночи, козел.

Я открываю перед ней дверь машины.

– Как жаль! А ведь я уже сказал твоему отцу, что ты будешь дома раньше.

– А потом еще будет афтепати, – сквозь зубы говорит она.

Я жду, пока она закинет ноги в салон машины, уставившись в пустоту перед собой. У нее такое короткое платье, что будут видны трусы, а я что-то совсем не хочу на них смотреть.

– Я согласился только на один Зимний бал, – отвечаю я и захлопываю дверь.

– Ты собираешься весь вечер так себя вести? – спрашивает Джордан, когда я усаживаюсь за руль.

– Угу.

– Это противоречит духу нашей сделки.

– Ты заключила сделку с Эллой, а не со мной. Я не собираюсь лезть из

кожи вон.

– Ты отвратителен. Вы с твоей нищесборкой заслуживаете друг друга.

Я ударяю по тормозам, и машина останавливается на полпути к выезду от ее дома. Мои попытки быть вежливым имеют свой лимит, и он заканчивается при первом же оскорблении Эллы.

– Еще раз обзовешь ее, и свиданию конец. Я выволоку тебя из «ровера» и оставлю на обочине.

– Ты этого не сделаешь! – с негодованием восклицает она.

– Еще как сделаю. – И, если честно, с большим удовольствием.

– Тебе следует благодарить меня за то, что люди увидят нас вместе.

– Правда? Если бы не ты, я сейчас был бы с Эллой.

– Просто... – она запинается, – просто поезжай уже.

Видимо, девица понимает, что я уже на пределе. Сняв ногу с педали тормоза, я выезжаю на дорогу. Время без десяти семь. Интересно, ужин уже подали? А Уэйд выиграл фишки для Эллы? В покер он играет дерьмово. Как, наверное, и Элла. На ее лице отражаются все эмоции. А Истон слишком неорганизованный.

Я сильнее жму на газ.

Ворота загородного клуба еще никогда не выглядели такими приветливыми. Когда я останавливаю машину, парковщик уже так заскучал от отсутствия движения, что почти спит. Услышав, как я хлопнул дверью, он вскакивает на ноги и бросается помогать Джордан выйти из машины. Судя по тому, как округлились его глаза, ему открылся отличный вид на ее промежность.

Когда мы входим внутрь, за столом регистрации никого нет.

– Поверить не могу, что не получу свои фишки! – восклицает Джордан.

Пока она не закатила истерику, я наклоняюсь через стол, нахожу коробку и достаю оттуда два мешочка с фишками.

– Вот, – сунув их ей в руки, говорю я.

А потом подталкиваю, не совсем нежно, к дверям казино. Как только Джордан входит, все головы поворачиваются в ее сторону. Но, видимо, на это и был весь расчет, потому что она распрямляет плечи, а на ее лице появляется странное выражение удовлетворения.

Я осматриваю комнату в поисках Эллы. Она в дальнем углу, смеется над тем, что шепчет ей на ухо Уэйд. Два других футболиста, Макдональд Сэмсон и Грег Анджелис, стоят слева от нее. Несмотря на отведенную мне роль пары Джордан, я не могу сопротивляться силе притяжения Эллы.

Я оставляю Джордан стоять у входа и купаться во внимании

одноклассников, а сам направляюсь к самой красивой девушке в этой комнате. Заметив меня, Элла отходит от своей компании, улыбка освещает ее лицо.

Мне сразу становится лучше.

– У меня галлюцинации или я действительно вижу сиськи Джордан? – Грег искоса смотрит на ту, с кем я должен проводить весь этот вечер.

– Иди и посмотри поближе, – обнимая Эллу за талию, предлагаю я.

Было бы здорово, если бы все они убрались к чертям и я смог остаться наедине со своей девочкой. У меня в запасе не так уж много времени, и мне не хочется тратить его на кого-то, кроме Эллы и моих братьев.

Я легонько целую ее в губы. Еще чуть больше страсти – и мне придется утащить ее в ближайший темный угол, задрать эту красивую юбку и сделать как минимум шесть из миллиона распутных вещей, которые приходят на ум каждый раз, когда я касаюсь ее.

– Разве ты не должен быть парой Джордан? – спрашивает Элла.

– Не напоминай мне. Я же привез ее сюда? Привез.

Но, глядя в упрямое лицо своей девушки, я понимаю, что просто так не отделаюсь.

Уэйд сочувственно смотрит на меня.

– Может, поиграем в покер?

Я с облегчением принимаю его предложение.

– А вот это с удовольствием.

Но, прежде чем нам удастся найти свободный столик, подходит Рейчел Коэн, подружка Уэйда, с которой он любит уединяться в школьном туалете. На ней облегающее красное платье с разрезами по бокам.

– Уэйд, солнышко! Я так соскучилась по тебе! – Эта симпатичная брюнетка щелкает по его галстуку и лукаво улыбается. – Не хочешь найти какое-нибудь тихое местечко и навестить упущенное?

И мы все в изумлении наблюдаем, как парень, который никогда не говорит «нет», опускает глаза в пол. Он неловко переступает с ноги на ногу, пытаясь найти способ отделаться от этой бедняжки.

– Сейчас я не могу, милая. Мы собрались играть в покер.

– Ой, ну ладно. Тогда позже? – Похоже, Рейчел не большого ума и не умеет читать между строк.

Уэйд глазами умоляет нас помочь ему.

Отвечает лишь Элла.

– О, Рейчел, по-моему, Истон совсем не знает, что ему делать со своими картами.

Брюнетка мигом оживляется.

– Правда? Я уже подходила к нему, но он сказал, что ему не нужна помощь.

– Он просто застенялся. Скажи ему, что это я тебя прислала. – Элла хлопает Рейчел по спине.

– Ладно, – со счастливым видом отвечает Рейчел. Сделав пару шагов, она снова поворачивается к нам. – Если потом захочешь к нам присоединиться, я не против. Пока, Уэйд.

Мы выжидаем несколько секунд и тут же поворачиваемся к моему лучшему другу.

– Серьезно? – восклицает Макдональд. – Эта телочка только что в открытую предлагала себя тебе, и ты сказал «нет»? Ты яйца, что ли, потерял?

Уэйд хмуро смотрит на него.

– Нет. Я просто не в настроении.

– Чувак, ты всегда в настроении, – отвечает Макдональд.

Мы с Греггом дружно киваем, а Элла широко улыбается Уэйду, как будто знает то, чего не знаем мы. Наверное, это как-то связано с Вэл. Хотя я думал, что Уэйд уже решил двигаться дальше.

– Да пошли вы все. – Уэйд хватает Эллу за руку. – Детка, сегодня я твоя пара и больше не покину тебя.

Он тащит Эллу к ближайшему столу и кричит нам через плечо:

– Эй, лузеры, вы идете или как?

– Я выхожу, – говорю я какое-то время спустя Уэйду, когда проигрываю свои последние фишки за покерным столом.

Он хмурится.

– Ты проиграл только сотню баксов.

– Остальные я отдал Джордан.

Уэйд что-то мычит.

– Оно того стоит? Быть прикованным к ней весь вечер?

– Кто прикован? Я не видел ее уже целый час.

Оказалось, у моей пары страсть к азартным играм, потому что с тех пор, как мы пришли сюда, она ни на шаг не отходит от игорного стола. Не то чтобы я жалею. Наоборот, чем меньше времени я провожу рядом с ней, тем лучше.

– И даже если бы она ходила со мной как приклеенная, да, оно того стоит, – признаюсь я.

Когда мы с Эллой занимались любовью в первый раз, это была самая лучшая ночь в моей жизни. Именно эту ночь я буду вспоминать в своей одинокой камере каждый божий день уготованных мне пяти (как минимум)

лет.

– Если бы ты не пошел на такое ради Вэл, значит, еще не нашел свою единственную.

– Чувак, мне восемнадцать. С чего я должен искать свою единственную?

Уэйд хмуро разглядывает свои карты, но, кажется мне, вовсе не потому, что у него плохой расклад. Он влюбился в Вэл и борется со своими чувствами.

Я оставляю его в покое. Он сам должен в себе разобраться. Да, наверное, восемнадцать лет – еще слишком юный возраст, чтобы хотеть связать себя с кем-то на всю жизнь, но я уже не могу представить свое будущее без Эллы.

Мне остается лишь надеяться, что она чувствует то же самое, особенно если учесть, что мы будем вынуждены расстаться на пять лет. Будет ли она ждать меня? Я знаю, эгоистично с моей стороны спрашивать об этом, но, по-моему, я имею на это право.

– Ты в порядке? – шепчет мне на ухо центр моего мироздания.

Наверное, я сижу с таким же хмурым видом, как и Уэйд.

– Да, все нормально, просто немного задумался.

Элла сжимает мое плечо.

– Ну ладно, я тогда пойду, немного поболтаю с Лорен. Ведь сегодня ты не моя пара, а Джордан сейчас просверлит глазами дыры в моей спине.

Элла ушла всего лишь секунд пять назад, а кто-то уже осторожно хлопает меня по плечу. Это Эбби Уэнтворт.

Я непроизвольно смягчаюсь при виде ее бледно-розового платья и струящихся почти белых волос. Меня привлекали в Эбби ее нежность и утонченность. Она так сильно напоминала мне маму, что, находясь рядом с ней, я ощущал... умиротворение.

Но сейчас я с девушкой, в которой столько огня, что едва ли вернусь к той, в которой силы как у облачка пара.

И уж точно не к той, кто наговорил про меня всякого дерьма копам.

Вспомнив об этом, я тут же напрягаюсь.

– Как дела?

– Мы можем поговорить?

Даже голос у нее мягкий. Эбби вся какая-то эфемерная до чертиков.

– Мне нечего тебе сказать, – не слишком вежливо отвечаю я, и мои друзья удивленно смотрят на меня.

Они все в курсе, что я питал слабость к этой девушке. Но это давно прошло. Единственное чувство, которое я сейчас испытываю к Эбби, – это

жалость.

– Пожалуйста, – умоляет она.

Я встаю из-за стола, но только чтобы не опозорить ее перед нашими одноклассниками. Но стоит нам оказаться за пределами слышимости, я гневно смотрю на нее.

– Ты сказала копам, что я *причинил* тебе боль, – мой шепот похож на шипение змеи.

Бледно-голубые глаза Эбби расширяются.

– Ой, я, я...

Она сглатывает и, судя по лицу, вот-вот заплачет.

– Но ты причинил мне боль! – ноет Эбби. – Ты разбил мне сердце!

Я начинаю раздражаться.

– Мать твою, Эбби, сейчас мы говорим о моей *жизни*! Я читал твои показания. Ты намекала на физическое насилие, но мы оба знаем, что это чертова ложь!

Из нее вырывается очередной страдальческий стон.

– Я... прости меня. Я понимаю, что получилось некрасиво, и я клянусь тебе, что пойду в полицию, дам новые показания и расскажу им, что ты никогда...

– Не утруждай себя, – огрызаюсь я. – Я хочу, чтобы ты больше вообще ничего не говорила, ты слышишь меня? Ты уже достаточно сделала.

Эбби отшатывается, как будто я ударил ее.

– Рид, – шепчет она. – Я... я очень скучаю по тебе, понимаешь? Скучаю по нас.

О, вот же дерьмо. На сердце сразу становится тяжело. Вот что, черт подери, я должен на это сказать? Мы расстались больше года назад.

– У вас тут все в порядке?

Спасен Сатаной.

Я никогда в жизни не был так рад увидеть Джордан Каррингтон и, наверное, поэтому беру ее под руку, как будто мы сегодня *действительно* пара.

– Все нормально, – натянуто отвечаю я.

А вот Эбби яростно трясет головой. Впервые за все время, сколько мы знакомы, я вижу, как в ее взгляде полыхает гнев.

– Ничего *не* нормально! – накидывается она на Джордан, и точно так же впервые я слышу, чтобы она повышала на кого-то голос. – Поверить не могу, что сегодня ты пришла с ним! Как ты могла, Джордан?

Ее подруга даже бровью не ведет.

– Я уже объясняла тебе, почему...

– Потому что тебе так важен твой дурацкий *престиж*? – Эбби кипит от злости, ее щеки краснее помидоров. – Потому что ты хочешь стать королевой какого-то идиотского бала? Я сказала тебе, что не хочу, чтобы ты шла с ним, но ты просто взяла и наплевала на мои чувства! Какая подруга так поступает? И кому есть дело до твоего социального статуса?! – Сейчас она уже пронзительно кричит, и на нас смотрит почти вся комната. – Я была с Ридом, потому что люблю его, а не потому, что это помогало моей репутации!

Но Джордан снова само спокойствие.

– Ты устраиваешь сцену, Эбигейл.

– *Мне плевать!*

Мы все морщимся от оглушающей высоты ее голоса.

– Ты его не заслуживаешь! – Задыхаясь, продолжает верещать Эбби. – И *ты* тоже!

Я только через секунду понимаю, что Элла стоит рядом со мной.

– Зачем ты вообще сюда переехала? – рычит Эбби на Эллу. – У нас с Ридом все было прекрасно, пока тебя здесь не было! Но вот ты появилась, в своих дешевых шмотках, с вульгарным макияжем, и начала... начала... начала вести себя как *шлюха*...

Джордан усмехается.

– ...и ты все испортила! Я ненавижу тебя. – Ее полный отчаяния и ярости взгляд снова останавливается на мне. – И тебя тоже ненавижу, Рид Ройал! Я надеюсь, ты будешь гнить в тюрьме до конца своей идиотской жизни!

Эбби заканчивает свою пламенную речь на одном дыхании.

В комнате повисает тишина. Все смотрят на мою свихнувшуюся бывшую. Когда она понимает это, то в ужасе ахает и зажимает ладонью рот.

А потом выбегает за дверь, подол ее розового, как у сказочной принцессы, платья развевается следом.

– Что ж, – Джордан явно позабавила эта сцена, – я всегда знала, что она лишь притворялась бедной овечкой.

Мы с Эллой молчим. Я таращусь на дверь, через которую только что выскочила Эбби, горло как-то странно сжимается от жалости к ней.

– Может, нам стоит пойти за ней? – наконец спрашивает Элла, но, судя по ее голосу, ей совсем этого не хочется.

– Нет, – отвечает вместо меня Джордан. В ее голосе появляются заносчивые нотки, и она высоко поднимает голову. А потом собственнически хватая меня за руку и дергает прочь от Эллы. – Пойдем, Рид. Я хочу танцевать. Нам нужно потренироваться, прежде чем нас

объявят королем и королевой.

Я еще слишком потрясен неожиданной эмоциональной вспышкой Эбби, чтобы протестовать, и поэтому позволяю ей увести меня за собой.

Глава 32

Рид

– Да уж, это было... слишком, – бормочет Элла, когда пару часов спустя мы входим в мою спальню.

Я смотрю на нее. Слишком? Да это слабо сказано!

Этот вечер был полной катастрофой, начиная с того, что Джордан и ее родители заставили меня позировать для каких-то там фотографий, и заканчивая истерикой Эбби перед целой толпой народа. Я чуть не упал от облегчения, когда Джордан не стала заставлять меня везти ее на афтепати. Думаю, она удовлетворилась короной Королевы снежинок. К счастью, мне не пришлось бороться с тошнотой, танцуя вальс короля и королевы, потому что Уэйд опередил меня по голосам. Единственное, что скрасило сегодняшний вечер, – это то, как Уэйд во время танца лапал Джордан за задницу, а она шипела на него, чтобы он перестал.

Нам с Эллой удалось сбежать около десяти, и у нас есть целый час, потому что Стив приедет за ней не раньше одиннадцати. Но, опустившись на мою кровать, мы оба сидим словно в трансе.

– Черт, мне даже жаль ее, – признаюсь я.

– Эбби?

Я киваю.

– Нечего тебе ее жалеть, – резко произносит Элла. – Некрасиво так говорить, но, по-моему, Эбби немножко неадекватная.

Я вздыхаю.

– Немножко?

– Ладно, она совершенно неадекватная. – Элла сжимает мою руку. – Ты ни в чем не виноват. Ты порвал с ней, но не давал ей никаких надежд. Это она не смогла все забыть и двинуться дальше.

– Я понимаю.

Но все никак не могу стереть из памяти убитую горем Эбби.

Последние годы я если кого-то и уважал, то только себя. Даже гордился тем, что был бесчувственным мерзавцем. Значит, это карма? Я на пять лет сяду за решетку из-за парней, которых избил, и девушек, чувства которых ранил?

Я пытался вести себя так, как будто все в порядке. Я ходил на занятия,

играл в футбол, пошел даже на Зимний бал. Я вел себя так, как будто каждый мой день – это обычный день из жизни старшекласника. Но больше я не могу притворяться, что все в порядке. Эбби не в порядке. Дело по убийству Брук не в порядке. Моя жизнь не в порядке.

Каждую ночь я лежу, уставившись в потолок, и думаю о том, как выживу в тюремной камере. Ожидание – вот что самое тяжелое.

– Рид, что случилось?

Сделав вдох, я встречаю обеспокоенный взгляд Эллы. Никакие ласковые слова не справятся со жгучей болью, и я решаю сообщить о своем решении быстро, как сорвать пластырь с раны.

– Я собираюсь подписать сделку о признании вины как можно раньше.

Элла так резко оборачивается ко мне, что теряет равновесие. Я удерживаю ее, но она вырывается из моих объятий и вскакивает на ноги.

– Что ты сказал?

– Я собираюсь подписать сделку как можно раньше. Хочу попросить, чтобы приговор вступил в исполнение с начала следующей недели, а не с первого января. – Я морщусь. – Так будет лучше всего.

– Какого черта, Рид?

Я провожу рукой по волосам.

– Чем быстрее я сяду, тем быстрее выйду.

– Это чушь. Мы можем все уладить. Дина подкупила Руби Майерс, и, значит, у нас появились новые улики...

– Нет никаких новых улик, – перебиваю я ее.

Меня убивает то, с какой силой она цепляется за эту мечту: что каким-то волшебным образом появятся новые доказательства моей невиновности. Ее неспособность смириться с тем, что я сяду в тюрьму, и понять, почему я хочу, чтобы приговор вступил в силу раньше, говорит мне все, что я должен знать.

Я не буду просить ее ждать меня все эти пять лет. Даже мысль об этом делает меня эгоистичным подонком. Она лишит себя всего. Как пройдет ее последний год в школе, если все будут уверены, что ее парень – убийца? А колледж? Может, я и подонок, но не настолько. По крайней мере, не когда речь идет об Элле.

Я возвожу кирпичные стены вокруг своего сердца, этой бесполезной штуконины, и пялюсь в пол, потому что не смогу смотреть в ее побледневшее красивое лицо и произносить все те слова, что сейчас галопом скажут у меня в голове.

– Нам нужно расстаться, хотя бы на время. Пока я буду там, а ты здесь, на свободе.

В комнате становится так тихо, что я все-таки поднимаю глаза на Эллу. Она застыла на месте, прижав ладонь ко рту, ее глаза стали похожи на два блюдца.

– Я хочу, чтобы ты наслаждалась учебой в колледже. Говорят, это самое лучшее время в нашей жизни. – У этих слов горький привкус, но я заставляю себя договорить. – А если ты встретишь кого-то, то не должна думать обо мне.

И тут я умолкаю, потому что больше не в силах произносить всю эту ложь. Но, прежде чем я снова успеваю открыть рот, Элла подлетает ко мне, садится на колени и с силой прижимается своими губами к моим. Это даже не поцелуй, а пощечина. Наказание за все, что я только что сказал, и за те ужасные слова, что застряли у меня в горле.

И хотя я знаю, что не должен, но все равно обнимаю ее за талию и прижимаю к себе, позволяя целовать себя.

Слезы стекают по нашим губам. Я проглатываю их, свои слова, наше отчаяние и целую ее до тех пор, пока она не начинает плакать так сильно, что уже больше не может целовать меня в ответ. Я прижимаю ее лицо к своей груди, и моя рубашка тут же намокает.

– Я не хочу больше слышать от тебя подобный бред, – шепчет Элла.

– Я лишь пытаюсь сказать, что ты не должна чувствовать себя виноватой, если вдруг захочешь двигаться дальше, – охрипшим голосом отвечаю я.

Она тычет пальцем мне в грудь.

– Ты не будешь диктовать мне, что чувствовать. Никто не будет: ни ты, ни Стив, ни Каллум.

– Знаю. Просто я хочу сказать... – Черт, да я сам не знаю, что хочу сказать. Я не хочу, чтобы она встречалась с кем-то другим. Я не хочу, чтобы она двигалась дальше. Я хочу, чтобы она думала обо мне все это время, что я буду думать о ней.

Но мне ненавистна мысль о том, что она будет одна, ждать меня и не иметь возможности быть рядом со мной, и все из-за моих идиотских поступков.

– Я пытаюсь думать не только о себе, – наконец говорю я. – Я пытаюсь сделать так, как будет лучше для тебя.

– Но ты решил, что будет лучше для меня, не спросив меня саму, – безжизненным голосом отвечает она.

Я стараюсь подобрать слова, чтобы объяснить свою точку зрения, но вдруг ее руки начинают расстегивать пряжку моего ремня, и все хорошие намерения мигом вылетают из моей головы.

– Э... Элла... – с запинкой начинаю я. – Не надо.

– Не надо что? – издевается Элла. Ее пальцы расстегивают молнию на моих брюках, и она берет в руку мой член. – Не надо касаться тебя?

– Нет.

В этот раз мне придется отступить. Мое тело дрожит от желания, но я не хочу ставить свои собственные потребности превыше всего.

– Очень жаль, потому что я уже касаюсь тебя. – Она хватается за запястье и прижимает мою руку к своему животу. – А ты касаешься меня. Ты и правда хочешь, чтобы кто-то другой точно так же прикасался ко мне? И ты совсем не будешь против?

Картинки, которые рисует мое воображение, просто ужасны. Я сжимаю кулаки.

– Не надо. Не произноси такие вещи.

– А что? Ты же мне сам это сказал. Я бы никогда, никогда не смирилась, что ты «двинулся дальше» с другой девушкой. Это же предательство, и оно разрушит нас. Не твои пять лет в тюрьме, не сотни Дэниелов, Джордан, Эбби или Брук. А то, что ты двинешься дальше, пусть даже на один день, на час – вот что я буду ненавидеть.

– Я пытаюсь сделать так, как будет лучше для тебя, – повторяю я.

Проклятье! Да все эти дни я только и думал, что о ней.

– Лучше для меня будет не отвергать меня. Лучше для меня будет не диктовать мне, что я должна чувствовать. Я люблю тебя, Рид. И не надо говорить мне, что я слишком молодая, чтобы разбираться в своих чувствах. Может, где-то там есть еще кто-то, кого я могла бы полюбить, но меня это не волнует. Я люблю тебя. Я хочу быть с *тобой*. Я хочу ждать *тебя*. А чего хочешь ты?

Ее пылкое признание лишает меня всех сил сопротивляться и дальше. Мое собственное признание слетает с моего языка раньше, чем я успеваю его остановить.

– Тебя. Нас. Навсегда.

– Тогда не отталкивай меня. Не указывай мне, что чувствовать, что думать, кого любить. Если ты действительно согласишься на эту сделку, тогда не смей говорить, что тебе стыдно смотреть мне в глаза. Не смей переставать писать мне. Не смей отказываться от моих визитов. Мы будем вместе вести обратный отсчет. Вместе ждать. Каждый день будет сближать нас еще сильнее. Либо мы делаем это вместе, либо не делаем вообще. – Ее голубые глаза сверкают как раскаленные сапфиры. – Ну так как?

На самом деле она пытается сказать мне, чтобы я собрался с духом, взял себя в руки и вел себя как член нашей команды, команды Эллы и Рида.

Свободной рукой я хватаю ее за подбородок и с силой целую.

– Я с тобой, детка.

А потом я срываю с нее дорожное платье и показываю, как именно я хочу быть с ней, до конца наших чертовых дней.

Глава 33

Элла

Субботним утром Стив объявляет, что мы переезжаем обратно в пентхаус. Сегодня.

– Сегодня? – ставя стакан с апельсиновым соком на стол, тупо повторяю я.

Поставив локти на кухонную столешницу, он широко улыбается мне.

– Сегодня вечером, если совсем точно. Прекрасные новости, как считаешь? Наконец избавимся от тесноты этих пяти комнат.

Честно говоря, мне хочется уехать отсюда. Я уже прижилась в этом отеле (хотя год назад я бы ни за что так не сказала), но Стив прав: нам нужно больше пространства, чтобы отдыхать друг от друга. Стив и Дина постоянно ссорятся. И пусть вначале мне даже было немного жаль ее, сейчас меня тошнит уже от одного взгляда на нее. И не только потому, что Дина подкупила Руби Майерс, но и потому, что она каким-то образом замешана в смерти Брук. Просто я ничего не могу доказать, черт побери!

Рид рассказал Каллуму о моих подозрениях, но даже его армия частных детективов вернулась с пустыми руками. Но они должны найти хоть что-то, и *поскорее*, потому что если Рид не передумает, то сделка с обвинением будет подписана в понедельник утром и он окажется за решеткой, как только подсохнут чернила.

Может быть, я найду какие-нибудь подсказки в пентхаусе.

Стив склоняет голову набок.

– Что скажешь? Готова съехать отсюда?

Его заискивающая, как у щенка, улыбка напоминает мне Истона. Стив не так уж и плох. И он старается изо всех сил. Я не могу не улыбнуться ему в ответ.

– Да, я не против.

– Вот и хорошо. Может, тогда соберешь свой чемодан? Бери только самое необходимое, остальное нам доставят служащие отеля. Дина уже распорядилась, чтобы перед нашим приездом как следует прибрались.

Я собираюсь ответить ему, но жужжит мой телефон. Это звонит Рид, и я стараюсь прикрыть рукой экран, чтобы Стив ничего не увидел.

– Это Вэл, – вру я. – Готова поспорить, она хочет узнать, как прошел

Зимний бал.

– О, отлично, – с отсутствующим видом говорит Стив.

– Я поговорю с ней наверху, чтобы не беспокоить тебя.

И я вылетаю из кухонной зоны.

Он кивает, погруженный в свои мысли. У Стива есть один большой недостаток: если разговор не касается его персоны, он быстро теряет всякий интерес.

Оказавшись в своей комнате, я сразу же отвечаю Риду, пока звонок не перевели на голосовую почту.

– Привет.

– Привет. – На мгновение он умолкает. – Я говорил с папой о той официантке. Решил, что тебе следует знать.

– Официантке... а-а-а. – Сначала я даже не поняла, что он имеет в виду Руби Майерс. Мой пульс тут же учащается. – И что он сказал? У нас есть доказательства, что кто-то заплатил ей?

– Она взяла кредит, – ровным голосом сообщает Рид. – Ее мать скоропостижно скончалась, но она была застрахована на небольшую сумму. Майерс использовала эти деньги для первоначального взноса за машину. Никаких следов того, что закон был нарушен.

Я проглатываю крик отчаяния.

– Не может быть! Дина практически призналась мне в лицо, что заплатила Майерс.

– Тогда она сделала это каким-то хитрым способом, потому что у меня есть копия кредитного договора.

– Боже, но я знаю, что Дина в этом замешана.

Меня охватывает паника. Почему эти детективы никак не могут продвинуться хоть сколько-нибудь вперед? *Должна* быть хоть какая-то зацепка, указывающая, что это не Рид.

– Если даже и так, самолет Дины приземлился только через несколько часов после смерти Брук.

На глаза наворачиваются слезы, горло сжимается. Я прикрываю рот рукой, но приглушенный всхлип все равно вырывается наружу.

– Мне нужно идти, – удастся выговорить мне, хотя мой голос немного дрожит. – Стив хочет, чтобы я собрала вещи. Сегодня вечером мы переезжаем в пентхаус.

– Хорошо. Люблю тебя, детка. Позвони, когда устроишься.

– Конечно. Тоже люблю тебя.

Я быстро вешаю трубку и зарываюсь лицом в подушку. Закрыв глаза, даю волю слезам, но только на минуту, максимум две. Потом приказываю

перестать жалеть себя и начинать собираться.

Брук умерла в пентхаусе. Там *должны* быть какие-нибудь подсказки.
И я намерена их найти.

* * *

Несколько часов спустя Стив подталкивает меня в вестибюль шикарного небоскреба. Дина уже внутри, ждет лифт. За всю поездку она едва проронила пару слов. Она нервничает, что вновь окажется на месте преступления? Я краем глаза пытаюсь отыскать на ее лице, в ее поведении хоть какие-то признаки вины.

– Ты будешь жить в гостевой комнате, – тараторит Стив, когда мы втроем входим в кабину лифта. – Но мы, конечно же, сделаем там ремонт.

Я хмурюсь.

– Разе не там... – Я понижаю голос, хотя мы в замкнутом пространстве, и Дина будет все равно слышать каждое слово, – жила Брук до того, как погибла?

Стив тоже хмурится.

– Она там жила? – спрашивает он у Дины.

Она коротко кивает и натянутым голосом отвечает:

– Она продала свою квартиру, когда Каллум сделал ей предложение, и до свадьбы собиралась пожить в пентхаусе.

– О, ясно. Не знал. – Стив снова поворачивается ко мне. – Элла, так ты не против пожить в этой комнате? Как я уже сказал, мы все равно сделаем там ремонт.

– Да, ничего страшного.

Воображение может разыгаться, но она же умерла не здесь.

«Да, а вот прямо *здесь*», – думаю я, когда мы входим в роскошную гостиную. Мой взгляд тут же останавливается на каминной полке, и по спине пробегает холодок. Стив и Дина тоже смотрят туда.

Стив отворачивается первым. Сморщив нос, он говорит:

– Здесь воняет.

Я делаю глубокий вдох. Он прав. Воздух тут действительно *спертый*. В квартире пахнет странной смесью из нашатыря и старых носков.

– Может, откроешь окна? – предлагает Стив Дине. – А я включу отопление и разожгу камин.

Дина по-прежнему стоит, уставившись на камин. А потом, издав полный муки стон, убегает в коридор. Слышно, как открывается и

захлопывается дверь. Я смотрю ей вслед. Это чувство вины? Черт, но откуда я знаю, как оно выглядит? Если бы я убила кого-то, то тоже спряталась бы в своей комнате, нет?

Стив вздыхает.

– Элла, а ты можешь открыть окна?

Радуюсь, что мне есть чем заняться и на что отвлечься от места преступления, я киваю и быстро открываю окна. Но, когда прохожу мимо камина, по спине снова пробегает холодок. Боже, как же тут жутко. У меня такое чувство, что сегодняшней ночью я не сомкну глаз.

Стив заказывает еду на дом, и через пятнадцать минут нам ее привозят. Квартиру наполняет пряный аромат. И мне бы он даже понравился, если бы от ощущения смутной тревоги у меня не бурлило в животе. Дина так и остается в своей комнате, отказываясь отвечать на приглашения Стива к ужину.

– Нам нужно поговорить о Дине, – говорит Стив, нависая над тарелкой дымящейся лапши. – Тебе, наверное, любопытно, почему я до сих пор с ней не развёлся.

– Это не мое дело.

Я гоняю по тарелке зеленый перец, наблюдая, как он оставляет следы в соевом соусе. Их брак интересует меня меньше всего. Пока что все мои мысли заняты предстоящим тюремным заключением Рида.

– Я как раз улаживаю все детали, – признается Стив. – Надо все привести в порядок, прежде чем начинать оформление документов.

– Серьезно, это не мое дело, – настойчивее повторяю я.

Мне плевать, что Стив планирует делать с Диной.

– Ты точно не против жить здесь? Ты выглядишь...

– Напуганной? – подсказываю я.

Он улыбается.

– Да, это слово отлично подходит.

– Уверена, что переживу, – отвечаю я.

– Может, нам стоит поискать другое жилье? Тебе и мне.

Через год я уеду в колледж, но отвечаю «конечно», потому что не хочу его расстраивать. Я сейчас со своими-то эмоциями справиться не могу, что уж говорить про чужие.

– Я тут подумал, ты могла бы взять год перерыва и не поступать в колледж сразу после окончания школы. Или мы могли бы нанять тебе репетитора и отправиться за границу.

– Что? – удивленно спрашиваю я.

– Ну да, – с нарастающим воодушевлением отвечает Стив. – Мне

нравится путешествовать, а раз мы с Диной разведемся, то будет здорово, если мы с тобой вдвоем отправимся куда-нибудь.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

Стив слегка краснеет.

– Ну, хотя бы подумай об этом.

Я засовываю в рот вилку, чтобы не ляпнуть ничего обидного или, еще хуже, не ткнуть вилкой в него. Что, вообще, за нелепая идея? Я уеду из Северной Каролины только вместе с Ридом.

Полужинав, я, извинившись, собираюсь уходить. Стив из столовой показывает мне, какая из дверей в коридоре ведет в гостевую комнату. Внутри достаточно мило: все в кремовых и золотистых тонах. Дизайн и обстановка немногим отличаются от номера в отеле, из которого мы только что съехали. Но зато у меня есть собственная ванная комната.

Единственный минус – в этой кровати когда-то спала ныне покойная женщина.

Отогнав от себя эту мысль, я достаю из чемодана школьную форму, несколько футболок и джинсы. Обувь и куртка отправляются в стенной шкаф. Рядом с кроватью, за тумбочкой, обнаруживается розетка. Поставив телефон заряжаться, я ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Завтра я собираюсь поискать фотографии для Гидеона. Но сомневаюсь, что они в этой комнате. Дина не стала бы хранить материал для шантажа вдали от своих глаз.

Но... а если бы Брук спала на них, были бы они в меньшей безопасности?

Я соскакиваю с кровати и заглядываю под каркас. Паркетный пол сияет чистотой, все планки вроде бы на месте – иначе это было бы явным знаком того, что под ними что-то спрятано.

А если посмотреть под матрасом? Матрас мне удастся поднять только через несколько попыток, но под ним ничего – только пружинная сетка. Я с глухим стуком опускаю его на место.

Затем быстро проверяю тумбочку, где нахожу пульт от телевизора, четыре таблетки от кашля, бутылку лосьона и запасной набор батареек. В нижнем ящике комода мне попадаются дополнительные одеяла, в среднем – подушки, а в верхнем вообще пусто.

В стенном шкафу тоже ничего нет. Дина или копы забрали одежду Брук.

Я провожу рукой по стене и останавливаюсь, чтобы осмотреть безвкусную абстрактную картину, которая висит на противоположной от кровати стене, над консолью. Но сейфа за картиной нет. Раздосадованная, я

плюхаюсь на кровать. В этой комнате нет ничего, кроме обычных вещей. Если бы никто не сказал мне, что Брук жила здесь, я бы ни за что не догадалась.

Обыскав все, что только можно, я мыслями возвращаюсь к Риду. Большая комната вдруг кажется удушающей, как будто внутри повис густой туман.

Все будет в порядке, убеждаю я себя. Пять лет – это не срок. Я бы прождала и больше, только бы Рид вернулся. Но мы сможем писать друг другу письма или даже разговаривать по телефону. Я буду навещать его так часто, как он позволит. И еще я верю, что он может контролировать свой вспыльчивый характер, когда хочет. У него будет огромный стимул: хорошее поведение позволит ему выйти досрочно.

В каждой темной туче всегда есть просвет. Так всегда говорила мама. Правда, чаще всего, когда мы собирались переезжать на новое место. Но я верила в это. И даже когда она умерла, я знала, что выживу. И выжила.

Рид не умирает, хоть я и чувствую, что снова теряю близкого человека. Он просто... уезжает в продолжительный отпуск. Или как будто переезжает учиться в Калифорнию, а я остаюсь здесь. И у нас что-то типа отношений на расстоянии: все эти телефонные звонки, сообщения, электронные письма, обычные. Ведь это почти то же самое, правда?

Почувствовав себя немного лучше, я встаю и иду за телефоном. Вот только чемодан с дороги я убрать забыла и запинаюсь о него. Взвизгнув, я падаю на консоль. Лампа, что стоит сверху, покачивается. Я тянусь к ней, чтобы подхватить, но чертова штука слишком далеко и падает на пол.

– У тебя там все в порядке? – обеспокоенно спрашивает из коридора Стив.

– Да.

Я смотрю на то, что осталось от лампы.

– Вообще-то, нет. – Вздохнув, я подхожу к двери и открываю ее. – Я запнулась о чемодан и разбила твою лампу.

– Нашла из-за чего переживать. Мы же задумали ремонт, помнишь? – Он поднимает вверх палец. – Не двигайся, я принесу метлу.

– Ладно.

Я наклоняюсь и начинаю убирать большие осколки. Из-под одного из них выглядывает что-то белое. Озадаченно нахмурившись, я вытаскиваю кусок бумаги. Судя по тому, как поспешно он был сложен и как лежал под осколком, кто-то намеренно засунул его в основание из белого фарфора. Может, это инструкция к лампе? Ну да, наверное.

Моя рука уже занесена над мусорной корзиной, когда в глаза вдруг

бросается слово «Мария».

Сгорая от любопытства, я разворачиваю лист бумаги и начинаю читать.

Потом ахаю.

– Что это у тебя там?

Я резко поворачиваюсь к двери, где с метлой в руках стоит Стив. Мне хочется соврать ему и сказать «ничего», но я утратила дар речи. Лист бумаги я спрятать тоже не могу, потому что все мое тело оцепенело.

Забеспокоившись, Стив прислоняет метлу к дверному косяку и шагает ко мне.

– Элла, – приказывает он. – Скажи хоть что-нибудь.

Я смотрю на него большими, испуганными глазами. А потом протягиваю лист бумаги и шепчу:

– Что это, черт побери?

Глава 34

Элла

Бумага хрустит в моих дрожащих пальцах. От этих нескольких прочитанных абзацев у меня кружится голова – а ведь я даже не дочитала до конца. В мгновение ока Стив выхватывает у меня письмо и пробегает глазами первые строчки, кровь отливает от его лица.

– Где ты это взяла? – сдавленно спрашивает он.

От шока и ужаса у меня во рту пересохло так сильно, что даже больно говорить.

– Оно было спрятано в лампе. – Я продолжаю ошарашенно смотреть на него. – Почему ты спрятал его? Почему не уничтожил?

Наверное, Стив такой же бледный, как и я.

– Я... я не прятал его. Оно было в сейфе. Оно... – Вдруг он начинает ругаться. – Чертова пронырливая стерва!

Мои руки по-прежнему дрожат.

– Кто?

– Моя жена. – Он снова грубо ругается, его глаза темнеют от горечи. – Наверное, после моей «смерти» адвокаты отдали Дине коды к сейфу.

Он непроизвольно мнет в руке лист бумаги.

– Должно быть, она увидела его и... Нет, это была Брук. – Он, явно потрясенный, оглядывает комнату. – Она жила здесь. И она спрятала это письмо. Наверное, выкрала его у Дины.

– Да плевать мне, кто спрятал это письмо! – кричу я. – Я хочу знать, правда это или нет!

У меня сбивается дыхание.

– Это правда?

– Нет, – отвечает Стив и после короткой паузы передумывает: – Да.

Я начинаю истерически смеяться.

– Так все-таки «да» или «нет»?

– Да. – Его кадык дергается. – Это правда.

Меня охватывают отвращение и гнев. Боже мой! Я поверить не могу в то, что слышу. Это письмо меняет все, что я знала о Стиве, Каллуме, всей семье Ройал. Если это правда, то Дина имеет полное право ополчиться на Марию, даже ненавидеть ее.

– Позволь я прочту до конца, – требую я.

Стив делает шаг назад, но я успеваю выхватить письмо у него из руки. Уголок отрывается и остается в его обессиленных пальцах.

– Элла, – слабым голосом начинает он.

Но я уже слишком увлеклась чтением.

Дорогой Стив!

Больше не могу жить со всей этой ложью. Она разрывает меня на части. Каждый взгляд Каллума камнем опускается на мое сердце. Не такой жизнью я мечтала жить и больше не могу продолжать это существование.

Мои сыновья – свет моей жизни, но даже им не под силу разогнать тьму, что поселилась в моей душе. Она всегда будет запятнана тем, что мы с тобой сделали. Я не знаю, как мне быть.

Если я признаюсь во всем, наши семьи будут разрушены. Каллум уйдет от меня, а вашей дружбе придет конец.

Если я буду продолжать молчать, то не смогу жить. Клянусь тебе. Я так больше не могу.

Зачем ты соблазнил меня? Ты знал мои слабости! Знал и воспользовался ими.

Я больше не верю в то, что Каллум изменял мне, а даже если и изменял, то я должна была научиться жить с этим. Стив, мы больше не можем продолжать скрывать правду от Каллума.

Я должна рассказать ему. Мне придется. Иначе я не смогу примириться сама с собой.

Я не могу жить без Каллума, но и не знаю, как смогу жить без тебя. То, что ты делаешь со мной, что пробуждаешь во мне, – я никогда не думала, что такое возможно. Каждую ночь, закрывая глаза, я вижу твое лицо, чувствую твои прикосновения.

Когда рядом с тобой другая женщина, я сгораю от ярости. Зачем ты женился на ней? Она недостойна тебя. Мне омерзительно то, что после меня ты идешь к ней. Ты просил меня уйти от Каллума. Но тебе я тоже не доверяю, Стив. Я не верю тебе. Я больше никому не верю.

У меня нет выбора. У меня отняли право его сделать. Не пытайся остановить меня.

Мария

Закончив читать, я позволяю письму упасть на ковер рядом с моими ногами. Это какое-то... безумие. Как мог Стив так поступить с Каллумом?

А Мария?

– Я должна рассказать Риду.

Стив бросается вперед и перехватывает меня, прежде чем я успеваю схватить с тумбочки телефон.

– Нет, – умоляет он, – ты не должна ничего ему рассказывать. Это уничтожит их. Они боготворят свою мать.

– Как, видимо, и ты когда-то, – с горечью произношу я. – Как ты мог так *поступить*? Как ты мог?!

– Элла...

Внутри меня смешались и страх, и надежда, и отчаяние. Из комнаты как будто высосали весь воздух, и стало трудно дышать и думать.

– Ты спал с женой Каллума, – продолжаю я обвинять Стива.

Он на мгновение стискивает челюсти, а потом с вдруг осунувшимся лицом коротко кивает. Ему даже не хватает мужества сказать это вслух.

– Почему?

– Я всегда любил ее, – признается он охрипшим голосом. – И она любила меня, по-своему.

– Судя по письму, этого не скажешь.

– Она любила меня, – настаивает Стив. – Мы увидели ее в одну и ту же минуту, но Каллум подошел к ней первый.

Я смотрю на него, открыв рот. Боже мой, он похож на маленького мальчика, у которого отобрали игрушку.

– Значит, пока Каллум из шкуры лез вон, спасая вашу компанию, ты рассказывал Марии, что он изменял ей? – Мои мысли все еще путаются, одна насккивает на другую, но, по-моему, я уже начинаю понимать, что к чему. – Так ты затащил ее к себе в постель?

Его глаза смотрят куда-то поверх моего плеча.

– Каллум действительно изменял ей? – продолжаю допытываться я. – Это было правдой?

Стив не может посмотреть мне в глаза, и я понимаю, что нет. Те хрупкие отношения, которые мы с ним строили, разбились на части. Я не смогу больше уважать его. Уже сейчас он мне противен. Стив переспал с женой своего лучшего друга. Хуже того, он говорил Марии, что ее муж изменял ей. И она убила себя! Выходит, что Стив О'Халлоран довел эту бедную, запутавшуюся женщину до самоубийства!

Мне кажется, что меня вот-вот вырвет.

Наклонившись, я поднимаю письмо и крепко сжимаю его в руке.

– Мы отдадим это Каллуму. Он думает, что его жена покончила с собой из-за него. А мальчишки – каждый из них винит себя! Ты должен

рассказать им всем правду.

Глаза Стива злобно вспыхивают.

– Нет! – рявкает он. – Это останется между нами. Я же сказал тебе, правда уничтожит мальчиков!

– А ты не думал, что они уже морально уничтожены, потому что их мать убила себя? Единственный человек, которого это письмо точно уничтожит, – это ты. И, если честно, Стив, мне на это плевать. Ройалы должны узнать правду!

Сказав это, я хватаю телефон и, проскочив мимо него, вылетаю из комнаты.

– Куда это ты, мать твою, собралась?

От его свирепого голоса меня пронзает страх. Я перехожу на бег и оказываюсь в гостиной, но меня вдруг дергают назад. Я падаю на задницу и приземляюсь на ковер, в какой-то паре сантиметров от камина, где умерла Брук...

И вдруг мне в голову приходит совершенно дикая и кошмарная мысль.

– Это был ты? – спрашиваю я.

Стив не отвечает. Он нависает надо мной, тяжело дыша, на его лице отражается безнадежность.

– Это ты убил Брук? – Сейчас мой голос звучит слабо и дрожит от страха.

– Нет, – рычит он. – Это не я.

Но я вижу: в его глазах мелькает чувство вины.

– О господи, – шепчу я. – Это ты. Ты убил ее, а потом свалил все на Рида. Ты убил ее...

– Это был несчастный случай! – орет Стив.

Я вздрагиваю от его оглушающего голоса. Потом, пошатываясь, встаю на ноги и стараюсь отойти как можно дальше от него. Но Стив шагает вперед, и мне приходится отступать назад, до тех пор пока моя спина не прижимается к камину.

– Это был чертов несчастный случай, ясно?

Дикий взгляд сузившихся, покрасневших глаз отца меня пугает.

– К-как? – запинаюсь я. – Зачем?

– Я только что слез с проклятого самолета, проведя полгода на забытом богом острове! – Он перешел на крик. – А когда пришёл домой, то увидел, как из пентхауса выходил чертов Рид! И что, черт подери, я должен был подумать? Я уже знал, что моя женушка трахается с самым старшим сыном Каллума. – Его дыхание стало частым. – А теперь еще и Рид? Думаешь, я собирался и дальше мириться со всей этой ложью? Особенно

после всего того, что мне пришлось пережить?

– Рид даже не прикасался к Дине, – хрипло отвечаю я.

– Но я же этого не знал! – Стив задыхается от охватившей его паники. – Я поднялся в пентхаус на служебном лифте и собирался выяснить правду у этой дряни, своей неверной жены! Жены, которая пыталась убить *меня*.

От него исходит такая ярость, что в моей крови начинает пульсировать страх. Я стараюсь бочком покинуть комнату, но он снова шагает вперед. Теперь я заперта в ловушке между трясущимся от злости Стивом и твердой облицовкой камина.

– Когда я вошел, она стояла прямо здесь – смотрела на нашу чертову фотографию!

Он хватает с каминной полки фотографию в рамке и швыряет ее о стену над моей головой. Стекло разлетается в осколки, падают прямо на нас, и несколько их застревает у меня в волосах.

Мое сердце колотится так быстро, что я начинаю опасаться, выдержит ли оно. Мне придется как-то выбираться отсюда. Мне *нужно* выбираться. Стив признается в *убийстве*. Он рассказывает всю правду прямо мне в лицо.

Но мне нельзя здесь оставаться: скоро он совершенно выйдет из себя.

– И я разозлился, как любой другой нормальный, живой человек. Как твой драгоценный Рид. Я схватил ее за волосы и ударил лбом о каминную полку. Я в жизни не поднимал руку на женщину, но, черт побери, Элла, эта заслуживала хорошей порки. Она должна была заплатить за все, что сделала со мной.

– Но это была не Дина, – шепчу я.

На охваченном гневом лице Стива проступает стыдливое выражение.

– Я этого не знал. Я думал, это она. Черт, со спины они так похожи. Они... – Кажется, что ему трудно дышать. – Я увидел ее лицо, только когда она повалилась вперед, но было уже поздно. Я не смог поймать ее. И она ударилась головой о каминную полку. – Ужаснувшись содеянному, Стив начинает задыхаться. – Сломала свой проклятый позвоночник!

– Я... – Я громко сглатываю. – Ладно. Раз это был несчастный случай, ты должен рассказать полиции, что именно прои...

– Никакой полиции! – орет он и поднимает руку, как будто собирается ударить меня.

Я уже мысленно готовлюсь к удару, когда большая рука Стива падает вдоль его тела.

– Не смотри так на меня, – требует он. – Я никогда не обижу тебя! Ты

же моя дочь.

А Дина – его жена, и это не помешало ему захотеть ударить *ее*. Пульс снова учащается. Я больше не могу оставаться здесь. *Не могу*.

– Тебе придется рассказать правду, – умоляю я своего отца. – Если ты этого не сделаешь, то Рид сядет в тюрьму.

– Думаешь, я этого не понимаю? Я неделями ломал себе голову, пытаюсь придумать, как помочь ему. Я, конечно, не хочу, чтобы он спал с моей дочерью, но и видеть, как он попадет за решетку, мне тоже не хочется.

«Тогда почему ты не спас его?» – хочется закричать мне. Но я уже знаю ответ. Что бы он сейчас ни говорил, Стив совершенно точно не собирался мешать Риду взять на себя вину за гибель Брук. Потому что Стив О’Халлоран заботится только о себе. Его всегда волновала только собственная персона.

– Ты и я, – вдруг говорит он, и его глаза оживают. – Мы вместе что-нибудь придумаем. Пожалуйста, Элла, давай сядем, поговорим и найдем способ спасти Рида. Может, мы даже сможем свалить все на Дину...

– *Черта с два ты сможешь!*

Стив разворачивается на голос Дины. А я еще никогда не была так рада видеть эту блондинку. Стив отвлекся, и я пользуюсь этим, чтобы отбежать от камина. Я бросаюсь к Дине с такой скоростью, как будто от этого зависит моя жизнь. Хотя, может быть, так оно и есть.

– Ты убил Брук? – Дина словно выплевывает каждое слово, ее полный ужаса взгляд прикован к мужу.

Рука дрожит. Я вижу блеск черного металла, и до меня доходит, что именно она держит.

Маленький черный револьвер.

– Опустит пушку, – с раздражением говорит ей Стив.

– Ты убил Брук, – повторяет она, но в этот раз это не вопрос.

Я прижимаюсь к Дине, и она удивляет меня, когда мягким голосом говорит:

– Встань за меня, Элла.

– Опустит пушку! – снова приказывает Стив.

Он бросается было вперед, но Дина взмахивает револьвером.

– Даже не думай приближаться.

Стив останавливается как вкопанный.

– Опустит пушку, – в третий раз повторяет он, и его голос звучит почти нежно, размеренно.

– Элла, позвони девять-один-один, – говорит мне Дина, не отрывая глаз от Стива.

Но я слишком напугана, чтобы двигаться. Я боюсь, что она случайно уронит оружие и я окажусь на линии огня.

– Ради бога, Дина! Вы обе ведете себя просто смешно! Смерть Брук была несчастным случаем! А даже если бы и нет, кому, черт побери, есть дело?! Она была ядом, мусором!

Он снова бросается в нашу сторону.

И Дина жмет на курок.

Все происходит так быстро, что я едва успеваю понять. Секунду назад Стив стоял перед нами, а сейчас он лежит на полу, стонет и сжимает свою левую руку.

В ушах звенит, как будто я оказалась среди аттракционов в парке развлечений. В реальной жизни мне ни разу не доводилось слышать звук выстрела, и он оказывается таким оглушительным, что я боюсь, как бы у меня не лопнули перепонки. Меня тошнит, сильно, как будто вот-вот вырвет прямо на ноги. И мое сердце еще никогда не билось так быстро.

– Ты подстрелила меня, дрянь, – пронзая взглядом Дину, ворчит Стив.

Не обращая на него внимания, Дина как ни в чем не бывало поворачивается ко мне и повторяет:

– Элла, позвони девять-один-один.

Глава 35

Рид

– Что случилось? – Это мои первые слова, когда я отвечаю на телефонный звонок.

– Тебе нужно приехать в пентхаус! – сильно задыхаясь, говорит Элла. – Прямо сейчас. И возьми с собой Каллума. Возьми всех. Но особенно Каллума.

– Элла...

Но связь уже оборвалась.

Проклятье! Она повесила трубку. Но я не теряю ни секунды. Она позвонила и сказала, чтобы я приехал, чтобы мы все приехали.

Я в то же мгновение соскакиваю с кровати и выбегаю из комнаты. Колотя кулаком в дверь Истона, потом Себастиана, я кричу папе, который внизу:

– Пап! У Эллы что-то случилось. – Я нажимаю кнопку набора последнего номера, но она не берет трубку.

– Что происходит? – Истон вываливается из своей комнаты, когда я как раз пробегаю мимо.

– Элла звонила. Что-то случилось.

Перепрыгивая сразу через пять ступенек, я слетаю вниз. На обоих этажах хлопают двери, слышны звуки быстрых шагов.

Папа уже ждет меня внизу.

– Что такое? – с беспокойством спрашивает он.

– Элла в беде. Мы нужны ей.

– Мы? – Он выглядит растерянным.

Я трясусь перед ним телефоном.

– Она только что звонила. Сказала, что мы все должны приехать к ней прямо сейчас.

Папины глаза расширяются, и он тоже начинает суетиться.

– Возьмем мою машину. Поехали.

Мы выбегаем на улицу и залезаем в папин «мерседес». Я сажусь на место рядом с водителем, а Истон и близнецы втискиваются на заднее сиденье. Папа выжимает педаль газа, на полной скорости несется по подъездной дороге и вылетает через ворота, даже не дождавшись, чтобы

они полностью открылись. Я же тем временем снова и снова пытаюсь дозвониться до Эллы.

После пятой попытки она наконец отвечает.

– Я не могу говорить, Рид. Здесь полиция. Вы где?

Я напрягаюсь.

– Полиция?

– Кто это? – строго спрашивает папа.

– Это Элла, – говорю я ему, а потом спрашиваю у Эллы: – Что там делает полиция?

Ее голос звучит неестественно.

– Я объясню все, когда вы приедете.

И она опять кладет трубку.

– Проклятье! – Я бью телефоном по ноге. Меня уже начинает раздражать, что она постоянно вешает трубку.

Ист наклоняется вперед, просунув голову между двумя передними сиденьями.

– Что она сказала?

Отец проезжает на красный свет, на скорости не меньше восьмидесяти километров в час резко поворачивает направо и продолжает нестись как сумасшедший по следующей улице. Я прижимаюсь к двери и смотрю на часы. Мы минутах в десяти от города. Я быстро набираю сообщение Элле.

«Будем через десять минут».

– Что она сказала? – повторяет Ист в мое ухо.

Я бросаю телефон на центральную консоль и поворачиваюсь к братьям. Побледневшие близнецы сидят тихо, а вот Ист сам не свой.

– Она сказала, что мы должны приехать в пентхаус – все мы... – Я умолкаю и поворачиваюсь к отцу. – И подчеркнула, что обязательно должен приехать папа.

– Интересно, зачем я ей понадобился? – не отрывая глаз от дороги, спрашивает он.

На очередном крутом повороте нас бросает влево.

– Понятия не имею.

– Стив, – подает голос Ист. – Наверное, это как-то связано с ним.

Папа стискивает челюсти.

– Позвони Гриеру. Скажи, чтобы тоже ехал в пентхаус.

Неплохая идея. Я набираю номер адвоката, который, в отличие от Эллы, сразу же отвечает на звонок.

– Рид, чем могу быть полезен?

– Вам нужно подъехать в пентхаус Стива, – передаю я ему приказ отца. После секунды молчания он спрашивает:

– Боже, что ты опять натворил?

Я убираю телефон от уха и ошарашенно смотрю на него.

– Чертов мужик думает, что я опять что-то сделал.

Папа издает какой-то гортанный звук.

– Ты собираешься признаться в убийстве по неосторожности. Конечно, он думает, что ты опять что-то сделал.

Я хмурюсь, но снова подношу телефон к уху.

– Это Элла. Что-то случилось, и папа думает, что вам тоже следует приехать.

Но тут я вешаю трубку, потому что мы уже подъехали к многоквартирному дому, вокруг которого стоят полицейские машины.

Папа изумленно смотрит на них.

– Что за черт?

У меня сердце уходит в пятки, и я выскакиваю из машины, прежде чем папа успевает затормозить.

– Рид, вернись! – кричит он. – Черт, погоди хоть секунду!

Хлопки дверей говорят о том, что мои братья уже бегут за мной. Я пролетаю мимо людей в вестибюле и несусь прямо к лифту.словно по волшебству металлические двери открываются, и мне приходится отступить назад.

Еле дождавшись, когда из кабины выйдут двое полицейских, я вваливаюсь внутрь. Мои братья успевают заскочить в лифт, когда двери уже начинают закрываться.

– С ней все в порядке, – немного задыхаясь, пытается успокоить меня Ист.

– Думаешь? – Я пристально смотрю на него. – Сейчас половина одиннадцатого. На улице около дюжины полицейских машин. Элла позвонила в панике и сказала, что мы все должны приехать.

– Но она же сама позвонила, – напоминает брат.

Наверное, мир перевернулся, потому что Ист излучает спокойствие, в то время как мое сердце колотится так быстро, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Я провожу рукой по волосам и смотрю на огоньки в кабине, умоляя лифт двигаться быстрее.

– Как думаете, что случилось? – подавленным голосом спрашивает Сойер.

– Может, это Дина, – высказывает предположение его близнец.

Я бью кулаком по двери. Именно этого я и боюсь.

– Сделаешь так еще раз – и мы застрянем здесь, – предупреждает Ист.

– Ты прав. Но тогда мне придется ударить тебя.

– И Элла на тебя разозлится: ей нравится мое красивое личико. – Он похлопывает себя по щеке.

Близнецы сдавленно хихикают. Я сжимаю кулаки и думаю, что неплохо бы вмазать всем троим. Но, к их счастью, лифт, заскрежетавав, останавливается, и я выскакиваю из кабины.

В небольшом коридоре, который ведет к двойным входным дверям пентхауса, стоят двое полицейских. Один из них, высокий и тощий, кладет руку на дверь, а второй – женщина – тянется к пистолету.

– Куда это вы собрались? – спрашивают они нас.

– Мы здесь живем, – вру я.

Офицеры переглядываются. Я чувствую, как за спиной напряглись братья. Мне плевать, если нужно, я силой пробьюсь мимо этих двух копов. Меня и так уже скоро посадят. Я делаю шаг вперед, и в эту же секунду из дверей показывается знакомое лицо.

Детектив Шмидт обводит нас взглядом, потом распахивает дверь.

– Все нормально. Они могут войти.

Мне не хочется испытывать удачу, которая вдруг повернулась ко мне лицом. Я торопливо вхожу внутрь, пробегаю мимо огромных портретов Дины и несусь в гостиную, не переставая выкрикивать имя моей девочки.

– Элла!

Наконец я нахожу ее. Она сидит на софе, повернутой к дверям террасы, и прижимается – кто бы мог подумать! – к Дине.

Я подбегаю к ней и поднимаю ее с дивана.

– Ты в порядке?

– Со мной все хорошо, – уверяет она меня. – Где Каллум?

И с чего она так заикнулась на папе? Я провожу ладонями вверх-вниз по ее рукам и оглядываю с головы до ног. Похоже, с ней действительно все в порядке. Кроме того что она бледная и холодная. Ее волосы спутались и торчат в разные стороны, но в остальном с ней все хорошо.

Я притягиваю ее к своей груди, прижимая лицом к бешено колотящемуся сердцу.

– Детка, ты точно в порядке?

– Да, точно.

Она обнимает меня в ответ.

Я смотрю поверх ее головы на Дину. На ее обычно идеальном лице видны следы от слез. Глаза красные, волосы тоже в беспорядке.

– Какого черта, – говорит Ист, и, судя по его голосу, он так же растерян, как и я. – Ты... кто-то из вас подстрелили Стива?

Я разворачиваюсь и понимаю, что пробежал мимо Стива. Он сидит у камина, привалившись спиной к камням.

На нем наручники.

Эллу передергивает.

– Что, черт побери, здесь происходит? – грохочет папин голос.

Печаль на лице Дины тут же исчезает, в глазах появляется расчетливый блеск. Она откидывается на низкую спинку дивана и вытягивает поверх нее руку.

– Стив пытался заставить Эллу замолчать, когда она выяснила, что это он убил Брук. Я спасла ее. Можете поблагодарить меня потом.

Я слышу, что кто-то ругается, но смотрю на Эллу.

– Это правда?

Она медленно кивает.

– Все до последнего слова.

Дина сказала много важного, но единственное, что крутится у меня в голове, – это то, что Стив пытался убить Эллу. Мой усталый мозг уже не в силах все это переварить.

– Ты ранена? – снова спрашиваю я и осматриваю ее тело, чтобы убедиться, что у нее нет никаких повреждений.

– Я в полном порядке, клянусь. – Она сжимает мою руку. – А ты? Ты как?

У меня голова идет кругом, и поэтому я просто киваю в ответ как идиот. Но вдруг улавливаю, насколько серьезно звучит ее голос. Кусочки информации вертятся в беспорядке, но потом один за другим встают на свои места.

Слезы Дины.

Отчаянная просьба Эллы, чтобы я... чтобы все мы приехали.

Стив пытался убить Эллу.

И тут до меня доходит.

– Стив хотел повесить убийство Брук на меня?

Элла ежится, а я чувствую такую ярость, что глаза застилает красная пелена. Я прихожу в себя только на полпути к камину.

Где-то вдалеке кто-то выкрикивает мое имя, но все мое внимание сфокусировано на одном человеке. Он помогал мне учиться кататься на велосипеде, играл в футбол со мной и с моими братьями. Черт, именно он дал мне мой первый презерватив!

Рядом с ним сидит на коленях медик, измеряя давление, с другой

стороны стоит детектив Казинс.

Вдруг около меня появляется Элла и, положив на мою руку свою теплую ладонь, шепчет:

– Не надо.

И я каким-то чудом нахожу в себе силы не броситься на Стива. Мне хочется избить своего когда-то любимого крестного до кровавых соплей, но я закрываю глаза, и ко мне возвращается самообладание.

– Зачем? – только и могу выдавить я. – Зачем ты это сделал?

Братья встали стеной у меня за спиной. Папа тоже подходит и встает рядом. Стив смотрит на Себа и Сойера, потом задерживает взгляд на Истоне, затем на мне и наконец останавливается на отце.

– Это был несчастный случай, – хрипло отвечает он.

– Что именно? – спрашивает папа, в его голосе слышится боль. – То, что ты пытался убить собственную дочь? Или то, что хотел повесить убийство на моего сына? Как давно ты вернулся на самом деле? Ты тоже спал с Брук?

Стив качает головой.

– Все не так, старина. Она же была настоящей дрянью, настраивала вас с Ридом против друг друга.

Папина рука вдруг взлетает вверх, и о камни недалеко от головы Стива разбивается лампа. Мы все вздрагиваем.

– Мы никогда не стали бы врагами. Никакая женщина не смогла бы встать между нами.

– Брук смогла бы. Дина – тоже. – Он презрительно усмехается блондинке, которая сидит в десяти метрах от него. – Все эти женщины, с которыми мы были, Каллум, хотели уничтожить нас. Черт, даже твоя жена!

Элла издает слабый стон. Мы с папой смотрим на нее, но она старательно избегает встречаться с нами взглядом.

– Что такое? – резко спрашиваю я.

Элла глубоко вздыхает.

– Элла, – умоляет ее Стив. – Им необязательно знать.

Она снова вздыхает.

– Проклятье! – ругается Стив, а потом с бешенством смотрит на детектива Казинса. – Уведите уже меня отсюда. Рана поверхностная, медицинская помощь мне не нужна. Заприте меня в тюрьму. Черт, вы уже зачитали мне мои права!

И тут я начинаю понимать, чего так боится Стив. Того, что, видимо, узнала Элла.

– Это как-то связано с мамой, да? – охрипшим голосом спрашиваю я.

Только сам не знаю, кого именно: Эллу, Стива, папу или космос. Но стоит мне упомянуть маму, как лицо Стива бледнеет.

Элла сжимает мою руку, но по-прежнему отказывается смотреть мне в глаза.

– У Стива был роман с твоей мамой, – шепчет она.

В комнате повисает тишина. Даже детектив Казинс, кажется, ошарашен этой новостью, хотя он вообще не был знаком с моей матерью.

– Элла, – продолжает умолять ее Стив. – Прощу тебя...

Но она не обращает на него никакого внимания и смущенно поворачивается к папе.

– Мария написала ему письмо, где говорится, что она больше не может жить с чувством вины. Я нашла его в комнате, где жила Брук. Она попыталась спрятать его. – Ее печальные глаза смотрят сначала на меня, потом на моих братьев. – Это не ваша вина.

Элла ставит ударение на последнем слове.

Папа пятится назад и, чтобы не упасть, опирается на край стола.

Слова, которые только что произнесла Элла, никак не укладываются в моей голове. Это просто набор звуков. Они недоступны пониманию. Сойер и Себ словно приросли к выложенному плиткой полу. Я тоже в оцепенении и в ужасе от того, что только что узнал.

Только Истон не утратил способности двигаться.

– Ублюдок! Скотина! – кричит он и бросается на Стива.

Детектив Казинс встает между ними. Близнецы оттаскивают Истона. Папа выпрямляется и выходит вперед.

Каждая частичка меня хочет снова накинуться на Стива. Выбить из него все дерьмо за то, что он сделал со мной, с мамой, с моей семьей. Но худенькая рука Эллы перышком лежит на моем плече, удерживая меня на месте.

Как-то я пошутил, что она держит меня на поводке, – и это правда. Рядом с ней я становлюсь лучше: более собранным, более сто́ящим. К тому же после всего того, что ей пришлось сегодня пережить, я не хочу причинять Элле еще бо́льшую боль, избив ее отца.

– Как долго это продолжалось? – Полный ярости взгляд отца сосредоточен на его лучшем друге.

Стив дрожащей рукой вытирает рот.

– Она сама пришла ко мне.

– Как долго? – рычит папа.

Казинс вызывает по рации подмогу.

– Мне нужно подкрепление, срочно. У меня здесь пять Ройалов, и

каждый жаждет крови.

Стив смотрит прямо в глаза отцу.

– Только один раз. Она соблазнила меня.

Застонав, папа поворачивается к Элле.

– Как долго?

– Я не знаю. Вот письмо.

Она протягивает ему помятый лист бумаги с оторванным левым уголком.

Я сразу же узнаю его. У мамы был набор именной бумаги и конвертов. Она говорила, что каждая истинная леди напишет благодарственное письмо от руки, а не станет звонить по телефону. И уж тем более никогда не отправит сообщение или электронное письмо.

Папа выхватывает листок из рук Эллы и читает его. Затем аккуратно складывает его пополам (что явно дается ему с трудом) и отдает обратно Элле. Я толкаю ее локтем, и она кладет письмо в мою руку.

– Ты заслуживаешь гореть в аду, – шипит папа на Стива, его тело вибрирует от сдерживаемой ярости. – Я всегда поддерживал тебя, заступался за тебя, когда кто-то сомневался в твоей чести, в твоей преданности. – Он делает глубокий, тяжелый вдох. – Мне невыносимо даже смотреть на тебя.

Я бросаю быстрый взгляд на письмо, но даже от вида маминого почерка у меня начинает болеть сердце. Все это время я считал себя виноватым в смерти мамы. Истон тоже винил себя. Близнецы несколько месяцев были как зомби. Наша семья распадалась. Мы ненавидели отца, самих себя. Когда вдруг в нашем доме появилась Элла, мы стали ненавидеть и ее. Мы обращались с ней как с мусором.

Как-то ночью мы с Истоном даже высадили ее на обочине дороги, вынудив идти домой пешком. Конечно, мы следовали за ней на расстоянии, потому что не *конченные* подонки, но все равно заставили ее поверить, что она одна.

Я не знаю, не понимаю, как она смогла простить меня и полюбить.

Пока я думаю о своем, папа отталкивает Иста, обходит Казинса и с такой силой бьет Стива в челюсть, что звук удара эхом прокатывается из одного конца огромной гостиной в другой. Стив вытирает рот рукой, размазывая по лицу кровь.

– Достаточно. Он находится под стражей, – рявкает детектив Казинс.

Папа продолжает смотреть в глаза Стиву.

– Ублюдок! Ты спал с моей женой, убил женщину и пытался повесить это убийство на моего сына!

– Папа, – хрипло говорю я, – он этого не стоит.

Да, не стоит. Стив вообще больше ничего для нас не значит. Главное – что я жив, что все, кого я люблю, тоже живы, целы и невредимы. Я не сяду в тюрьму. Элла возвращается домой с нами, в семью, частью которой стала. Мы справимся со всем этим точно так же, как справились с самоубийством нашей матери, с развалом нашей семьи, с нашими собственными демонами.

Крепко держа Эллу за руку, я говорю:

– Пойдем.

– Куда? – спрашивает она.

– Домой.

Она на секунду затихает.

– Хорошо.

– Ага, – подходя к Элле с другой стороны, говорит Истон, – в твоей комнате такой бардак!

– Потому что ты все время смотришь там футбол, – ворчит она, следуя за нами. – Я хочу, чтобы ты убрался там, как только мы приедем.

Истон останавливается в дверях пентхауса и в изумлении смотрит на нее.

– Я же Истон Ройал. Черта с два я буду убираться!

Папа вздыхает. Близнецы фыркают. И даже у полицейских такой вид, как будто они изо всех сил стараются не рассмеяться.

Я еще крепче сжимаю руку Эллы в своей и выхожу из пентхауса. Мои братья догоняют нас. За нами – мучительное и ужасное прошлое. Перед нами – чистое, как белый лист бумаги, будущее.

Я больше не собираюсь оглядываться назад.

Глава 36

Рид

Хальстону Гриеру требуется целых сорок восемь часов, чтобы добиться для меня очередного слушания. В этот раз меня даже не раздражает, что судьей снова назначен Делакорт. В этом даже есть какая-то фантастическая ирония: ему придется вынести официальное решение по снятию с меня всех обвинений, хотя до этого он пытался подкупить моего отца.

– Учитывая ваше с этим судьей прошлое, я советую тебе во время процесса вести себя скромно и серьезно, – говорит Гриер, пока мы ждем, когда Делакорт выйдет из своего кабинета.

Слушание должно было начаться пятнадцать минут назад, но судья все сидит у себя, пытаясь оттянуть неизбежное.

В предостережениях Гриера нет необходимости. После звонка Эллы в субботу вечером я нечасто улыбаюсь.

– Всем встать, дело слушает почетный судья Делакорт.

– Почетный, ну как же! – громким шепотом говорит Ист, сидящий позади меня.

Гриер смотрит прямо перед собой, но его помощница, Соня Кларк, поворачивается и сердито смотрит на моего брата.

Краем глаза я вижу, как Истон показывает, что застегивает губы на молнию. Элла сидит рядом с ним, но придвинулась ближе к Дине. Та ночь, когда Стив признался в том, что убил Брук, связала их друг с другом, и, думаю, в большей степени потому, что Стив по ошибке принял Брук за Дину.

Я по-прежнему считаю Дину змеей, но чертовски благодарен ей. Да, она шантажировала моего брата, но зато спасла жизнь Элле. Если бы она не достала из сейфа револьвер и не пришла на помощь Элле, вся эта история могла закончиться совершенно по-другому. Но благодаря Дине Элла жива, а Стив О'Халлоран окажется за решеткой по обвинению в преступлении, которое, как все думали, совершил я.

Стоит мне подумать об этом, как я хочу кого-нибудь ударить. Этот ублюдок действительно мог позволить мне гнить в тюрьме за то, чего я не делал. Знаю, Стив – отец Эллы, но я никогда не смогу простить его за все

это. И, думаю, Элла – тоже.

Гриер тянет меня за пиджак, чтобы я встал. Я встаю, как приказано, и жду, когда пристав разрешит всем сесть.

В черной мантии и сером парике судья Делаkort только выглядит почтенным, но все мы знаем, что он лишь очередная мразь, которая откупалась от преступлений, совершенных его сыном, подонком и насильником.

Делаkort занимает свое место и начинает листать документы, поданные юристами. И все это время весь зал суда стоит на ногах. Ну и говнюк!

Через десять долгих минут пристав откашливается. Он даже покраснел от смущения. Но он же невиноват, что его босс – настоящая скотина. Нам лишь остается пожалеть беднягу.

Кашель привлекает внимание Делаkорта. Он поднимает голову, оглядывает нас, а затем кивает.

– Вы можете сесть. Желает ли сторона обвинения выступить с ходатайством?

С громким шорохом все садятся на свои места. Окружной прокурор остается стоять. Наверное, это непросто: признать, что они ошиблись и чуть не отправили в тюрьму невинного парня.

– Да, желает.

– И в чем дело? – Делаkort даже не пытается скрыть свое нетерпение. Ему не нравится быть здесь, хотя это его работа.

Окружной прокурор стоически продолжает:

– Окружной прокурор просит снять все обвинения.

– На каких основаниях?

Все это изложено в документах перед Делаkортом. Но лишь потому, что судья ненавидит свою жизнь, он делает все, чтобы окружающие были в равной степени несчастны.

– На основании новых доказательств, которые указывают на то, что обвинение было предъявлено ошибочно. Мы арестовали еще одного подозреваемого.

– И новыми доказательствами служат показания подруги прежнего обвиняемого и отдельно проживающей супруги нового обвиняемого?

– Да.

Делаkort что-то ворчит.

– И сторона обвинения считает эти показания достоверными?

Он явно не хочет позволить мне соскочить с крючка.

Я бросаю встревоженный взгляд на Гриера, но тот едва заметно качает

головой. Ну ладно, раз Гриер спокоен, я тоже не буду зря нервничать.

– Считает. У нас есть аудиозапись, на которой зафиксировано, как мистер О’Халлоран сознается в преступлении. Заявления жертв подтверждаются первичными вещественными доказательствами, найденными на месте преступления, а также заявлениями, выслушанными после инцидента детективом Казинсом, детективом Шмидт и офицером Томасом, где мистер О’Халлоран признается, что ошибочно принял погибшую за свою жену.

– И вы абсолютно уверены, что в этот раз задержали истинного виновника? На последнем заседании по этому делу вы клялись, что лицом, совершившим это насильственное преступление, является мистер Ройал. Более того, было даже назначено слушание с вынесением судебного решения, потому как он собирался признать себя виновным. Так когда вы ошиблись, тогда или сейчас? – с сарказмом говорит Делапорт.

Юрист вспыхивает.

– Мы ошиблись в прошлый раз, – несмотря на столь неловкое положение, голос его звучит твердо.

Это очевидно, что судья Делапорт не хочет выносить решение в мою пользу. Он хочет, чтобы я гнил в тюрьме. Но, к несчастью для него, сегодня он будет ложиться спать, ощущая во рту горечь поражения.

Делапорт поднимает свой молоток.

– Ходатайство удовлетворено, – рявкает он. – Вы что-то еще хотели, прокурор?

– Да, еще кое-что. – Окружной прокурор поворачивается к своему помощнику и что-то шепчет ему.

Гриер начинает собирать свои бумаги.

– Мы закончили? – спрашиваю я.

Адвокат кивает.

– Да. Мои поздравления. Теперь ты официально свободен от всего этого.

Впервые с тех пор, как вошел в зал суда, я вздыхаю полной грудью.

– Спасибо.

Я пожимаю руку Гриеру, хотя тот человек, кого я действительно должен благодарить, сидит позади меня. Гриер же считал, что мне следует договориться с обвинением, несмотря на мою невиновность.

Ист наклоняется над небольшим ограждением, но его пятерня так и висит в воздухе, когда прокурор произносит:

– Мы хотим предъявить обвинения Стивену Джорджу О’Халлорану.

Я вздыхаю, когда из смежной комнаты в сопровождении охраны

выходит Стив. Он входит в зал суда и идет к столу защиты, бесстрастно глядя перед собой и ни разу не посмотрев ни на меня, ни на свою дочь.

– Зачитайте их, прокурор, – скучающим голосом произносит судья Делапорт, словно это какое-то обычное явление. Может, для него так и есть, но точно не для нас.

Не для Эллы.

Обернувшись через плечо, я вижу на ее лице смесь ужаса и невообразимой грусти. Поэтому я шепчу Исту:

– Уведи ее отсюда.

Брат кивает, явно согласный с тем, что Элле не стоит выслушивать все эти обвинения, которые выдвигают против ее отца.

– Элла, пойдем. Мы закончили, – тихо говорит он.

Но Элла отказывается уходить. Она берет Дину за руку. А Дина, эта охотница за богатыми мужиками и шантажистка, в ответ сжимает ее руку. Прижавшись друг к другу, они слушают, как окружной прокурор зачитывает обвинения.

– Стивен Джордж О’Халлоран, далее именуемый обвиняемым, действуя против народа города Бэйвью и штата Северная Каролина, преднамеренно совершил убийство второй степени, в результате которого погибла Брук Анна Дэвидсон.

– Обвиняемый, подойдите к суду.

Я отодвигаюсь в сторону и ошеломленно наблюдаю, как Гриер вытаскивает очередную папку. Вот это да! Он не собирался уходить. Адвокат убрал документы по моему делу и сейчас готовился защищать Стива.

Стив, подходя к скамье, застегивает пиджак. Он выглядит уверенным и собранным, но по-прежнему избегает смотреть мне в глаза.

– Вы признаете себя виновным? – спрашивает Делапорт.

– Не признаю, – громким, четким голосом отвечает Стив.

Я сжимаю кулаки. Тоже мне, нашелся невинный! Мне хочется прикончить его прямо здесь, вбивать его лицо в деревянный стол до тех пор, пока оно не превратится в кровавое, неузнаваемое месиво. Я хочу...

Чья-то рука сжимается вокруг моего запястья. Я поднимаю глаза, вижу прекрасное, хоть и несчастное лицо Эллы и понимаю, что был на грани. Закрыв глаза, я прислоняюсь лбом к ее лбу.

– Готова поехать домой?

– Да.

Я беру ее за руку, и мы выходим из зала суда, оставляя Стива позади. Моя семья следует за нами. На улице к нам сразу подбегает несколько

репортеров, но мы, Ройалы, – парни большие и умеем вселять страх. Окружив Элла в кольцо и отогнав стервятников, мы покидаем здание суда.

Папа уже ждет нас рядом со своим «мерседесом».

– Элла, ты едешь домой с нами.

– Насовсем? – настороженно спрашивает она.

Он улыбается.

– Насовсем. – Пока мы разговариваем, Гриер заполняет все необходимые бумаги. – Но папина улыбка исчезает. – Мы хотим воспользоваться текущим положением Стива перед законом как основанием для принятия экстренного судебного решения.

От меня не ускользает печаль, появившаяся в глазах отца, но она тут же исчезает. Предательство Стива ударило по всем нам, но папе больше всего. Стив был его лучшим другом, но это не остановило мерзавца повесить на меня свое преступление, за которое мне грозил тюремный срок.

И еще...

Горло сжимается, когда я вспоминаю еще одно его предательство.

У Стива был роман с моей мамой.

Меня начинает тошнить даже от одной мысли об этом, и я почти жалею, что все мы прочитали то письмо. Хотя, если посмотреть с другой стороны, так лучше для всех нас. Я так долго винил себя в маминой смерти! Только и думал о том, не моя ли тяга к насилию и безбашенность довели ее до края. А Ист считал, что ее убили он и его зависимость от таблеток.

Зато теперь мы хотя бы знаем правду. Мама убила себя из-за чувства вины за то, что спала с папиным лучшим другом. И еще она думала, что папа ей изменяет. Стив внушил ей это.

Гребаный Стив. Я надеюсь, что больше никогда его не увижу.

– Элла!

Наверное, у этого ублюдка начали гореть уши, потому что он вдруг появляется на лестнице, ведущей из здания суда.

– Вот дерьмо, – бормочет Истон.

Близнецы тоже ругаются себе под нос, только более цветисто. Я обдумываю, не перекинуть ли мне Элла через плечо, прыгнуть в машину и умчаться прочь. Но я слишком долго сомневаюсь, потому что Стив уже идет к нам через парковку.

Папа с грозным видом шагает вперед, загораживая собой Элла.

– Тебе лучше уйти, – велит он.

– Нет. Я хочу поговорить со своей дочерью. – Стив выглядывает из-за

папы и обращается к Элле: – Элла, послушай. Той ночью я был под чем-то. Наверное, Дина что-то подсыпала мне в напиток. Ты же знаешь, я никогда бы и пальцем тебя не тронул. И Брук я тоже не трогал. Ты неправильно истолковала все, что я тогда говорил.

В глазах Эллы мелькает боль.

– Правда? Значит, теперь ты будешь рассказывать нам эту сказку?

– Ты должна поверить мне.

– Поверить тебе? Ты издеваешься? Ты убил Брук и пытался подставить Рида! Я не знаю, кто ты, и не хочу тебя знать.

Она рывком открывает дверь машины и залезает внутрь. Хлопок двери заставляет нас двигаться. Близнецы и Истон забираются в «ровер» Сойера, а я сажусь с Эллой в папину машину.

Папа остается со Стивом, но за закрытыми окнами «мерседеса» нам почти не слышно, о чем они спорят. Да мне и плевать, если честно. Я уверен, что папа пошлет Стива в ад, где он совершенно заслуженно будет гореть до скончания времен.

Я обнимаю Эллу за плечи, и она поднимает на меня свои грустные глаза.

– Когда я только приехала, вы вели себя со мной очень грубо, – начинает она.

Я морщусь.

– Знаю.

– Но потом все изменилось, и я... у меня впервые появилась семья.

Элла плачет и так сильно сжимает свои руки, что костяшки побелели.

Я накрываю их своей ладонью и чувствую, как на нее падают горячие слезы.

– Когда появился Стив, нам было сложно, особенно ему со мной, но в глубине души я даже радовалась, что он так хочет стать мне настоящим отцом. Его правила были совершенно дурацкими, но девчонки в школе сказали, что это нормально, и порой благодаря им я чувствовала, что он действительно заботится обо мне.

Я проглатываю ком в горле. В ее словах так много боли, но я не знаю, как ей помочь.

– Я думала, – хватая ртом воздух, продолжает Элла, – иногда я думала, что мама была неправа, таская меня по всей стране и убегая от одних неудачных отношений к другим. Я думала, что будет даже лучше, если я вырасту со Стивом. Буду О'Халлоран, а не Харпер.

О черт. Я притягиваю ее к себе на колени и прижимаю ее мокрое лицо к своей шее.

– Знаю, детка. Я люблю свою маму, но иногда тоже думаю о ней плохо. Я понимаю, она не могла жить в разладе с собой, но почему не захотела хотя бы *постараться*? Ведь она была нужна нам. – Я глажу Эллу по волосам и прижимаюсь губами к ее виску. – По-моему, даже если мы злимся и обижены, что наши мамы подвели нас, это не делает нас предателями.

Она тяжело вздыхает.

– Я хотела, чтобы он любил меня.

– Ой, детка, это со Стивом что-то не так. Он не в состоянии любить кого-то кроме себя. И это его проблемы, не твои.

– Я знаю, но мне все равно больно.

Дверь со стороны водителя открывается, и в машину садится папа.

– Как вы там? Все в порядке? – тихо спрашивает он.

Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида. Но я молчу: его вопрос был адресован Элле.

Судорожно вздохнув, она поднимает голову.

– Да, сейчас я порядком расстроена, но скоро буду в норме.

Элла слезает с моих колен, но ее голова остается у меня на плече. Папа выезжает задним ходом с парковки и везет нас домой.

– Как-то раз я сказала Вэл, что мы как зеркала, – шепчет мне Элла, – что каким-то странным образом подходим друг другу.

И я понимаю, о чем она говорит. Те сложные чувства, которые мы испытываем к своим матерям, их слабости и хрупкости, внутренней силе и любви, что они дарили, к их эгоизму, который повлиял на нас, – все это запутало, сломало нас изнутри, но случилось так, что узелки распутались, и мы снова стали целым.

Элла помогает не сломаться мне. А я помогаю не сломаться *ей*.

Раньше я боялся будущего. Не знал, найду ли я себя, уйдут ли из меня навсегда злость и горечь, смогу ли когда-нибудь ощутить себя достойным и найду ли ту, которая сможет увидеть меня настоящего, а не подонка, которым меня считает весь остальной мир.

Но теперь я больше не боюсь: я нашел ту, которая видит меня, истинного. И я тоже вижу ее. И больше не хочу знать никого, кроме Эллы Харпер, потому что она и есть мое будущее. Она – мой стержень, огонь во мне, мое спасение.

Она – это все.

Глава 37

Элла

Неделю спустя

– Что это? – спрашиваю я, когда выхожу из ванной, одетая в свои любимые домашние вещи: футболку Рида и шорты.

Сегодня тренировка группы поддержки затянулась, и я сказала Риду ехать домой без меня. А когда вернулась, то заставила его ждать, пока приму душ, хотя он заявил, что ему все равно, потная я или нет.

И вот я выхожу из ванной и вижу на своей кровати россыпь красочных буклетов. На многих из них изображены молодые люди, прижимающие к груди учебники.

– Выбирай, – говорит Рид, не отводя взгляда от телевизора.

Я подхожу ближе. Это рекламные проспекты колледжей, около десяти штук.

– Что выбирать?

– Выбирай колледж, где мы будем учиться.

– Мы?

Из любопытства я открываю одну брошюру. Она гласит: «Университет Северной Каролины был основан в восемнадцатом веке».

– Ага.

Рид переворачивается, подминая под себя половину блестящих проспектов.

– Мы выбираем вместе? – удивленно спрашиваю я.

– Да. Ты говорила, что хочешь танцевать, так что там есть парочка колледжей, где можно получить степень магистра искусств. – Порывшись в куче, он достает красно-белую брошюру. – Так, значит, ты можешь получить диплом по танцам в Университете Северной Каролины в Гринсборо и в Университете Северной Каролины в Шарлотте. Оба имеют аккредитацию Национальной ассоциации танцевальных школ.

По телу разливается знакомое тепло.

– Ты сам все это узнал?

– Еще бы!

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Он такой милый

и рассудительный! Никто и никогда не делал для меня ничего подобного. Но, видимо, мне плохо удастся совладать со своими эмоциями, потому что Рид встает с кровати и притягивает меня к себе.

Он пристально смотрит мне в глаза.

– Ты расстроилась?

– Нет, просто это так мило, – всхлипываю я.

Улыбаясь, Рид садится на кровать и ставит меня между ног. Он выглядит одновременно смущенным и гордым собой.

– По-моему, это самое меньшее, что я могу для тебя сделать. Чем ты хотела заниматься до того, как папа похитил тебя?

– Ага, значит, ты все-таки признаешь, что он меня похитил?

Рид широко улыбается.

– Я только что так и сказал.

– Ладно. Я собиралась поступить в муниципальный колледж и получить бизнес-образование, потом два года учиться на курсах по бухгалтерскому учету, затем найти стабильную работу и целыми днями считать цифры. Я планировала носить много одежды цвета хаки, питаться в столовой и, возможно, завести собаку, чтобы было к кому возвращаться домой.

Его улыбка становится еще шире.

– Ну что ж, а теперь ты можешь получить диплом искусств и жить на свой трастовый фонд.

– Но ты же хотел получить бизнес-специальность?

Он пожимает плечами.

– Я могу получить эту степень где угодно. И вряд ли отец не примет меня на работу. Он ждет не дождется, когда мы войдем в семейный бизнес. Но Гидеону это не по душе. Ист любит быстрые тачки. Близнецы больше похожи на... – Он внезапно обрывает фразу, едва не сказав имя Стива. – Близнецы любят самолеты, но коммерческая сторона им неинтересна.

Я высвобождаюсь из его объятий и подхожу к комоду, откуда достаю флаер, который нашла вчера на доске объявлений в Астор-Парке, – вернее, на него мне указала Хейли. Повернувшись к Риду, я меняю брошюру университета на флаер.

– Что это? – Он переворачивает его.

– Сеть клубов любительского бокса. Тебе же нравится все бить, а так больше не нужно будет ездить в доки. Можешь драться здесь сколько хочешь, и это совершенно законно. Тебе необязательно заниматься этим до конца жизни, но...

– Мне нравится, – объявляет Рид.

– Правда?

– Я могу заниматься боксом, ходить на занятия и приходить домой к тебе, правильно?

Я прижимаюсь к нему.

– Правильно. – Мои губы растягиваются в улыбке. – О, и Вэл просила передать тебе, чтобы ты захватил с собой Уэйда. Она считает, что ему не помешает чаще получать по его красивому личику.

Рид усмехается.

– Я думал, что они все-таки вместе!

– Они вместе. – Подумав о своих лучших друзьях, я начинаю смеяться. Они официально стали парой неделю назад, а Вэл уже устанавливает свои порядки. – Просто она еще мстит ему за ту интрижку.

Рид закатывает глаза.

– Вы, девчонки, сумасшедшие!

– Неправда! – Я щипаю его за бок на будущее. – О, и, кстати, я решила, что буду ходить на занятия балетом. Это единственное, в чем я завидую Джордан. Конечно, за год занятий я не смогу научиться танцевать так же круто, как она, но все равно это не помешает.

– Папа оценит.

Рид притягивает меня к себе, и я трюсь о его восхитительно мускулистое тело. Наши губы встречаются в нежном и сладком поцелуе. Он проскальзывает руками под ткань моих шортов и прижимает к себе еще крепче. Мы целуемся до тех пор, пока не начинаем задыхаться, и тогда я отстраняюсь от него. Если мы будем продолжать в том же духе, то через считанные секунды останемся без одежды. Но скоро ужин, а мы изо всех сил стараемся начать ужинать все вместе, как настоящая семья.

К тому же сегодня приезжает Гидеон, и у меня есть для него подарок.

– Как ты переживаешь все это?.. – Рид снова умолкает посреди фразы. Как обычно, он предпочитает не называть имя Стива, а оставить лишь намек на него.

– Со мной все в порядке, – заверяю я его. – И не надо бояться произносить при мне имя Стива. Просто не называй его моим отцом, потому что он мне не отец и никогда им не был.

– Да, – соглашается Рид. – Он тебе не отец. И в тебе почти нет ничего от него.

– Надеюсь.

Но вот только, сколько бы я ни отрицала этого, Стив – мой отец, и тот трастовый фонд, о котором говорил Рид, – это все деньги Стива, которые он отписал на мое имя, а попечителем сделал Каллума. Правда, я уже

сократила этот фонд где-то наполовину, но все ради благих целей.

По-моему, Гидеон сегодня будет невероятно счастлив узнать о сделке, которую я заключила с Диной. В обмен на половину денег Стива она сожгла все, что было у нее на Гида и Саванну. И я знаю, что все закончилось раз и навсегда, потому что лично стояла рядом с камином, когда Дина чиркнула спичкой и сожгла флешку, распечатанные фотографии и юридические документы, которые, как надменно сообщила мне она, не были на самом деле заполнены.

Это был тот же самый камин, рядом с которым погибли Брук и ее дитя, но я стараюсь особо не думать об этом. Брук умерла. И нерожденный ребенок Каллума – тоже. Их уже не вернуть, и поэтому нам лучше будет оставить это трагическое и тяжелое для всех событие в прошлом.

Я беру Рида за руку.

– А ты сам как? Легче воспринимаешь то, что произошло?

– Да, – признается он. – Конечно, я рад, что меня не посадят, но все еще злюсь на твоего... на Стива. И на маму – тоже. Но я пытаюсь отпустить это.

Я полностью его понимаю.

– А Истон? Тебе не кажется, что в последнее время он ведет себя как-то странно?

На протяжении всей этой недели Ист ходил необычно подавленным.

– Не знаю. Но, по-моему, он переживает из-за девушки.

Я валюсь на бок.

– Шутишь?

Рид криво усмехается.

– Я серьезно.

– Вот это да! – Я изумленно качаю головой. – Наверное, ад замерз.

– Угу.

Но я не успеваю вытащить из него все детали, потому что из холла раздается голос Каллума:

– Ужин готов!

Рид поднимает меня с кровати и ставит на ноги.

– Давай пойдем вниз. Семья уже ждет.

Я обожаю это слово и этого мальчишку, который берет меня за руку и ведет к нашей семье.

Моей семье.

Благодарности

Начиная работу над «Бумажной принцессой» осенью две тысячи пятнадцатого года, мы были уверены, что пишем ее друг для друга. Обменивались главами по электронной почте, а потом переносили слова на бумагу.

Как бы нам самим ни нравилась эта книга, мы и представить не могли, что она вызовет интерес у читателей по всему миру. И мы благодарны им за то, как тепло они встретили эти истории, – это вы вдохнули жизнь в наших героев.

Мы также хотим сказать спасибо Марго, которая выслушала все наши идеи и сразу же высказала замечания и предложения.

Мы благодарим наших первых читательниц: Джессику Клэр, Мишель Каннан, Мелжан Брук и Дженнифер Л. Арментроут – за их неоценимую критику, а также нашего рекламного агента Нину, которая взяла на себя всю работу по информационной поддержке этого проекта, – мы понимаем, с какой горой работы тебе пришлось столкнуться!

Мы бы пропали без Наташи и Николь, наших ассистентов, которые удерживали нас за работой.

И, конечно же, мы в неоплатном долгу перед блогерами, рецензентами и читателями, которые нашли время, чтобы прочесть эту книгу, написать свои отзывы и рассказать о ней другим. Ваши поддержка и отклик оправдали весь этот нелегкий труд!

Всем читателям, которые полюбили эту серию. Мы даже не могли предположить, что эти истории станут столь популярны. Спасибо вам.

Убийство при смягчающих вину обстоятельствах. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Эта фраза была использована во время заседания парламента Новой Зеландии в 1868 году и описывала непокорные племена британских колоний, впоследствии став крылатым выражением.

Персонаж комиксов о Супермене, его возлюбленная, а впоследствии и жена. Работала репортером в газете и всегда выбирала самые опасные и трудные задания.

Sack (*англ.*) – в американском футболе перехват квотербека с мячом до того, как он отдал пас.

Игрок НФЛ, 18 лет выступавший на позиции квотербека и завершивший свою карьеру в 2016 году. Известен своим фирменным криком «Омаха!» – ориентиром того, какую игру будет вести команда.

Сторонники Конфедеративных Штатов Америки (1861–1865), куда входило 13 южных рабовладельческих штатов, в т. ч. и Северная Каролина, которые участвовали в Гражданской войне США против Соединенных Штатов, поддерживая рабовладельческий строй, но проиграли.

7

Вид стейка на кости в форме буквы «Т».

Американский комедийно-драматический сериал о жизни в женской тюрьме.

320-километровая полоса узких песчаных островов побережья штата Северная Каролина, являющихся известной достопримечательностью и славящихся своим умеренным климатом и протяженными пляжами.

Mixed martial arts (*англ.*), смешанные боевые искусства.

11

Американская актриса и телеведущая.